

Лиза Джейн Смит Ритуал

Тайный Круг – 1

Аннотация

Тихая и застенчивая старшеклассница Кэсси вместе с матерью переезжает из солнечной Калифорнии в мрачный городок Нью-Салем, к бабушке, которая увлечена мистикой и до странного много знает о травах. Поначалу Кэсси скучает по дому и прежним друзьям, но вскоре знакомится с компанией подростков, которые держат в страхе всю школу. Они принимают ее в свой тайный круг, и после особого ритуала Кэсси становится частью клана могущественных ведьм. А потом Кэсси влюбляется, и ей предстоит сделать непростой выбор: остаться с возлюбленным или шагнуть в мир темной магии.

Тихая и застенчивая старшеклассница Кэсси вместе с матерью переезжает из солнечной Калифорнии в мрачный городок Нью-Салем, к бабушке, которая увлечена мистикой и до странного много знает о травах. Поначалу Кэсси скучает по дому и прежним друзьям, но вскоре знакомится с компанией подростков, которые держат в страхе всю школу. Они принимают ее в свой тайный круг, и после особого ритуала Кэсси становится частью клана могущественных ведьм. А потом Кэсси влюбляется, и ей предстоит сделать непростой выбор: остаться с возлюбленным или шагнуть в мир темной магии.

Посвящается моей матери, столь же любящей и терпеливой, как мать наша Земля, и отцу, кроткому рыцарю без страха и упрека.

Ночью Кэсси приснился сон, слишком похожий на явь. Ей пригрезилось, что мама с бабушкой незаметно проникли в комнату, вытащили ее сонное тело из кресла, освободили его от одежды и переложили на кровать. Потом, склонившись над нею, скованной и будто застывшей, долго внимательно вглядывались в нее. Глаза матери смотрели на девочку темными бездонными омутами, исполненными беспокойства и загадки.

- Маленькая моя, - горестно вздохнула бабушка, - вот и ты с нами. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь.

- Тсс! - оборвала ее мать. - Разбудишь.

Бабушка опять вздохнула.

- Ты же видишь, по-другому никак не получается...

- Да, - в голосе матери звучали опустошенность и смирение, - я вижу, что от судьбы не скрыться. И пытаться не стоило.

«Надо же, и я так думала! - искренне удивилась Кэсси, отмахиваясь от странного сна, как от назойливого насекомого. - От судьбы не скрыться».

Потом она наблюдала, как, удаляясь, размываются фигуры мамы и бабушки, слушала, как постепенно стихают их голоса, пыталась разобрать слова, но не могла, и все же одно - зловеще-шипящее - расслышала:

Жертвоприношение...

Некоторое время слово еще пометалось внутри ее черепной коробки, потом вроде бы уgomонилось. И все же до тех пор, пока Кэсси не забылась новым, на этот раз бессюжетным и ничем не примечательным сном, шипение продолжало то и дело мучить ее своим мрачноватым рефреном: жертвоприношение... жертвоприношение... жертвоприношение...

1

На Кейп-Коде стояла удушающая жара, и это было нечестно: Кэсси заранее тщательно изучила путеводитель: в нем сообщалось, что здесь все должно быть идеально, как в эльфийском Лотлориэне.

В книжке, правда, вскользь упоминалось, что есть парочка вещей, способных отрезвить обалдевшего от сей благодати путешественника: во-первых, это растение под страшным

названием ядовитый сумах ¹, во-вторых, клещи, тля, какие-то ядовитые креветки и, напоследок, подводные течения в спокойных, на первый взгляд, водах.

В книге также отмечалось, что следует с осторожностью относиться к прогулкам по узким мысам, поскольку приливная волна может, сама того не желая, отрезать вас от берега. Хотя Кэсси, по правде сказать, ни о чем большем сейчас и мечтать не смела, кроме как о том, чтобы оказаться отрезанной от берега на далеко уходящем в Атлантический океан мысе - да где угодно, лишь бы Порция Бейнбридж осталась с другой стороны.

Никогда еще Кэсси не чувствовала себя так гадко.

- Так вот, мой второй брат, ну, тот, что состоит в дискуссионном клубе ЭмАйТи ², тот, который два года назад ездил на чемпионат мира в Шотландию... - разглагольствовала Порция.

Кэсси ненадолго вынырнула из своего безотрадного ступора и сразу же вернулась обратно. Оба брата Порции учились в ЭмАйТи, и оба чертовски преуспели, причем не только на интеллектуальном поприще, но и на спортивном. Порция и сама чертовски преуспела, хотя, равно как и Кэсси, всего лишь перешла в 9-й класс. А поскольку любимой темой Порции являлась сама Порция, весь прошедший месяц она щедро делилась с Кэсси всевозможной информацией об этом интереснейшем предмете.

- Так что, когда я заняла пятое место в категории «неподготовленное выступление» на соревновании Национальной судейской лиги, мой парень сказал:

«Ну, теперь-то ты, без вопросов, поедешь на чемпионат страны».

«Всего одна неделя, одна малюсенькая неделечка, и мы поедem домой».

Мысль о доме наполняла сердце девушки такой неизбывной тоской, что слезы сами собой начинали сочиться из ее грустных глаз. Домой, где друзья. Домой, где она не будет чувствовать себя лишней, нудной, бессмысленной. Где никто не сочтет ее тупой только потому, что ей неизвестно, что за птица этот венус ³. Где она сможет посмеяться над собственными рассказами о стремных каникулах на восточном побережье.

- И тогда папа сказал: «Послушай, давай уже, наконец, купим ее!», а я говорю ему - «Нет», хотя потом подумала, а почему бы и нет?...

Кэсси переключилась на изучение окрестностей.

Сам по себе Кейп-Код был очарователен: домики с черепичными крышами, белые изгороди, увитые розами, на крылечке - непременно кресло-качалка, на окнах - неременная герань: не вид - картинка! Прибавьте к этому тучные сельские пастбища, старинные здания школ и островерхие церквушки; Кэсси казалось, что ее посадили в машину времени и перевезли в другую эпоху.

И все бы ничего, но каждый чертов день приходилось общаться с Порцией. И хотя каждый божий вечер Кэсси придумывала по пачке разгромно-остроумных комментариев к текстам болтливой приятельницы, она так ни разу и не блеснула ни одним из них. Хуже всего был даже не непрерывный словесный поток, которым постоянно фонтанировала Порция, а тоскливое холодное чувство, охватывающее Кэсси при каждом их общении: чувство, будто она сама - чужая, случайная гастролерша не с того побережья, рыба, выброшенная на сушу. Неудивительно, что крошечный домик в родной Калифорнии казался ей раем.

«Всего одна неделя! - успокаивала себя девушка. - Потерпи капельку».

А тут еще мама, которая в последнее время кажется такой бледной и притихшей... Кэсси на секунду запаниковала, но тут же взяла себя в руки.

«С мамой все в порядке, внушала она себе, - просто ей, наверное, тоже не очень тут нравится, хоть она и родом откуда-то из этих мест. Вдруг она так же, как и я, считает дни, оставшиеся до отъезда?!»

1

2

3

Ну, конечно, мама считает дни, и поэтому переживает, видя, как Кэсси скучает по дому, корит себя за то, что притащила дочь сюда на каникулы, что преподнесла ей Кейп-Код в каком-то радужно лучезарном свете. Ничего, дома все образуется.

- Кэсси! Ау-у! Ты меня слушаешь или опять витаешь в облаках?

- А? Что? Конечно, слушаю, - Кэсси быстренько вернулась на землю.

- Тогда скажи, о чем я тут сейчас распиналась перед тобой битых пять минут.

Кэсси попала в затруднительное положение; извилины ее мозга скрипели, как старые уключины: дискуссионный клуб, университет, Национальная судейская лига... Ее и раньше называли мечтательницей, но чтобы так часто, как здесь?!

- А говорила я о том, что таким людям на приличном пляже не место, особенно, если они с собаками, - нудела Порция. - Я понимаю, мы, конечно, находимся не в Бухте Устриц, но здесь, по крайней мере, чисто. Ты только посмотри! - Кэсси поглядела в ту сторону, куда указывал негодующий перст Порции, но увидела всего лишь парня, неспешно прогуливающегося вдоль моря.

Она обратила к приятельнице полный непонимания взор.

- Он работает на рыболовецком судне, - все существо Порции полыхало праведным гневом, раздувшиеся от возмущения ноздри ходили ходуном. - Ты пойми, утром я видела, как он выгружал рыбу на пирсе. Спорим, он даже не переоделся с тех пор. Господи, какая мерзость!

Кэсси силилась, но никак не могла понять, чем именно заслужил такое отвращение бредущий по берегу высокий рыжеволосый улыбающийся парень, у ног которого радостно виляла хвостом собака.

- Мы никогда не общаемся с теми, кто работает на рыболовецких судах, мы даже не смотрим в их сторону - объясняла Порция особенности местного этикета.

И буквально через минуту, к своему вящему удивлению, Кэсси обнаружила, что приятельница не врет. На пляже в этот момент отдыхало около десятка девушек. Сбившись в группки по двое-трое, они занимались тем, что старались обзавестись ровным загаром. Некоторым повезло привести с собой молодых людей, но большинству приходилось довольствоваться подружками. Так вот, когда рыжий юноша проходил мимо любой из этих группок, девушки демонстративно отворачивались и начинали смотреть в другую сторону. Нет, они не манерничали и не играли в недоступных снежных принцессок, которые потом тают и провожают молодых людей детсадовским хихиканьем; они натурально отбраковывали его по классовому признаку. Парень шел по пляжу, как по минному полю, и с каждым шагом его улыбка угасала.

Наконец он приблизился к двум красоткам, раскинувшимся по соседству с Кэсси и Порцией; моментально отвернувшись, барышни презрительно фыркнули. Парень только плечами пожал: он уже понял, что здесь живут странные люди. Кэсси никак не могла взять в толк, чем так ужасен рыжий и что заставляет девиц воротить носы. На нем был обычный прикид - потертые джинсовые шорты, разношенная футболка - сейчас так одеваются все парни. Собака тихонечко брела рядом, дружелюбно повиливая хвостиком, никого не трогая, но контролируя ситуацию. Наша героиня переключилась на лицо молодого человека: что может быть интереснее, чем глаза у незнакомцев?!

- Глаза вниз! - тут же послышалось змеиное шипение Порции: рыжеволосый как раз поравнялся с ними.

Подчинившись ее команде, Кэсси резко потупила взор. Вся ее сущность бурлила от возмущения: «убого, уродливо, бессмысленно, жестоко»; стыд терзал добрую душу подростка, однако сопротивляться приказам надутой снобки-приятельницы пока не получалось.

Пытаясь отвлечься, наша героиня принялась за детальное изучение песка, который словно оживал под ласковыми лучами солнца. Белый издалека, при ближайшем рассмотрении песок оказывался пестрым, как радуга: тут были и крупницы темно-зеленой слюды, и пастельно-розовые сколы ракушек, и микроскопические гранаты красного кварца.

«Нечестно, - мысленно обратилась Кэсси к юноше, который, понятное дело, ее не слышал. - Прости меня, я знаю, что это несправедливо! Будь моя воля, все было бы по-другому, понимаешь?...»

Вдруг в руку девушке ткнулось что-то мокрое и теплое.

Кэсси ойкнула от неожиданности. Пес, а это был именно он, снова с еще большей настойчивостью защекотал ее ладошку. Устоять перед таким напором было невозможно, и она потянулась к жизнерадостному созданию, потрепала мягкую спинку, почесала ласково покалывающую пальцы щетинку носа. Пес был большой и умный, с карими глазами и довольной мордой - немецкая овчарка или что-то в этом роде. Он подействовал на девушку расслабляюще и ободряюще, как всегда действуют на нормальных людей собаки и дети. Кэсси растроганно улыбнулась.

Потом быстро, чтобы успеть до очередного указания Порции, перевела взгляд на хозяина пса.

Впоследствии девушка будет часто вспоминать это мгновение: она, сидящая на песке, поднимает к нему глаза, а он, стоящий рядом, опускает к ней свои. И сразу выясняется, что у него серо-голубые глаза, похожие на море в самые-самые загадочные мгновения. И что у него необыкновенное лицо, чуждое расхожих представлений о привлекательности, но такое, что оторваться невозможно. Высокие скулы, волевой подбородок. Гордое, независимое, остроумное, утонченное лицо! Взгляд, брошенный парнем на Кэсси, явно поднял ему настроение, потому что в серо-голубых глазах сверкнули какие-то искры - будто солнце решило прогуляться по поверхности волн.

Наша героиня, как правило, стеснялась незнакомых мужчин, но этот был обыкновенным рыбаком, к тому же, незаслуженно обиженным, поэтому она вела себя с ним по-другому: ей хотелось сделать ему приятное, чтобы загладить стыд и неловкость. Но дело было не только в этом. Искорки, так неожиданно появившиеся во взгляде юноши, отразились бесовскими огонечками в глазах Кэсси, а улыбка, возникшая на лице рыжеволосого, вызвала у нее желание немедленно громко рассмеяться. И когда она, наконец, сделала это, между ними возникла маленькая тайна, их личный секрет, недоступный никому вокруг, кроме, может быть, собаки, которая носилась в полном экстазе, будто была в курсе происходящего.

- Кэсси! - злобное шипение Порции нарушило хрупкую идиллию.

Наша героиня опомнилась: оторвать взгляд от лица рыжего незнакомца оказалось совсем не просто.

- Радж! - парень сразу все понял и, оборвав смех, отозвал собаку.

Радж, продолжая бешено вилять хвостом, с явной неохотой оставил Кэсси и метнулся к хозяину, подняв маленькую песчаную бурю.

«Это несправедливо», - опять подумала девушка.

И вдруг произошло нечто из ряда вон выходящее.

- Жизнь вообще несправедливая штука, - произнес рыжеволосый.

Ее глаза, как испуганные птенчики, вспорхнули к загадочному лицу в поисках разъяснений. Но его мысли были уже далеко, а глаза потемнели, как море в непогоду. На секунду ей показалось, будто она заглянула туда, куда воспрещается смотреть смертным, туда, где заканчиваются пределы человеческого понимания и начинается неизвестность - мощная и чужая.

А потом он ушел, и собака потрусила следом... Он ни разу не оглянулся.

Кэсси осталась в полнейшем недоумении. «Как он услышал, ведь я не произнесла ни слова?!» - думала девушка.

Порция нарушила ее раздумья, издав какой-то свистящий звук, и Кэсси съежилась, заранее зная, что скажет ее приятельница: у пса, конечно же, чесотка, блохи, понос и золотуха, поэтому полотенце Кэсси нужно выкинуть, а ее саму - сдать в инфекционную клинику.

Но Порция молчала, не менее пристально, чем Кэсси, вглядываясь в удаляющиеся фигуры юноши и собаки. Ее взгляд долго следил за тем, как они поднялись на дюну,

свернули на заросшую тропку и побрели по дорожке вдоль пляжа. И, хотя в глазах снобки, как и прежде, читалось отвращение, в них появилось и нечто новое - то ли подозрение, то ли злой умысел. Во всяком случае, Кэсси впервые видела такое выражение на лице приятельницы.

- Порция, что случилось?

Глаза надменной барышни сузились до щелок.

- Мне кажется, - медленно процедила она сквозь плотно сжатые губы, - я его уже где-то раньше встречала.

- Сегодня утром на пирсе. Ты мне рассказывала.

Порция раздраженно затрясла головой.

- Не то. Замолкни и дай подумать.

Кэсси замолкла.

Порция еще некоторое время сверлила пространство введливим взглядом, потом легонько кивнула головой, будто утвердилась в собственных догадках. Ее лицо пошло пятнами, имеющими мало отношения к загару. Продолжая кивать и бормоча что-то про себя, Порция резко вскочила. Она выглядела возбужденной; ее дыхание участилось, а глаза казались безумными.

- Порция?

- Я пошла, у меня срочное дело, - выдавила та и помахала приятельнице. - Оставайся здесь.

- Объясни, что-то стряслось?

- Ничего! - Порция жестко зыркнула на мечтательницу. - Ничего не стряслось. Не забивай себе голову. Пока! - она почти побежала к дюнам, в сторону своего дома.

Поразительно - еще десять минут назад Кэсси отдала бы все на свете, чтобы Порция испарилась, но теперь ее уход не принес никакой радости. Девушка не знала, что делать, и чувствовала себя встревоженной, расстроенной и испуганной.

Еще одна деталь: перед тем, как исчезнуть, Порция пробурчала себе под нос нечто очень странное. Кэсси даже подумала, что ослышалась, настолько непонятым и невразумительным показалось ей это тихо произнесенное Порцией слово. Наверняка, приятельница сказала что-то вроде: «эх-ма» или «тюрьма», или «дурман». Не могла же она, в самом деле, сказать про парня «ведьма»!

«Расслабься, - внушала себе кроткая героиня. - Don't worry, be happy ⁴. Ты наконец-то одна, сбылась твоя мечта».

Однако расслабиться не получалось. Кэсси встала, завернулась в полотенце и пошла по пляжу туда, куда ушел незнакомец.

2

Девушка проследовала его маршрутом: до дюны, вверх, потом по тропке, заросшей пожухлой травой. Наверху она осмотрелась, но, кроме сосен и дубков, ничего не обнаружила. А был ли мальчик?... А была ли собака?

Становилось жарко.

«Ну и ладно», - с горечью подумала Кэсси. Она двинулась обратно к морю; не обнаружив поблизости юношу, она почему-то расстроилась и разочаровалась. Ничего, сейчас она искупается и остынет. Неприятности Порции пусть волнуют Порцию. А что до рыжего... вряд ли их ждет еще одна встреча, поэтому, как это ни прискорбно, пусть он тоже волнует кого-нибудь другого.

Вдруг Кэсси почувствовала легкий озноб: не тот, что очевиден даже для постороннего глаза и заставляет незнакомых людей предлагать вам неквалифицированную медицинскую помощь, а тот, что сообщает организму о надвигающейся болезни. «Мне просто очень, очень

жарко, так жарко, что уже почти холодно. Бегом в море!»

Кейп- Код в этом месте выходил в открытый океан с прохладно-остужающими течениями. Девушка зашла в воду по колени и побрела, куда глаза глядят, вдоль кромки пляжа. Дойдя до пирса, она, брызгаясь и повизгивая, выскочила на берег и забралась на прохладный камень. На волнах покачивались две весельных лодки и одна моторная; вокруг не было ни души.

То, что доктор прописал.

Наша героиня сняла с крючка толстый истрепанный канат, висящий здесь в качестве мифической защиты от безобразников вроде нее, и пошла по пирсу. Берег отдалялся, под ногами скрипели истерзанные непогодой и временем доски, по обе стороны дремал бескрайний океан. Оглянувшись назад, Кэсси с радостью отметила, что все любители загара превратились в малюсенькие точки. Легкий ветерок обволакивал лицо, играл волосами и пощипывал влажные ноги. Она вдруг ощутила необыкновенную легкость, свободу; почувствовала себя - словами этого не выразить - воздушным шаром, подхваченным ветром и устремившимся в небо.

Захотелось широко раскинуть руки и отдаться на волю ветра и океана. Страх пересилил: свободна, но пока не настолько. Она стояла на краю волнореза и потешалась над собственными фантазиями.

Небо и океан слились в монохромной сапфировой синеве, и только на горизонте, там, где они действительно сходились, небо было чуть-чуть светлее. Героине показалось, что она видит изгиб земли, но, конечно, это ей только почудилось. В воздухе радостно гагачили крачки и серебристые чайки.

«Вот бы стих сочинить!» - подумала девушка.

Она писала: дома, под кроватью, валялась целая тетрадь рифмованных каракулей, которые она почти никому не показывала и лишь время от времени перечитывала перед сном. Но сейчас слова почему-то не шли.

Как же здесь волшебю! Солоноватый запах моря, теплое дерево под босыми ступнями, мягкий плеск волн, целующихся с опорами пирса.

Голос волн гипнотизировал; он был ритмичным, как сердцебиение планеты, и до невозможности знакомым. Кэсси прислушалась к себе: ее дыхание постепенно замедлялось. Впервые за полтора месяца, проведенные в Новой Англии, девушка чувствовала себя дома: она была частью небесного свода, частью земли и моря, пусть даже ничтожно малой на фоне их необъятности, но, безусловно, частью.

Постепенно светлой героине открылось, что, возможно, ее участь не так уж ничтожна. В обычной ситуации она бы просто присутствовала на балу ритмов земли, но сейчас ей казалось, что она управляет этим балом. Ей казалось, что небо, земля и вода вошли в нее, и отныне она повелевает ими. Кэсси ощутила в себе вибрацию жизни - мощный, глубокий, яркий пульс планеты. Он учащался, а с ним усиливались напряжение и предвкушение... чего-то.

Но чего?

Глядя на море, она услышала ровную поступь - приближение слов. Они пришли: ерундовые, незамысловатые, так, безделица, пустячок для деточек, но все равно - стихи.

Небо и море, храни меня от горя.

Странно, но ей вдруг почудилось, что слова появились не из головы, а из далекого прошлого. Мгновенно высветился образ: она сидит у кого-то на руках и смотрит на океан. Маленькая девочка, поднятая высоко-высоко, слушает и слышит: Небо и море, храни меня от горя. Земля, огонь -...Нет.

Кэсси вся дрожала: впервые она так ярко ощущала синюю бесконечность неба, твердокаменную целостность земли, необозримый простор океана - волна за волной, и за следующей волной, и дальше в том же духе вплоть до самого волнующегося горизонта, и, наверняка, за ним тоже, только нам не дано это увидеть. И все они как будто выжидали, смотрели на свою повелительницу и ждали приказаний.

«Не надо, не заканчивай стихотворение! - приказала себе девушка. - Ни слова больше».

Неожиданно ею овладела безотчетная уверенность, что, пока оставшиеся слова не найдены, она вне опасности. Она пойдет домой и проживет в ладу сама с собой спокойную жизнь обыкновенного человека. И все будет хорошо и нормально - э-хе-хе, только бы они не нашлись!

Но слова затекали в мозг по капельке, как малюсенький, но настойчивый ручеек, пока, наконец, не встали на положенное им место, и остановить их, видит Бог, не было никакой возможности.

Небо и море, храни меня от горя. Земля и огонь - желание... узаконь. Вот оно.

«Господи, что я наделала?!»

Будто оборвалась струна. Дззззззиннннн... Кэсси пришла в себя; она стояла, уставившись дикими глазами на океан. Если чувства ее не обманывали, что-то произошло: силы природы покинули ее, и связи оборвались.

Свобода и легкость в мгновение ока улетучились, уступив место раздражению, протрации и какой-то чудовищной наэлектризованности. Океан неожиданно предстал перед ней во всей своей необъятной и не слишком дружелюбной мощи. Резко развернувшись, наша героиня направилась к берегу.

«Дура какая! - ругала она себя; чем ближе становился пляж, тем дальше отступал страх. - Чего ты так испугалась? Неужели всерьез думаешь, что небо и море слушали тебя? Или, возможно, полагаешь, что твои слова что-то для них значили?»

Нервный смешок чуть было не сорвался с ее губ: тяжело жить с больным воображением! Вот же она - живая, а вот мир - тот же, что и раньше. А что до слов... слова - это, как правило, только слова.

И тем не менее, событие, последовавшее за этой глубокой мыслью, не стало для нее неожиданностью.

На берегу что-то происходило; героиня заметила беспорядочные движения по пересеченной местности.

Рыжий вылетел из-за сосны и мчался, как оголтелый, вниз по склону дюны. Моментально успокоившись, Кэсси ускорила шаг и добралась до начала пирса как раз в ту секунду, когда нога парня коснулась пляжа.

Верный пес радостно подпрыгивал рядом, заглядывая юноше в глаза, будто говоря, какая, мол, веселая игра, а что мы будем делать дальше? Однако выражение лица парня недвусмысленно указывало на то, что игрой тут и не пахло.

Он затравленно оглядел пустынный пляж: слева, примерно в ста ярдах, в океан врезался мыс; понять, что за ним находится, было невозможно. Парень скользнул по Кэсси отсутствующим взглядом, а затем, приняв решение, помчался в сторону мыса.

Сердце девушки застучало с такой силой, что, казалось, его слышат даже дюны.

- Постой! - крикнула она, собрав всю доставшуюся ей от Бога и родителей смелость.

Он обернулся и просканировал Кэсси серо-голубым взором.

- От кого ты бежишь? - спросила она, в общем-то только для того, чтобы завязать разговор; она и так догадалась.

Его ответ был хриплым и отрывистым:

- От двух амбалов, смахивающих на полузащитников «New-York Giants»⁵.

Кэсси кивнула: ее сердце билось все сильнее, но голос, как ни странно, оставался спокоен.

- А-а, это Джордан и Логан Бейнбридж.

- Понятное дело.

- Так ты их знаешь?

- Нет, просто эти имена им очень подходят.

Кэсси расплылась в улыбке. Он был такой симпатяга - взъерошенный, взволнованный,

почти не запыхавшийся, а ведь бежал как угорелый! Еще ей очень нравились дьявольские огонечки в его глазах и то, что даже в таком состоянии он умудрялся шутить.

- С двумя мы с Раджем бы справились, но они взяли на подмогу еще двоих бугаев, а с четырьмя совладать сложновато, - сказал он, уже наполовину отвернувшись. И, убегая, добавил: - Ты лучше не ходи в ту сторону, незачем тебе с ними пересекаться. А если все-таки не повезет, я буду страшно признателен, если ты сделаешь вид, что не видела меня.

- Подожди! - опять остановила его Кэсси.

Казалось бы, ей незачем беспокоиться - не ее дело, не ее парень! Но сомнения вдруг улетучились: она во что бы то ни стало должна ему помочь.

- Туда нельзя, - затараторила самозваная спасительница. - За мысом скалы; ты упрешься в них и окажешься в ловушке.

- А если пойду сюда, вообще останусь без прикрытия - в эту сторону весь пляж, как на ладони, они вычислят меня в ту же секунду.

Мысли Кэсси замелькали с космической скоростью, а потом победно притормозили.

- Прячься в лодку.

- Что?!

- В лодку. В моторку. Вон она, у пирса, - девушка указала на катер. - Залезай в рубку, там тебя никто не увидит.

Он посмотрел на потенциальное укрытие и покачал головой:

- Вот где действительно ловушка. Если меня найдут там, пиши пропало. И Радж не фанат плавания.

- Не найдут, - убежденно заявила юная альтруистка, - они и близко не подойдут к лодкам. Я им скажу, что ты побежал к мысу.

Он внимательно посмотрел на храбрую девушку и абсолютно серьезно произнес:

- Ты не понимаешь, насколько они опасны.

- Мне по фигу, - бросила Кэсси и легонько подтолкнула его к пирсу. Что-то в мозгу нашептывало: «торопись, торопись, торопись». Стеснение как рукой сняло; сейчас было важно, чтобы он как можно скорее исчез. - Что они мне сделают? Побьют? Я же просто гуляю по берегу.

- Но...

- Прошу тебя! Не спорь. Прячься!

Еще секунду он потратил на то, чтоб окинуть Кэсси изучающим взглядом, потом повернулся, шлепнул собаку - «Пошли, малыш!» - побежал по пирсу, ловко забрался в катер, залег на дно и исчез из виду. Пес одним прыжком проделал все те же манипуляции и, оказавшись в катере, удовлетворенно залаял.

«Шшш!» - прошептала Кэсси.

Сейчас юношу и собаку не видно, но их сразу найдут, если кому-нибудь взбредет в голову прогуляться по пирсу. Чтобы ни у кого не возникло подобного желания, она повесила потрепанный канат обратно на самый первый столбик, затем лихорадочно окинула взглядом окрестности, с брызгами и девичьими воплями вбежала в воду, наклонилась и подняла со дна пригоршню песка и ракушек. Кэсси позволила воде вымыть лишнее из плохо запертой решетки пальцев так, чтобы две-три ракушки остались в ладони, и нагнулась за следующей порцией.

В этот момент со стороны дюн слышались крики.

«Я собираю ракушки, просто собираю ракушки, - девушка входила в роль. - Пока еще рано на них смотреть. Я очень увлечена».

- Эй!

Кэсси выпрямилась.

Их было четверо. Погоню возглавляли братья Порции: Джордан - тот, что из дискуссионной команды, и Логан - член Стрелкового клуба. Или наоборот?

- Послушай, ты не видела, куда пацан побежал? - спросил Джордан.

Парни принюхивались, как собаки, идущие по следу. Момент для стихов был, мягко

говоря, не самый подходящий, но Кэсси вдруг посетило вдохновение. Четыре тощие борзые притаились с ухмылкой на мордах. Правда тощими этих парней можно было назвать разве что с перепугу, они лоснились от пота и запыхались, тем самым вызывая в девушке какое-то особенное презрительное чувство превосходства.

- Да это ж Кэти, подружка Порции, - вспомнил Логан. - Послушай, Кэти, здесь паренек только что не пробежал?

Кэсси двигалась очень медленно: ее ладошки были полны ракушек, сердце в груди предательски громко стучало, а язык примерз к небу, как к железяке зимой.

- Ты что, немая? Что ты вообще здесь делаешь?

Не говоря ни слова, она вытянула руки вперед и раскрыла ладони.

Амбалы посмотрели на нее, как на придурочную, и переглянулись. Девушка живо представила, как выглядит в глазах взрослых парней: худосочная малолетка с ничем не примечательными темноватыми волосами и невыразительными голубыми глазами. Просто девочка не от мира сего из Калифорнии, которой нравится собирать никчемные ракушки.

- Здесь кто-нибудь был только что? - переспросил Джордан.

Он прямо землю рыл копытами от нетерпения, но держался, стараясь говорить медленно и внятно, как с глухой.

У Кэсси так пересохло во рту, что в ответ она смогла только кивнуть и взглядом указать на мыс. Параллельно она отметила, что на Джордане поверх футболки надета ветровка. В такую жару это выглядело, по меньшей мере, странно; еще более странно смотрелось нечто, выпирающее из-под ветровки. Однако поворот мощного тела расставил все на свои места: под курткой холодным блеском сверкнула сталь.

Пистолет?

«Значит, все-таки Джордан в Стрелковом клубе», - машинально подумала девушка.

Почему- то теперь, перед лицом реальной опасности, ее голос смиростивился, вернулся к хозяйке и хрипло произнес:

- Несколько минут назад здесь был парень с собакой, он побежал вон туда.

- Отлично! Он попался, там скалы! - обрадовался Логан.

Он и еще двое помчались по пляжу в указанном направлении, но Джордан остался на месте.

- Ты уверена?

Она с изумлением посмотрела на него.

«С чего бы ему переспрашивать?»

Распахнув глаза так, что они чуть не вылезли из орбит, Кэсси постаралась придать лицу самое что ни на есть детское и идиотское выражение.

- Да... - невинно ответила девушка.

- Ты хоть понимаешь, насколько это важно?! - заорал он и вдруг схватил ее за запястье. Кэсси в шоке уставилась на собственную руку; ракушки посыпались на песок. Она молчала, а он продолжал: - Нет, ты не понимаешь! - Неожиданно она почувствовала тугую вибрацию перекачанного тела, резкий запах пота.

Девушке пришлось изрядно потрудиться, чтобы сохранить на лице хоть какое-то подобие нейтрального выражения - внутри все бурлило от отвращения. Геройская героиня испугалась, что сейчас ее начнут бить, но противник ограничился выкручиванием кисти.

Кэсси не собиралась кричать, но все-таки вскрикнула. Во-первых, от боли, а во-вторых, от страха: в глазах джентльмена девушка узрела страшные призраки фанатизма, уродства и чего-то жаркого, полыхающего, как огонь. От ужаса у нее перехватило дыхание.

- Да, я уверена, - твердо произнесла бедняжка. Еле живая от страха, она невероятным усилием воли заставила себя не отводить глаз от жуткой физиономии. - Он пошел в ту сторону и обогнул мыс.

- Джордан, давай сюда, оставь ребенка в покое! - закричал Логан. - Пошли!

Джордан медлил.

«Он чувствует, что я вру, - Кэсси рассматривала ситуацию как шахматную партию:

вдруг, откуда ни возьмись, появился азарт, - чувствует, но боится доверять себе, потому что не привык».

«Верь мне, - думала она, глядя ему прямо в глаза, внушая, чтобы он сделал то, что ей нужно. - Поверь и уходи. Верь мне. Верь...»

Сначала он отпустил руку.

Затем грубовато буркнул:

- Извини, - развернулся и побежал догонять остальных.

- Ничего страшного, - прошептала Кэсси, стараясь держаться как можно ровнее.

Пока она, дрожа, как осиновый листок, наблюдала за тем, как четверо удаляются по мокрому песку, как подпрыгивают их колени и локти, и как на Джордане парашютом надувается ветровка, ее тело слабело, а руки и ноги подкашивались. Еще чуть-чуть, и она просто осыпалась бы, как листва в осеннем парке, не подоспей помощь.

Но помощь подоспела: неожиданно девушка с новой силой ощутила океан; он буквально укутал ее теплым мягким покрывалом успокаивающе-монотонного гула, и к моменту, когда четыре фигуры скрылись за поворотом, Кэсси почти ожила. Она повернулась к волнорезу, собираясь крикнуть рыжему, что можно вылезать.

Это оказалось излишним: он уже выбрался из лодки и смотрел на нее очень странным, внимательным взглядом.

- Тебе надо уходить или перепрятаться, - неуверенно произнесла героиня. - Они могут вернуться в любую секунду...

- Вряд ли.

- Ну, тогда... - Кэсси посмотрела на него и почувствовала неожиданную некомфортную неловкость, граничащую со страхом. - Пес твой умника! - решила она хоть как-то разрядить обстановку. - Ни разу не гавкнул, такой молодец!

- Он же не дурак.

- Н-да! - Кэсси обвела глазами пляж в напрасных поисках темы для разговора. Юноша говорил сейчас ровно и даже мягко, но как пронзительно смотрел и как хмурил брови! - Да, наверное, ты прав, они не вернутся, - заключила робеющая героиня.

- Спасибо, - он резко сменил тему и взглянул на нее еще более пристально. - Я просто не представляю, как благодарить тебя, - продолжил он, - пережить такой ужас! А ведь ты меня, в сущности, даже не знаешь.

Кэсси вся извелась: только она набиралась смелости взглянуть странному принцу в лицо, как сразу же чувствовала головокружение, но не могла оторвать взгляда от волшебных глаз. Огоньки в них сейчас не перемигивались, лишь струился ровным плотным потоком голый металл с голубоватым отливом. Его глаза завораживали, гипнотизировали, а потом приманивали и вбирали в себя полностью, со всеми потрохами.

«Нет, я тебя знаю», - думала героиня.

В это мгновение у нее в мозгу возник образ: она воспаряет над собственным телом и видит их обоих, себя и рыжего, на пляже. Вот он - солнце разноцветно копошится и его волосах; вот она - обескураженная, не способная оторвать от него глаз. А между ними - тонкая серебряная нить, звенящая и трепещущая, поющая от переполняющей ее энергии.

Это нить силы: она настолько реальна, что, кажется, к ней можно прикоснуться. Она идет от сердца к сердцу и пытается сблизить их.

Еле слышный внутренний голос нашептывает:

«Серебряную нить невозможно порвать. Вам не уйти друг от друга, как не уйти от собственной судьбы».

Вдруг и картинка, и голос исчезли так же резко, как появились. Кэсси замотала головой, пытаясь вернуть чудесное озарение, а парень все продолжал стоять в затянувшемся ожидании ответа.

- Я рада, что помогла тебе, - произнесла наконец девушка, понимая, что ответ, наверное, не слишком оригинален. - И вовсе не переживаю из-за этой ерунды.

Его взгляд переметнулся к ее запястью и вспыхнул серебром.

- Зато я переживаю, - проговорил юноша. - Мне надо было выйти и разобраться с ним. Кэсси снова замотала головой. Если бы его поймали и мучили, она бы, наверное, утопилась.

- Я просто хотела помочь, - от смущения совсем по-детски произнесла она. - Почему они гнались за тобой?

Он отвернулся, вздохнул. Кэсси почувствовала, что лезет не в свое дело, и опомнилась:

- Не важно. Проехали.

- Да нет, - таинственный незнакомец опять повернулся к ней и улыбнулся с легким прищуром. - Ты одна из немногих, кто действительно имеет право знать. Но объяснение будет довольно... путаное. Я здесь, как бы получше объяснить тебе, вроде как не на своей территории. Будь я дома, они бы и близко не подошли, не осмелились бы даже посмотреть в мою сторону. Но здесь я легкая добыча.

У Кэсси действительно не прибавилось понимания.

- Они не приемлют людей, которые на них не похожи, - продолжал он ровным тоном. - Я не такой, как они. Совсем другой.

«Что правда, то правда», - подумала героиня.

Кем бы он ни был, он точно не походил ни на Джордана, ни на Логана, ни на кого-либо из встреченных ею в жизни людей.

- Прости, знаю, что на объяснение это не тянет, - проговорил он. - Особенно учитывая то, что ты для меня сделала. Ты меня спасла, и я этого никогда не забуду, - он усмехнулся. - Согласись, глядя на меня, не возникает ощущения, что я могу тебе хоть как-нибудь пригодиться. Уж точно, не сейчас. Хотя... - он задумался, - погоди-ка.

Собеседник нащупал что-то в кармане. Все конфузы и головокружения Кэсси показались ей в этот момент сущей безделицей по сравнению с новой надвигающейся волной негативных чувств. Он ищет деньги?! Он хочет заплатить ей за помощь?! Унижение, хуже, чем то, которое она испытала, когда Джордан схватил ее за запястье, опустил мечтательную альтруистку ниже плинтуса, и глаза приготовились к тому, чтобы разразиться стройными и сильными потоками слез.

Однако из кармана появился всего лишь камушек, осколок, каких полным-полно на морском дне. Во всяком случае, таким он показался Кэсси на первый взгляд. Одна сторона была шероховатой, серой, испещренной тончайшими черными спиралевидными линиями, напоминающими крохотные ракушки. Зато другая - тоже серая, но с лихим замесом голубого, была вся утыканная кристаллами, мерцающими на солнце, как слюдяные леденцы. Восхитительный камушек.

Он мягко лег в ладонь Кэсси, и чужие, но такие прекрасные пальцы сомкнули пальцы девушки поверх кристалла. Ладонь сразу же как током прошибло, электричество пошло по руке вверх, в ушах загудело, и сквозь гул послышался тихий быстрый шепот:

- Это халцедон. Он приносит удачу. Если ты когда-нибудь окажешься в беде, опасности или любой другой передрыге, почувствуешь себя в одиночестве, и помочь будет некому, сожми его вот так, крепко, - пальцы юноши сжали ее кулак, - и вспомни обо мне.

Она смотрела на него, зачарованная и почти бездыханная. Он стоял так невыносимо близко! Она видела его глаза цвета подаренного им кристалла, ощущала его дыхание на своей коже, любовалась его телом, отражающим тепло солнца, и его волосами - не просто рыжими, а темными до фиолетового, бордовыми, золотыми - волосами, в которых все оттенки цвета сплелись в бешеной импрессионистской палитре.

«Не похож, - подумала влюбленная дурочка, - не похож ни на одного из парней, которых я когда-либо встречала».

По венам, вместо крови, потек сладкий теплый мед, и все ее существо наполнилось небывалой силой. Кэсси вся дрожала, сердце колотилось так, что пульсация ощущалась даже в кончиках пальцев, но, возможно, это билось его сердце - разделить их друг от друга сейчас было невозможно. Сперва ей почудилось, что он способен читать ее мысли; сейчас она знала: он у нее в голове. Такой близкий и такой родной...

- И что тогда произойдет? - пролепетала девушка.

- Тогда, возможно, удача повернется к тебе лицом, - он неожиданно отступил, будто вспомнив что-то важное, его тон изменился; момент прошел. - Ну, попробуй хотя бы разок, хуже не будет! - мягко предложил он.

Она кивнула. Теперь он, конечно, шутил, но до этого - нет.

- Мне пора. Я и так задержался дольше, чем следовало, - произнес парень.

Кэсси вздохнула.

- Будь поосторожнее. По-моему, у Джордана пушка.

- Почему-то меня это не удивляет, - он резко пресек эту тему. - Ты не беспокойся, я все равно уезжаю с Кейпа. Во всяком случае, в ближайшее время меня здесь не будет. Когда вернусь, даст Бог, встретимся, - он уже собрался было уходить, но на секунду притормозил и снова взял ее руку в свою. От его прикосновений Кэсси полностью теряла ориентацию в пространстве, не знала, куда бежать, что делать, она совершенно переставала владеть собой. Юноша развернул ее руку тыльной стороной вверх, посмотрел на кровоподтеки и мягко прошелся по ним кончиками пальцев. Потом опять посмотрел на нее: в волшебных глазах блеснула сталь. - И поверь мне, - прошептал рыжий, - однажды он за это заплатит. Я тебе обещаю.

А дальше случилось невообразимое: он поднес ее покалеченную руку к губам и поцеловал. Это было самое нежное и легкое из прикосновений, но оно жгло, как огонь. Девушка смотрела на него - очумевшая, не верящая собственному счастью, не способная ни думать, ни двигаться, только чувствовать.

Свистнув собаку, которая немного побесилась вокруг Кэсси, но в итоге, естественно, убежала, он опять ушел. Обалдевшая героиня еще долго смотрела им вслед, крепко сжимая в ладошке шероховатый камушек.

И только тут ее осенило, что она даже не спросила, как его зовут.

3

Вскоре она опомнилась. Нужно идти - Джордан и Логан могут вернуться в любую секунду. Если они поймут, что она специально обманула их... Обозревая окрестности с вершины невысокой дюны, Кэсси загрустила: мир возвращался на круги своя - куда только подевались тайна и волшебство! Может быть, они ей снились, а теперь она проснулась? Но, Боже мой, что это был за сон! Какая-то галиматья про серебряные нити, судьбу, про удивительного, ни на кого не похожего парня. Бред! Камень в ее руке был просто камнем. А слова - просто словами. Даже парень... Каким образом он мог прочесть ее мысли?! Никаким, если только не найти этому логического объяснения...

Она еще крепче сжала подарок в кулаке. Ее ладонь, запястье, все, к чему прикоснулся удивительный юноша, пели «Ave Maria» и славили прекрасный мир, в котором есть он. Будь что будет, эти воспоминания навсегда останутся с ней.

Кэсси вошла в дом, прикрыла входную дверь и остановилась. С кухни доносился мамин голос, и по тону чувствовалось: что-то стряслось.

Миссис Блейк разговаривала по телефону, стоя спиной к двери и прижимая трубку к уху. Кэсси не переставала удивляться тому, как выглядела ее мать. Стройная, как тростинка, с длинными темными волосами, собранными в пучок на затылке, она напоминала подростка и вызывала желание защитить ее. Иногда дочери казалось, что мать на самом деле - она.

Кэсси не стала прерывать разговора. По тому, как миссис Блейк односложно переходила от сухого «Да» к настороженному «Понимаю», чувствовалось, что она расстроена.

Дочь направилась в спальню, подошла к окну, выглянула на улицу и пространно порассуждала про себя о возможных причинах материнского огорчения. Но, честно говоря, она не могла по-настоящему думать ни о чем, кроме рыжеволосого.

Даже если Порция знает, как его зовут, она на сто процентов никогда этого не скажет.

Как отыскать человека, не зная имени?!

Никак. Вот и вся история. Да и узнав его имя, Кэсси не стала бы за ним бегать - она просто этого не умеет. Не обучена.

- А через неделю я уеду, - прошептала грустная поэтесса.

Впервые эти слова не принесли ни утешения, ни надежды. Маленький кусочек халцедона с легким стуком лег на тумбочку.

- Кэсси, ты что-то сказала?

Девушка обернулась и увидела стоящую в дверях мать.

- Мам, я не знала, что ты уже закончила, - и добавила, отвечая на вопрос, застывший в глазах матери: - Я просто думала вслух. О том, что в конце следующей недели мы поедем домой.

Выражение лица матери резко изменилось: будто боль, надежно скрытая, на секунду вырвалась из плена. Огромные черные глаза матери были обведены темными кругами; эти глаза обшаривали комнату, будто не зная, куда спрятаться.

- Мам, в чем дело? - Кэсси почуяла недоброе и решила, наконец, прояснить ситуацию.

- Я говорила с бабушкой. Ты же помнишь, мы собирались навестить ее на следующей неделе?

Как тут забудешь! Когда она пыталась рассказать Порции, что они с мамой поедут к бабушке на машине по побережью, Порция рявкнула, что здесь, дескать, это не называется побережьем. Оказывается, от Бостона до Кейп-Кода пролегает южный берег, от Бостона до Нью-Хэмпшира - северный, если вдруг кому-то взбредет в голову отправиться в Мэйн, он поедет на восток, а если к ее бабушке... А где бабушка, кстати, живет? Кэсси не знала, где, поскольку мать ей этого никогда не говорила.

- Конечно, - сказала девушка, - я помню.

- Ты даже представить себе не можешь, как она сдала. Совсем плохо себя чувствует, гораздо хуже, чем я предполагала.

- Бедная бабушка! - Кэсси никогда не только бабушку, но даже фотографию бабушки не видела и, тем не менее, по-настоящему сочувствовала ей. Женщины не общались примерно с тех пор, как родилась Кэсси. Это было как-то связано с уходом матери из дома, но в подробности семейной драмы ребенка не посвящали. Правда, в последние годы возобновился вялый обмен письмами, позволяющий Кэсси надеяться, что в душе они все-таки любят друг друга. Так что познакомиться с бабушкой ей очень хотелось. - Мам, мне, правда, очень, очень ее жалко, - произнесла она. - Ты думаешь, она поправится?

- Не знаю. Она там совсем одна в огромном доме... а теперь еще это воспаление вен! Она почти не ходит.

Лучи солнца разливали лицо матери полосками света и тени. Речь ее лилась ровно, но вымученно, будто она сдерживала рвущиеся наружу эмоции.

- Доченька, мы с бабушкой не очень ладили, но мы ведь одна семья, и, кроме нас, у нее никого. Настало время забыть о ссорах, - никогда раньше она не говорила о разрыве так открыто.

- Мам, а что все-таки между вами произошло?

- Теперь это не важно. Она хотела, чтобы я... скажем, выбрала путь, который мне казался неприемлемым. Она считала, что поступает правильно... Как и я... Теперь она беспомощна и одинока.

Кэсси почувствовала легкий холодок. Что это - беспокойство о неведомой бабушке или что-то еще? Кошки скребли на душе все сильнее: выражение лица матери не предвещало ничего хорошего, это было лицо человека, готовящегося сообщить дурные новости, но, хоть убей, не знающего, как это сделать.

- Кэсси, я все взвесила и вижу только одно решение. Мне очень тяжело говорить об этом, потому что для тебя это будет настоящей катастрофой. Тебе придется сложнее всего... но ты молодая - привыкнешь. Я знаю - привыкнешь.

Кэсси занервничала:

- Мамочка, не беспокойся, - затараторила она. - Оставайся здесь и делай все, что потребуется. К школе я подготовлюсь сама. Это же нетрудно: Бет и миссис Фриман помогут мне... - мать только отрицательно мотала головой.

Девушка вдруг почувствовала, что единственный шанс прорваться - это законопатить зияющую дыру туманного будущего бессмысленным потоком слов.

- Новой одежды для школы мне не потребуется...

- Кэсси, доченька, прости меня. Милая, я хочу, чтобы ты попробовала понять и отнеслась к этому по-взрослому. Я знаю, как сильно ты будешь скучать по друзьям. Нам обеим придется смириться с ситуацией и постараться извлечь из нее максимальную пользу. - Мать бессмысленно уставилась в окно, не способная вынести взгляда дочери.

Кэсси взяла себя в руки:

- Мам, объясни все-таки, что ты пытаешься сказать?

- Я пытаюсь сказать, что домой в Резеду мы не поедem. Мы поедem туда, где я родилась, в дом бабушки, и будем жить с ней. Мы нужны ей, и поэтому остаемcя там.

Кэсси оцепенела, все ее чувства притупились. Она смогла только пролепетать, как будто это теперь имело хоть какое-то значение:

- Где «там»?! Где находится дом бабушки?!

Впервые за время разговора мать оторвалась от бессмысленного разглядывания окна. Кэсси никогда не думала, что ее глаза могут быть такими огромными и чернущими.

- В Нью-Салеме, - спокойно произнесла мама. - В городке под названием Нью-Салем.

Прошло несколько часов, а Кэсси все так же сидела у окна, тупо уставившись в пустоту. Ее мысли беспомощно носились по замкнутому кругу.

Остаться здесь... в Новой Англии... Кошмар...

Вдруг на фоне полнейшей бесперспективности забрезжило осознание благой вести:

«Он тоже здесь. Я знал, что вы еще встретитесь», - заявлял, откровенно радуясь, некий внутренний голос.

Но на этот оптимистичный голос находились десятки других, менее обнадеживающих, вещавших громко и слажено.

«О'кей, остаемcя. Не возвращаемcя в Резеду. Допустим даже, он где-то неподалеку в Массачусетсе. Но ты же не знаешь, ни как его зовут, ни где он живет. Дудки - тебе его ни за что не найти».

«Но хоть шанс есть!» - хваталась за соломинку Кэсси. На что голос, звучащий из самой глубокой глубины глубин, тот, который обрадовался, что они остаются в Новой Англии, прошептал: «Это не шанс. Это твоя судьба».

«Судьба!!! - глумились прочие голоса. - Не смей людей! Твоя судьба теперь - провести лучшие годы в долбаной Новой Англии. Где ты никого не знаешь. Где ты будешь одна».

«Одна, одна, одна», - скандировали новые присоединившиеся голоса.

Единственный светлый глубинный голос исчез, поверженный вражеской мощью. Кэсси чувствовала, что вместе с ним ускользает и ее последняя надежда нити, увидеть рыжего юношу. Похоже, ей было уготовано только отчаяние.

«Я даже не смогу сказать друзьям „до свидания“».

Она умоляла мать отпустить ее ненадолго, просто чтобы попрощаться. Но миссис Блейк сказала, что на это нет ни времени, ни средств. Билеты они сдадут, а вещи переправит мамин приятель.

- Понимаешь, ты изведешься, если поедешь, - мягко втолковывала ей мать. - А так - резкий и бесповоротный разрыв. Поверь мне, это легче. С друзьями увидишься следующим летом.

Следующим летом?! До следующего лета было как до Луны. Кэсси представила ребят: добродушная Бет, сдержанный Кlover, главная острятка класса Мириам; прибавьте сюда стеснительную мечтательницу Кэсси, перемешайте и получите их незамысловатую компашку. Может быть, не суперзатусованную, зато очень веселую: они дружили с младших

классов, и им всегда было хорошо вместе. Ну скажите - как прожить без них до следующего лета?!

Но мать была так бледна и расстроена, а глаза ее блуждали так озабоченно и отстраненно, что у Кэсси не хватило духа устроить скандал. Хотя ей ужасно этого хотелось. Если честно, в какой-то момент у нее даже возникло желание обнять мать, успокоить и сказать, что все будет хорошо. Однако пламенеющий в груди уголек негодования не дал доброму чувству захлестнуть девушку. Как бы ни расстраивалась миссис Блейк, блестящая участь пойти в незнакомую школу за три тысячи миль от дома была уготована не ей.

Не ей, а Кэсси. «Э-хе-хе!» - переживала девочка: новые коридоры, новый шкафчик, новые классы, новые парты. Новые лица взамен друзей, знакомых с первого класса. Это казалось ужасным.

Она не накричала на мать и не обняла ее. Просто тихо отвернулась к окну и просидела так довольно долго, наблюдая, как медленно угасает день, и небо сперва окрашивается в перламутрово-розовый, затем в фиолетовый и только потом - в черный цвет.

Девушка не леглась допоздна; только безысходно скрючившись на кровати, она вспомнила, что у нее есть халцедон удачи. Протянув руку, бедняжка взяла с тумбочки камень и переложила его под подушку.

Прогуливаясь мимо их дома, Порция задержалась, заметив, что Кэсси с матерью грузят вещи в машину.

- Вы уже домой едете? - спросила она.

Кэсси как раз пыталась впихнуть в багажник безразмерную хозяйственную сумку. Она вдруг четко осознала: приятельница не должна знать, что они остаются в Новой Англии. Девушка не вынесет, если вдобавок ко всему эта претенциозная девица прознает о ее несчастье - тогда мерзкая снобка окончательно почувствует себя победительницей.

В результате, когда героиня вытащила голову из глубин багажника, на лице ее сияла одна из самых радужных улыбок:

- Да, - ответила девушка, бросив беглый взгляд в сторону матери, занятой утрамбовкой вещей на заднем сиденье автомобиля.

- По-моему, вы собирались уезжать в конце следующей недели.

- Мы передумали, - девочка взглянула в карие очи Порции и ужаснулась, увидев, какие они холодные и страшные. - Не потому, что не понравилось. Было здорово, - как-то глуповато и скомканно добавила она.

Порция смахнула со лба прядь желтых волос.

- Думаю, тебе лучше держаться подальше от восточного побережья, - процедила она. - Мы здесь лгунов не любим.

Кэсси не ожидала такого поворота; щеки залились краской.

«Значит, они поняли, что я наврала на пляже».

Казалось бы, наконец-то настал момент для одного из бесчисленных разгромно-искрометных комментариев, сочиняемых ею тоскливыми кейпкодовскими вечерами, но она опять не смогла выдать из себя ни словечка, лишь покрепче сжала губы.

- Хорошего путешествия, - пожелала на прощание вежливая, но несносная местная обитательница, смерив пропашую мечтательницу, будем надеяться, последним из своих холодных взглядов, и отвернулась.

- Порция! - горячая смесь напряжения, смущения и злости делала общение с бывшей знакомой почти невыносимым, но спросить было необходимо, ведь другого шанса не представится. - Подожди, можешь мне одну вещь сказать?

- Какую?

- Сейчас уже, конечно, не важно... мне просто интересно... я подумала... вдруг ты знаешь, как его зовут.

- Кого?

Кэсси почувствовала, как новая порция крови прилила к и без того пунцовым щекам, но продолжала упорствовать.

- Ну, того рыжего парня. Которого мы на пляже видели.

В карих глазах ничто не дрогнуло, они смотрели прямо на Кэсси, зрачки сжались до крошечных точек. В этих глазах девушка прочитала: «Оставь надежду всяк сюда входящий...»

И не ошиблась.

- Какого еще рыжего парня? - бесстрастным голосом отчеканила Порция, демонстративно развернулась на каблуках и удалилась.

На этот раз Кэсси ее не останавливала.

Много зелени - вот что бросалось в глаза по дороге на север. По обеим сторонам от шоссе рос лес: в Калифорнии за такими гигантами пришлось бы в национальный парк ехать...

- Это сахарные клены, - откликнулась мать с преувеличенной жизнерадостностью, увидев, что Кэсси вроде бы заинтересовалась группой особенно изящных деревьев за окном. - А те, что пониже, - красные клены. Ты даже представить себе не можешь, какими они становятся осенью! Не просто красными, ослепительно красными, как закат. Ты увидишь, это бешеная красотища!

Кэсси молчала; ей было наплевать на любые, пусть и очень красивые, здешние деревья летом, осенью и в прочие времена года, потому что ей вообще не хотелось здесь находиться.

Они миновали Бостон и направились по побережью на север - «извините-простите, на север по северному берегу», - поправила Кэсси с остервенением.

Мимо проплывали причудливые городки, причалы, скалистые пляжи; девушка подозревала, что мать специально везет ее живописным маршрутом. Это тоже бесило; почему нельзя просто доехать и покончить с этим раз и навсегда?!

- А покорооче нет дороги? - спросила она, открыв бардачок и достав карту, которой их предусмотрительно снабдила прокатная компания. - Мы можем поехать по первому шоссе... или по девяносто пятому.

Мать смотрела вперед.

- Я давно здесь не ездила, знаю только этот путь.

- Если здесь уйти на Салем... - Кэсси проследила взглядом, как они благополучно миновали нужный съезд, и сказала: - Ладно, Бог с ним.

Во всем Массачусетсе, пожалуй, только Салем вызывал ее живой интерес. Мрачная история этого местечка чертовски соответствовала ее настроению.

- Они же здесь, вроде бы, ведьм сжигали? А Нью-Салем так назван в честь этого Салема? Там тоже сжигали? - спросила дочь.

- Никто никого не сжигал. Их повесили. И ведьм среди них не было. Просто невинные люди, которым случайно не повезло с соседями, - мать говорила устало, но терпеливо. - Поселения времен колонизации часто называли Салемом. В честь Иерусалима.

Карта плыла перед глазами Кэсси.

- Где же этот город? Я его не вижу.

Ответу предшествовала короткая пауза.

- Это маленький городок, его довольно часто не указывают на картах. Он находится на острове.

- На острове?!

- Не волнуйся. К нему ведет мост.

Теперь у Кэсси появились новые темы для тревожных мыслей:

«Остров? Какой-то бред, я буду жить на острове, в городе, которого даже на карте нет».

Указателя перед поворотом на Нью-Салем тоже не было. Но миссис Блейк уверенно повернула руль, машина переехала мост, и они оказались на острове. Кэсси ожидала, что городок будет крошечным, и приободрилась, когда он оказался вполне приемлемого размера. Помимо туристических лавок, скучковавшихся там, где, вероятно, располагался так называемый центр, здесь имелись и обычные магазины. В свои кофейно-пончиковые хоромы

заманивал «Dunkin' Donuts»⁶ - плакат над «International House of Pancakes»⁷ «возвещал о скором официальном открытии. Перед означенным заведением танцевало нечто, наряженное гигантским блином.

Кэсси потихонечку легчало: там, где есть танцующий блин, есть и жизнь.

Однако вскоре мать свернула; дорога шла вверх и с каждым футом становилась все пустыннее, оставляя «огни большого города» позади. «Наверное, мы едем к краю утеса», - догадалась Кэсси. Солнце вспыхивало красным в окнах домов на вершине. Девушка внимательно следила за их приближением - сначала с беспокойством, затем с тревогой, и, наконец, с тошнотворным ужасом.

Дома были старые. Очень старые и не миленько-антикварные, а доисторические. И, хотя отдельные строения казались свежестроенными, остальные выглядели так, будто в любую минуту готовы обрушиться и задавить случайных прохожих.

«Ну умоляю, пусть этот дом окажется нашим!» - упрашивала Кэсси не пойми кого, концентрируя всю волю и желание на хорошеньком желтом доме с башенками и эркерами.

Но мать проехала мимо, не снижая скорости. Потом мимо следующего, и мимо следующего за следующим, и так до бесконечности.

Наконец остался всего один дом - последний дом на утесе. К нему и направлялась машина. С каждым ярдом ощущения Кэсси становились все более тягостными. Формой развалюха напоминала плотненькую перевернутую букву Т: одно крыло выходило на дорогу, другое просто оттопыривалось назад. Поскольку подъехали они именно сзади, сразу обнаружилось, что это крыло отличается от переднего, как собака от попугая. У него была крутая крыша и мелкие асимметрично разбросанные окна с ромбовидными стеклами. Эту часть дома даже не потрудились покрасить, просто обшили досками, теперь уже серыми и тухлявыми.

Переднее крыло красили, но один раз и давно, остатки былой роскоши облезали полосками. Две имеющиеся трубы не внушали доверия, казалось, они вот-вот развалятся, да и вся шиферная крыша будто бы прогнулась под тяжестью времен. Окна переднего крыла смотрелись менее одиозно, но тряпки, воды и мыла они тоже не выдвали уже несколько столетий.

В молчании Кэсси уставилась на дом: она в жизни не видела более удручающего зрелища. «Это не он!»

- Вот, - произнесла мать все с той же нарочитой веселостью, сворачивая на гравиевую дорожку, - дом, в котором я выросла. Мы приехали.

Кэсси оцепенела. Пузырь ужаса, гнева и обиды в тайниках души раздулся до громадных размеров, и девушке показалось, что он сейчас лопнет.

4

Мать продолжала щебетать в этой своей свежеприобретенной живенькой манерочке, но до сознания Кэсси долетали уже только обрывки.

- ...Первое крыло было построено еще до революции... всего полтора этажа... переднее крыло относят к постреволюционному английскому стилю...

И конца этому не было. Кэсси рывком открыла дверь автомобиля и смогла, наконец, полюбоваться на дом во всей красе. Чем дальше она смотрела, тем кошмарнее он выглядел.

Мать как-то очень быстро и без пауз что-то тараторила о ригеле над входной дверью.

- ...прямоугольный, видишь, не изогнутый, как те, что появились позже...

- Я его ненавижу! - прервав материнский монолог, заорала Кэсси; в окружающем безжизненном спокойствии ее голос прогремел громче, чем иерихонская труба. Бедняжка, конечно, имела в виду не ригель, что бы это ни значило. - Я его терпеть не могу! - опять

страстно воскликнула девушка. Мать у нее за спиной молчала, но Кэсси даже не обернулась. Она брезгливо изучала батарею немытых окон, провисшие балки, всю эту жуткую мрачную громадину, и ее трясло. - Я в жизни не видела ничего уродливее. Я ненавижу его! Я хочу домой!

Домоооооой!

Повернувшись, она увидела затравленные глаза на побелевшем лице матери и разрыдалась.

- Кэсси! - миссис Блейк потянулась к дочери через виниловый верх автомобиля. - Маленькая моя! - Ее глаза тоже наполнились слезами. Девушку поразили взгляд, который мать бросила на дом: он пылал ненавистью и страхом, страхом, который страшнее страшного. - Кэсси, доченька, успокойся, - утешала ее мать. - Если тебе здесь так не нравится...

Она замолчала. Сквозь рыдания девушка вдруг почувствовала движение позади себя. Обернувшись, она увидела, что входная дверь открыта, а в проеме стоит старая, седая, опирающаяся на клюку женщина. Кэсси опять повернулась к матери.

- Мамочка! - умоляюще пролепетала она.

Но мать уже смотрела не на нее, а на дверь, и на ее лице медленно утверждалось выражение тоскливого смирения. Она снова обратилась к Кэсси этим приторно-живеньким тоном:

- Милая, это твоя бабушка, - только и сказала она. - Давай не будем заставлять ее ждать.

- Мам... - прошептала Кэсси; то была мольба отчаяния. Но глаза матери уже опустели, сделались непроницаемыми.

- Пойдем, Кэсси.

Кэсси пришла в голову дичайшая мысль броситься в машину, запереться и ждать подмоги. Но затем тяжкое опустошение, накрывшее мать, окутало с головой и ее. Они уже здесь - что тут поделаешь?! Она захлопнула дверь автомобиля и последовала за матерью.

Женщина в дверях была древней - она годилась девушке, как минимум, в прабабки. Кэсси пыталась отыскать в ней хоть какое-то сходство с матерью, но, хоть убей, не находила.

- Кэсси, это твоя бабушка Ховард.

Героиня что-то промычала. Старуха с палкой сделала шаг вперед, устремив взор глубоко посаженных глаз прямо на внучку.

В этот момент девушке пришла в голову оригинальная мысль:

«Сейчас она посадит меня в печку».

И сразу вслед за этим она оказалась в неожиданно крепких объятиях, и - куда деться - автоматически ответила тем же.

Бабушка отстранилась, чтобы рассмотреть внучку.

- Кэсси! Наконец-то. Сколько лет! - к вящему дискомфорту героини старая женщина продолжала внимательно разглядывать ее со смешанным выражением сильного беспокойства и безудержной надежды. - Наконец-то! - повторила она шепотом, будто бы для самой себя.

- Мама, я рада тебя видеть, - произнесла мать сдержанным тоном.

Бабушкины неистовые глаза оторвались от Кэсси.

- Александра. Дорогая моя, как долго я тебя не видела! - несмотря на то, что женщины обнялись, атмосфера оставалась напряженной.

- Что же мы стоим на улице?! Пойдемте в дом, заходите, - пригласила бабушка, утирая глаза. - Боюсь, эта халупа изрядно обветшала, но я выбрала для вас лучшие комнаты. Кэсси, сначала посмотрим твою.

В угасающем свете заката внутренности дома напоминали темную пещеру. Все действительно было потрепано: от изношенной обивки мебели до выцветшего персидского ковра на дощатом полу.

Они медленно, потому что бабушка цеплялась за перила, поднялись по лестнице на

пол-этажа вверх, а потом пошли вниз по длинному коридору. Доски скрипели под Кэссиными кроссовками «Рибок», а лампы, висящие высоко на стенах, как-то тревожно перемигивались. Девушке пришло в голову, что по законам жанра не хватает кого-то, кто нес бы перед ними подсвечник. Ей казалось, что сейчас из-за угла того и гляди выскочит Ларч или кузен Ит 8.

- За лампы надо благодарить твоего деда, - извинялась бабушка. - Он настоял на том, чтобы сделать проводку собственными руками. А вот твоя комната. Я надеюсь, тебе нравится розовый цвет.

Когда бабушка открыла дверь, Кэсси подумала, что сейчас упадет. Такая спальня была бы уместна в музее. Здесь находилась кровать о четырех столбах, с тяжелым покрывалом и богато драпированным балдахином из бледно-розовой ткани с цветочным орнаментом, стулья с высокими резными спинками, обитые материалом цвета дамасской розы, камин с высокой аркой, украшенный фарфоровыми часами и оловянным подсвечником, и еще несколько равновеликих и равнодорогих предметов обихода. Ничего не скажешь, все вместе выглядело красиво, но слишком уж величественно.

- Одежду можешь сложить вот сюда. Этот сундук изготовлен из цельного красного дерева, - объясняла бабушка, - в стиле Людовик; он был сделан у нас в Массачусетсе. Во всем Новом Свете только здесь занимались Людовиком.

Во всем Новом Свете? Осматривая резную крышку сундука, Кэсси с трудом переваривала информацию. - А вот туалетный столик и шкаф... Как тебе вид из окон? Я подумала, что тебе может понравиться угловая комната, потому что отсюда видно и юг, и восток.

Кэсси проинспектировала окна: одно смотрело на дорогу, другое - на океан. Сейчас, в сумерках, он был тоскливо свинцово-серым и идеально гармонировал с ее настроением.

- Ну, мы пойдем, а ты устраивайся, - сказала бабушка. - Александра, я приготовила для тебя зеленую комнату в противоположном конце коридора.

Мать скомкано и как-то робко обняла девушку за плечи и ушла, а Кэсси осталась одна в обществе массивной мебели красноватых тонов, холодного камина, тяжелых драпировок и тяжких дум. На всякий случай она осталась сидеть на стуле - кровать казалась опасной.

Она вспомнила свою комнату в Калифорнии - белую деревянную мебель, афиши мюзикла «Призрак Оперы», новенький чудесный CD-плеер, купленный на деньги, заработанные бэбиситтерством, книжные полки, специально выкрашенные в бледно-голубой, чтобы оттенить божественную коллекцию единорогов - и каких единорогов! Она собирала плюшевых, стеклянных, оловянных, деревянных... Кlover как-то заметил, что Кэсси сама уже стала, как единорог: голубоглазая, стеснительная, ни на кого не похожая. Теперь все это было в прошлом.

Героиня, наверное, так и сидела бы на стуле с резной спинкой до скончания веков, не нащупай она вдруг в собственной руке загадочный халцедон; бог знает, когда она вынула его из кармана и зажала в ладошке.

«Если когда-нибудь ты окажешься в беде или опасности», - вспомнила девушка, и горячая волна радости окатила ее с ног до головы.

За нею, разумеется, последовала волна злости - как обычно, на саму себя.

«Господи, какая непроходимая дура! - ругала себя девушка. - Ты не в опасности. И камнем долу не поможешь».

Она решила было выкинуть халцедон иллюзорной удачи, но, к счастью, быстро передумала и вместо этого потеряла камень о щечку, жмурясь от прохладной жесткости слюдяных вкраплений. Тут же вспомнила о его прикосновении - мягком, но в то же время пронзительном. Осмелев, она поднесла кристалл к губам и ощутила его вибрацию - или свою: ладонью, в которую впечатывались его пальцы, запястьем, которого он едва коснулся, тыльной стороной кисти, которую он... она закрыла глаза и замерла, вспоминая этот

поцелуй. Интересно, что бы с ней случилось, коснись он губами ее губ. Страшно даже подумать. Она откинула голову и передвинула прохладный камень вниз по шее к Пульсирующей впадинке, представила себе его губы, почувствовала, как он целует ее, так сладко и нежно, как никто другой и никогда... Тебе бы я позволила... Тебе бы я доверилась...

Но он оставил ее! Кэсси вдруг как холодной водой облили. Он оставил ее и ушел, точно так же, как это сделал другой самый главный мужчина в ее жизни. Она почти не думала об отце, не позволяла себе. Он ушел, когда героиня была совсем крошкой, нисколько не заботясь о том, как сложится жизнь матери с дочкой. Мама говорила всем, что он умер, но дочери как-то призналась: он просто их бросил. Вполне возможно, теперь он действительно перебрался в царство тьмы, а может, жил себе преспокойненько с новой семьей, новой дочерью. Они ничего об этом не знали. И хотя по собственной воле мать никогда о нем не заговаривала, Кэсси знала, что он разбил ее сердце.

«Мужчины всегда уходят, - размышляла девушка. Ни с того ни с сего у нее разболелось горло. - Они оба меня бросили. И вот я здесь... одна. Был бы у меня хоть кто-нибудь, с кем можно было бы поговорить... сестра, что ли, ну, или я не знаю»...

Глаза закрылись, рука с кристаллом упала на колени. Бедняжка так вымоталась за день, что не смогла даже подняться со стула, чтобы лечь в постель. Девушка так и осталась сидеть, блуждая во мраке одиночества, пока, наконец, дыхание ее не замедлилось, и она не погрузилась в сладкую дрему.

Ночью Кэсси приснился сон, слишком похожий на явь. Ей пригрезилось, что мама с бабушкой незаметно проникли в комнату, вытащили ее сонное тело из кресла, освободили его от одежды и переложили на кровать. Потом, склонившись над нею, скованной и будто застывшей, долго внимательно вглядывались в нее. Глаза матери смотрели на девочку темными бездонными омутами, исполненными беспокойства и загадки.

- Маленькая моя, - горестно вздохнула бабушка. - Вот и ты с нами. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь.

- Тсс! - оборвала ее мать. - Разбудишь.

Бабушка опять вздохнула.

- Ты же видишь, по-другому никак не получается...

- Да, - в голосе матери звучали опустошенность и смирение. - Я вижу, что от судьбы не скрыться. И пытаться не стоило.

«Надо же, и я так думала! - искренне удивилась Кэсси, отмахиваясь от странного сна, как от назойливого насекомого. - От судьбы не скрыться».

Потом она наблюдала, как, удаляясь, размываются фигуры мамы и бабушки, слушала, как постепенно стихают их голоса, пыталась разобрать слова, но не могла, и все же одно - зловеще-шипящее - расслышала:

Жертвоприношение...

Некоторое время слово еще пометалось внутри ее черепной коробки, потом вроде бы улеглось.

И все же, до тех пор, пока Кэсси не забылась новым, на этот раз бессюжетным и ничем не примечательным сном, шипение продолжало то и дело мучить ее своим мрачным рефреном: жертвоприношение... жертвоприношение... жертвоприношение...

Наступило утро. Она лежала в кровати под балдахин, а через окно, выходящее на восток, струился солнечный свет. Благодаря свету комната преобразилась и стала похожа на лепесток розы, поднесенный близко к лампе, - прозрачно-теплый и сияющий. Где-то заливалась птичка.

Кэсси села. Она попыталась вспомнить свой сон, но без толку - видения расплывались и ускользали. Нос был забит, вероятно, последствиями обильно пролитых вчера слез, а голова все еще немножечко кружилась. Девушка чувствовала себя так, как бывает, когда хорошо выспишься после тяжелой болезни или сильного огорчения - слегка чудно и умиротворенно, этаким штилем после бури.

Она оделась, направилась к выходу и, заметив валяющийся на полу халцедон, сунула его в карман.

Дом спал. Даже днем длинный коридор был те мен и прохладен - солнечный свет попадал сюда только из окон, расположенных в обоих концах коридора. Кэсси почувствовала, что дрожит, а настенные светильники вторили ей сочувственным перемигиванием.

Внизу света было больше, но и комнат тоже. Предприняв попытку их обследовать, девушка быстро заблудилась. Чудом оказавшись в прихожей, она решила больше не искушать судьбу и вышла на улицу, не вполне понимая, зачем. Наверное, ей хотелось осмотреться, поглядеть, как тут живут люди. Ноги послушно понесли ее вниз по длинной узкой сельской дороге мимо ряда домов. На улице в такую рань было пустынно. Только в башне хорошенького желтого дома сверкало окно.

Пока Кэсси пыталась рассмотреть, что же там наверху сверкает, в окне первого этажа наметилось движение. В центре комнаты, служащей кабинетом или библиотекой, стояла высокая стройная девушка. Когда она подошла и склонилась над располагавшимся в приоконной нише столом, лицо ее наполовину скрылось под водопадом умопомрачительно длинных волос. Эти волосы - Кэсси не могла оторвать от них взгляда - сияли, как тончайший покров, сотканный из солнечного и лунного света. И ведь натуральные, без всяких там темных корней. Как зачарованная, смотрела девушка на эту невиданную красоту.

Они были так близко: Кэсси стояла прямо за аккуратненькой живой изгородью, насаженной вплотную к дому, а златовласка - просто по другую сторону окна, лицо обращено к героине, но взгляд направлен вниз. Кэсси пыталась разглядеть, что у красавицы на столе. Тонкие изящные руки порхали, как райские птицы. Быстрыми ловкими движениями она растирала что-то пестиком в ступке. Может, специй?

Героине пришла в голову страннейшая мысль...

«Если девушка в желтом доме просто поднимет голову и выглянет в окно... Как только она посмотрит... произойдет нечто». Девушка еще не понимала, что именно, но на всякий случай покрылась мурашками радостного предвкушения. Она так остро чувствовала связь... какое-то родство. «Если бы она просто посмотрела в окно...»

«Заори, брось камень». Как только Кэсси всерьез озадачилась поиском подходящего булыжника, в окне опять начались перестановки: девушка с золотыми волосами оглянулась, будто отзываясь на чей-то голос, зовущий из глубины дома, продемонстрировав при этом юной шпионке фрагмент чудесного лица, будто умытого утренней зарей. Потом встала и торопливо вышла; шлейф лунно-солнечных волос проследовал за ней.

Кэсси перевела дух.

«Хорошо бы я выглядела! - рассуждала она по пути домой. - Конечно, лучший способ познакомиться с соседями - бросить пару камней им в окна».

Но, несмотря на все доводы, чувство убийственного разочарования не проходило: почему-то ей казалось, что второго шанса не будет, и у нее никогда не хватит смелости познакомиться с загадочной принцессой. У такой красавицы и без Кэсси друзей хватает. И, уж конечно, не Кэссиного полета.

После солнечной викторианской архитектуры приплюснутый квадрат бабушкиного дома выглядел еще ужаснее. Безутешная, Кэсси добрела до утеса, решив поздороваться с океаном.

Он встретил ее такой насыщенной синевой, что у девушки не находилось слов для ее описания. Она смотрела, как вода обнимает темную скалу, и чувствовала прилив необъяснимой силы. Ветер разметал ее волосы; она понаблюдала за тем, как утреннее солнце играет в прятки с волнами, и снова почувствовала... связь. Нечто пыталось войти в контакт с ее кровью, с чем-то спрятанным глубоко внутри. Все качалось таким загадочным: это место, эта златокудрая девушка! Кэсси верила, ответ где-то близко, еще чуть-чуть, и она поймет...

- Кэсси!

Девушка в изумлении обернулась; на крыльце старого крыла стояла бабушка.

- Что ты делаешь?! Ради Бога, отойди от края!

Внучка посмотрела вниз и сразу же почувствовала головокружение: ее носки практически зависли над пропастью.

- Я не знала, что стою так близко, - оправдывалась она, делая шаг назад.

Бабушка окинула ее пристальным взглядом и сказала:

- Тогда иди сюда, я приготовлю тебе завтрак. Ты блинчики любишь?

Слегка смущаясь, Кэсси кивнула. Несмотря на то, что странный сон не давал ей покоя, сегодня она чувствовала себя намного лучше, чем накануне. Открытая дверь, массивная, тяжелая, не чета современным, милостиво впустила их с бабушкой в надежно охраняемые владения.

- Эта дверь служила парадным входом самого первого дома, еще до всех перестроек, - объясняла бабушка. Кэсси заметила, что сегодня старушка как-то слишком бодро передвигается на своей больной ноге. - Согласись, странно, что она ведет прямо в кухню? Но, видишь, так раньше жили. Может, присядешь, пока я буду жарить блинчики?

Кэсси вытаращила глаза - и было отчего: за всю свою недолгую жизнь она не видывала такой кухни. Здесь имелись все привычные атрибуты: газовая плита, холодильник, даже задвинутая в дальний угол деревянная прилавка микроволновка - но в остальном все было, как в кино. По центру комнаты располагался огромный очаг размером с гардеробную, и, хотя сейчас огня в нем не было, толстый слой пепла на дне указывал на то, что время от времени им пользуются. Внутри на перекладине поблескивал чугунный котелок. Очаг был увешан пучками сухих цветов и трав, источающих пряные ароматы.

Что же до женщины перед очагом...

Бабушкам положено быть белыми и пушистыми, с мягкими коленями и толстыми чековыми книжками. Эта же была сторблена, грубовата, седа как лунь и обременена приличного размера бородавкой. Кэсси бы несколько не удивилась, если бы старуха подошла сейчас к котелку и, помешивая варево, произнесла: «Труды и беды - скорее к соседу; работа, беда, давайте туда».

Девушка устыдилась собственных мыслей.

«Это же твоя бабушка, - возмущенно корила она себя, - единственная родная душа, кроме матери. Она не виновата, что старая и страшная. Так что не сиди, как чурбан. Скажи что-нибудь приятное».

- Большое спасибо! - обрадовавшись блистательной находке, выпалила Кэсси, когда бабушка поставила перед ней тарелку дымящихся блинчиков, и добавила: - Сухие цветы над камином так вкусно пахнут!

- Это лаванда и иссоп, - откликнулась бабушка. - Если хочешь, можем после завтрака сад посмотреть.

- С удовольствием, - абсолютно искренне ответила Кэсси.

Так называемый сад удивил ее: отдельные цветочные насаждения здесь присутствовали, но в основном он состоял из растений, которые на первый взгляд казались сорняками и кустами. И их там была тьма-тьмушая - длинные ряды переросших и неухоженных сорняков и кустов.

- Какая прелесть! - выдавила Кэсси, подумав про себя, не в маразме ли старушка. - Какие интересные... растения!

Бабушка бросила на нее хитрый и задорный взгляд.

- Это травы, - пояснила она. - Смотри, вот это лимонная мята. Понюхай.

Кэсси взяла в руку сердцевидный лист, складочками напоминающий мяту, но немного крупнее, и понюхала. Он пах свежечищенным лимоном.

- Очень вкусно! - с удивлением констатировала девочка.

- А вот французская кислица. Попробуй. Кэсси опасливо взяла в руку мелкий округлый лист и надкусила его; вкус был острым и освежающим.

- Приятный. Похож на щавель, - заключила она, глядя на улыбающуюся бабушку. - А это у нас кто такие? - Кэсси опять с удовольствием надкусила кислицу, указывая на

ярко-желтые соцветия.

- Это пижма. Вон те, похожие на белые маргаритки, - девичья трава. Ее листья можно в салат добавлять.

Кэсси была заинтригована.

- А эти? - она указала на цветочки кремового цвета, как лианы, оплетающие все вокруг.

- Это жимолость - ценю за запах. Пчелы и бабочки ее тоже ценят: весной здесь не протолкнуться.

Кэсси протянула руку к нежному стебельку с ароматным бутонem и остановилась:

- Можно? Я подумала, можно мне поставить их в моей комнате? Если ты, конечно, не против.

- Боже мой, хоть все забирай. Они здесь для того и растут.

«Не такая уж она старая и уродливая, - размышляла Кэсси, срывая стебли с кремовыми бутонemи, - просто другая. А другая - не значит плохая».

- Спасибо, бабуля, - поблагодарила она уже в доме.

Потом открыла рот, чтобы спросить про желтый дом и его обитателей.

Но бабушка уже тянулась за чем-то, спрятанным рядом с микроволновкой.

- Вот, Кэсси, смотри. Это тебе вчера по почте прислали, - она передала девочке два буклета, обернутые в плотную цветную бумагу.

«Руководство для родителей и учеников старших классов средней школы Нью-Салема» - именовался красный буклет, и «Программа обучения старших классов средней школы Нью-Салема» - назывался белый.

«Какой ужас! - подумала Кэсси. - Школа».

Новые коридоры, новые шкафчики, новые классы, новые лица. В один из буклетов было вложено расписание уроков. Предназначалось оно именно ей, потому что ниже стояли имя и адрес: Кэсси Блейк, Нью-Салем, Воронья Слободка, дом 12.

Пусть бабушка не такая жуткая, как ей показалось вначале, пусть даже дом не такой допотопный. Но как быть со школой?! Как она вообще сможет туда пойти?

5

«И все-таки: серый кашемировый свитер или синий с белым вязаный кардиган?»

Вопрос стоял ребром, а Кэсси - напротив зеркала в позолоченной раме, держа перед собой оба трикотажных изделия. «Синий кардиган», - решила, наконец, девушка: синий был ее любимым цветом, к тому же подчеркивал голубизну ее глаз. Пухлые херувимы, примостившиеся в верхнем углу старинного зеркала, кажется, соглашались - во всяком случае, улыбались с одобрением.

Он настал - первый день учебного года, и Кэсси с удивлением обнаружила, что пребывает в состоянии возбуждения, носящего скорее радостный характер. То есть, безусловно, она мандражировала, но не испытывала и доли того холодного и беспросветного ужаса, которого ждала от себя. Все-таки новая школа - это интересно. А вдруг это начало новой жизни? Вдруг она станет другим человеком? Старые друзья описали бы ее как «милую, но застенчивую» или: «прикольную, но такую... спокойную». Но здесь-то этого никто не знал. Что, если в этом году она вдруг сделается «Кэсси Экстравертом» или «Кэсси Тусовщицей»? Может, тогда она сгодится в подруги златовласке? От этой мысли у Кэсси сладостно щемило сердце.

Встречают по одежке. Важно правильно начать. Кэсси натянула синий кардиган и придирчиво проинспектировала отражение в зеркале.

Нарекания вызывала прическа: мягкие волосы ниспадали легкой волной, однако хотелось большего. Хотелось, чтобы было как у девушки на рекламе; Кэсси бросила взгляд на обложку лежавшего на туалетном столике журнала - специально приобрела его в городе, чтобы посмотреть, что приготовила для школьников в этом сезоне переменчивая мода. Больше ни разу не ходила она к желтому дому, хотя не единожды нарежала медленные круги

вокруг него на стареньком бабушкином «Фольксвагене-кролике», надеясь «случайно» натолкнуться на златокудрую красавицу.

«Да, завтра уложу волосы назад, как у девушки в рекламе», - решила Кэсси.

Она собралась было отойти от туалетного столика, но тут взгляд упал на заголовок соседней страницы, где размещалась колонка гороскопов. Ее знак - Рак - прямо уставился на нее: делать нечего, пришлось читать.

«Вы опять поддались предательскому чувству - неуверенности. Настало время мыслить позитивно! Попробуйте, а если и это не поможет, вспомните, что ничто не вечно под луной. На личном фронте постарайтесь в этом месяце обойтись без взлетов и падений. У вас и без того дел будет предостаточно».

«Какой все-таки мусор эти гороскопы! - размышляла Кэсси, гневно захлопывая журнал. - Мама всегда так говорит, и она чертовски права. Надо же, «предательское чувство - неуверенность»! Скажи кому-нибудь, что он не уверен в себе, и он сразу же таким станет! Никакой тебе мистики».

Но если в мистику она не верит, что тогда кусок халцедона, якобы приносящий удачу, делает во внешнем кармане ее рюкзака? Стиснув зубы, Кэсси достала камень из кармана, переложила его в коробку с бижутерией и пошла вниз прощаться с родственниками.

Школа - потрясающе величественная постройка красного кирпича - стояла на холме. Она производила настолько мощное впечатление, что подойти было страшно. К вершине холма вели несколько узких тропок, по одной из которых после некоторого колебания Кэсси заставила себя подняться. Оказавшись наверху, она обомлела.

Бог мой, это скорее напоминало здание старого университета или чего-то в этом роде. Не школа, а историческая достопримечательность! Надпись на большом камне гласила: «*Высшая средняя школа Нью-Салема*», а ниже, на архитектурной детали вроде полки, было нацарапано: «*Город Нью-Салем, основан в 1693 году*». Простите, сколько этому городу лет?! В Резеде самому старому зданию было от силы пятьдесят.

«Я не тихоня, - подумала девушка, - я - Кэсси Абсолютная Уверенность в себе».

От дикого грохота она резко обернулась, и лишь врожденный инстинкт самосохранения заставил ее отпрыгнуть в сторону и не пасть случайной жертвой аварии в первый же день занятий. Сердце бешено колотилось, а она стояла и, разинув рот, смотрела на монстра, чуть не лишившего ее жизни. Было на что посмотреть: по велосипедной дорожке смертоносным назгулом пронесся мотоцикл; но Кэсси поразил не он, а водитель - за рулем сидела девушка в облегающих черных джинсах и мотоциклетной куртке. Честно говоря, вся ее подтянутая фигура в описанной выше экипировке смотрелась жестковато. Поэтому, когда мотоциклистка оглянулась, запарковав свой байк рядом с велосипедным рейлингом, Кэсси была приятно удивлена ее фарфоровым изящным личиком. Эту прелесть, окаймленную задорными темными кудряшками, портило только угрюмое агрессивное выражение.

- Чего вылупилась? - потребовала объяснений незнакомка.

Кэсси вздрогнула: ну да, она и вправду вылупилась. Девушка сделала шаг вперед, и Кэсси почувствовала, что невольно отступает.

- Простите, я просто... - она пыталась отвести взгляд, но у нее не очень получалось. Под курткой у злюки красовался откровенный черный топ, из-под которого выглядывало нечто, похожее на татуировку, татуировку в виде полумесяца. - Извините, - опять безнадежно произнесла Кэсси.

- Извиняю. И держись от меня подальше, усекла?

«Да ты меня почти задавила, стерва!» - негодовала героиня.

Но что она могла?! Она лишь неловко закивала, и злюка, видимо, удовлетворенная реакцией, удалилась.

«Кошмар! Вот это я понимаю - чудесное начало первого дня в новой школе! - сокрушалась героиня, заходя в здание. - Какая жуткая девица! Надо же мне было так вляпаться! Но есть и плюсы: хуже этого уже точно ничего не случится, так что теперь ситуация будет только улучшаться».

Вокруг Кэсси стоял гул взаимных приветствий, объятий, поцелуйчиков, дружеских пинков. Подростки веселились; как не веселиться, когда ты окружен друзьями?

Только новенькая не могла разделить их радости. Она рассматривала стильные стрижки парней, новые тряпки девушек, вдыхала слишком насыщенные ароматы духов и слишком пока бессмысленные запахи лосьона после бритья и чувствовала себя страшно одинокой.

«Иди! - приказала она себе. - Хватит стоять на месте, выискивая девушку с золотыми волосами, лучше посмотри, где у тебя будет первый урок. Может, там ты встретишь кого-нибудь, кто так же одинок, и поболтаешь с ним. Хочешь, чтобы люди думали, что ты экстраверт, будь им».

Первым уроком была журналистика - факультативная дисциплина из курса английского языка. Кэсси радовалась, что выбрала этот предмет: она любила сочинять, а в «Учебной программе» говорилось, что ученикам, посещающим занятия по журналистике, представится возможность публиковать свои произведения в школьном литературном журнале. В старой школе девушка трудилась в редакции школьной газеты и надеялась, что, может, и здесь для нее найдется местечко.

В «Программе» также указывалось, что на курс журналистики нужно записываться за полгода до начала занятий; Кэсси до сих пор не понимала, как бабушке удалось сделать это за полнедели до их начала. Может, у нее были какие-то особые связи в администрации школы или еще где-нибудь?

Девушка без особых проблем нашла нужную аудиторию и скромно села за парту в конце класса. Комната наполнялась, и общения всем, похоже, хватало; во всяком случае, в Кэсси никто не нуждался. Она принялась усердно чиркать ручкой по обложке тетради, делая вид, что поглощена этим занятием до умопомрачения и что ей абсолютно по барабану, заговорит с ней кто-нибудь или нет.

- Ты новенькая?

Парень, сидящий спереди, обернулся. Он оказался обладателем открытой ослепительной улыбки, которую омрачала разве что ее чрезмерная самоуверенность. Сразу чувствовалось - красавчик знает, как действуют его чары. К улыбке прилагались выющиеся каштановые волосы и несомненный даже в положении сидя высокий рост.

- Значит, новенькая, - ответил он на собственный вопрос.

- Да, - произнесла Кэсси, злясь на собственный голос, который предательски поблеивал. Все же парень был чертовски привлекателен... - Меня зовут Кэсси Блейк. Мы переехали сюда из Калифорнии.

- А меня Джеффри Лавджой, - представился красавчик.

- А! - Кэсси среагировала так, будто много о нем слышала, поскольку, похоже, он того и ждал.

- Центральной баскетбольной команды, - пояснил парень, - и капитан, до кучи.

- Здорово! - только и сказала девушка.

«Надо же, какая идиотка! Ничего получше не могла придумать?» Она казалась себе полной душой.

- Наверное, это жутко интересно!

- Ты интересуешься баскетболом? Может, обсудим как-нибудь? - Кэсси почувствовала прилив благодарности к этому существу: он общался с ней, невзирая на ее сконфуженность и ущербность.

Ну и пусть, пусть ему нравится, когда им восхищаются, что с того? Он милый, и к тому же капитан баскетбольной команды. Дружба с ним откроет многие двери - в этом можно было не сомневаться.

- Было бы здорово, - произнесла она, отчаянно желая сыскать в своем словаре хоть какое-нибудь другое слово. - Давай за обедом?

В этот момент на девушку словно бы пала тень. Кэсси неожиданно ощутила чужое присутствие и плавно притихла, а потом подняла голову.

Рядом с ней стояла особа убийственной внешности: крупная, красивая, с ростом, с формами. С роскошной копной иссиня-черных волос и бледной кожей, источающей уверенность и силу.

- Привет, Джеффри, - поздоровалась она, конечно, не с Кэсси.

Ее голос был низковат и хрипловат для девушки, но его тембр и богатые интонации завораживали.

- Фэй, - на фоне предыдущего оратора голос Джеффри заметно тускнел; в нем не было и тени энтузиазма. Чувствовалось, что парень напрягся. - Привет.

Пышная красotka склонилась к юноше, приобняв рукой спинку его стула, и до Кэсси донесся пьянящий аромат духов.

- Тебя совсем не было видно во время каникул, - произнесла она. - Где тебя носило?

- Везде, - вроде бы легко произнес Джеффри.

Однако улыбка его была вымученной, а тело - натянутым, как струна.

- Зачем так прятаться, хулигашка? - Фэй склонилась еще ниже, а поскольку одета она была в майку со спущенным плечом, вернее, с низко спущенными обоими плечами, взору Джеффри предстало приличное количество оголенной плоти. С чем Кэсси его и оставила, а сама сконцентрировалась на удивительном лице: у чаровницы был крупный чувственный рот и необыкновенные медовые глаза, казалось, источающие искрящееся жидкое золото. - Знаешь, в «Капри» на этой неделе новый ужастик будут показывать, - сообщила она. - Джеффри, я о-бо-жа-ю ужастики!

- Не уверен, что разделяю твои симпатии, - ответил Джеффри.

Фэй хохотнула - раздался яркий резкий звук.

- Ты просто с правильной девушкой их не смотрел, - промурлыкала она. - При надлежащем подходе ужастики очень даже... воодушевляют.

Кэсси почувствовала, как ее накрывает душная волна стыдливости. Джеффри облизнул губы: соблазн был силен, одинаково «воодушевляя» и пугая; обольстительница действовала на парня, как удав на кролика.

- Мы с Салли собирались на выходных в Глостер, - выдавил он наконец.

- А ты скажи Салли, что... скажи, что появились дела, - Фэй буравила его взглядом. - Тогда заberi меня в субботу в семь.

- Фэй, я...

- И, умоляю, не опаздывай: терпеть не могу, когда парни опаздывают.

За все это время знойная брюнетка ни разу не обернулась. Зато теперь, выпрямившись и собираясь уходить, она одарила Кэсси лукавым полузагадочным и торжествующим взглядом, будто говоря: «Милая, слышала, как у взрослых бывает? Слабо так?!» И, повернувшись обратно к Джеффри, сказала:

- Кстати, она тоже из Вороньей Слободки.

У Джеффри отвисла челюсть; он еще секунду с нескрываемым ужасом и отвращением изучал новенькую, потом резко развернулся и уставился прямо перед собой. По пути к своей парте проказница Фэй от души хохотала.

«Что происходит?» - мысли Кэсси двигались хаотично, как молекулы в пресловутом броуновском движении. Какое ему дело до того, где она живет?

Не прошло и пяти минут, а от Джеффри-Ослепительной-улыбки осталась только прямая спина. Удачный старт.

Появился преподаватель, и раздумья пришлось отложить на потом. С виду это был мягкий мужчина с седеющей бородкой и в очках. Он представился как мистер Хамфрис.

- ...И поскольку за время летних каникул вы должны были устать от разговоров, сейчас мы будем писать, - сообщил он. - Я хочу, чтобы вы написали стихотворение, прямо так - с ходу. Отдельные работы мы зачитаем вслух. Стихотворение может быть о чем угодно, но если вы испытываете сложности с темой, пишите о снах.

В классе послышались охи-вздохи, постепенно затихшие и перешедшие в задумчивое пожевывание ручек. В отличие от многих, Кэсси обрадовалась и склонилась над тетрадью с

сильно бьющимся сердцем. Из сознания вынырнул недавний сон, тот, в котором мама с бабушкой разговаривали у ее кровати, но писать о снах не хотелось. Хотелось - о нем.

Через несколько секунд в тетради появилась строка. Когда мистер Хамфрис объявил, что время вышло, там уже было целое стихотворение, которое, при повторном прочтении, обнадеживало. Оно вышло хорошим... или казалось таковым...

Что, если учитель попросит ее прочитать написанное вслух перед всем классом? Ей было и страшно, и радостно: ведь если все-таки она прочитает стихотворение, и оно кому-нибудь очень понравится, то этот кто-то может захотеть поболтать с ней после урока. И может ненароком поинтересоваться, кто он - герой ее произведения, и тогда она сможет поведать собеседнику загадочную и романтическую историю их знакомства. Ну а тогда у нее самой, может быть, появится репутация загадочной и романтической натуры. И вот уже тогда молва вполне может достичь ушей незнакомки из викторианского желтого дома...

Мистер Хамфрис спросил, есть ли желающие, и прошелся взглядом по рядам, не увидев, как и следовало ожидать, ни одной поднятой руки, пока не добрался до конца класса.

Он медлил: Кэсси обернулась и увидела, что поднятую руку венчают длинные алые ногти.

- Фэй Чемберлен, - решил, наконец, мистер Хамфрис.

Он присел на край своего стола; высокая эффектная девушка подошла и встала рядом. Создавалось впечатление, что, будь его воля, он бы отодвинулся. В комнате что-то набухло и нависло; все взоры обратились к Фэй.

Она перекинула богатую черную гриву на спину и повела плечами, отчего ее откровенно соскальзывающий топ соскользнул еще ниже. Запрокинув голову назад, красotka расплылась в ленивой кошачьей улыбке и поднесла листок к глазам.

- Хочу прочитать вам стихотворение, - произнесла она спокойно, с хрипотцой, - про огонь.

Кэсси в шоке опустила глаза на собственное сочинение. Потом всем ее вниманием завладел голос Фэй.

Я мечтаю об огне:

языки пламени ласкают меня,

волосы пылают факелом,

Тело горит тобой.

Прикоснись к моей коже,

и ты не сможешь оторваться -

ты превратишься в уголь,

но, умирая, будешь улыбаться.

И тогда, любимый, ты тоже станешь огнем.

Пока весь класс наблюдал за ней, пребывая в состоянии, близком к гипнотическому, Фэй достала спичку и каким-то образом - Кэсси не очень поняла, каким - зажгла ее. Она поднесла горящую палочку к листку со стихотворением и подожгла его. Потом, медленно ступая, подошла к парте Джеффри Лавджоя и нежно помахала горячей бумажкой перед его носом.

Что тут началось! Гиканье, улюлюканье, битье кулаками по столам. Часть парней казались испуганными, но большинство, понятное дело, пребывало в диком восторге. Девушки от зависти кусали локти, мечтая хоть раз в жизни отважиться на что-либо подобное.

Слышались выкрики:

- Видишь, Джеффри, как везет симпатиям вроде тебя!

- Давай, чувак, не дрейфь.

- Осторожно, Джеф, Салли стопудово узнает!

Джеффри молчал, только его шея постепенно багровела.

Когда листок почти догорел и вознамерился обжечь красивые пальцы, Фэй, покачивая бедрами, продефилировала прочь от Джеффри и небрежно выбросила догорающую поэзию в металлическую корзину для мусора, стоявшую рядом с учительским столом. В корзине что-то вспыхнуло, но мистер Хамфрис даже глазом не моргнул, чем заслужил искреннее восхищение нашей героини.

- Спасибо, Фэй, - ровным тоном произнес он. - Друзья, то, что мы с вами сейчас видели, можно назвать примером... предметной поэзии. Завтра я познакомлю вас с более традиционными жанрами. Урок окончен.

Фэй вышла из класса. Через секунду все как с цепи сорвались - начался просто массовый исход. Джеффри схватил тетрадь и умчался.

Кэсси посмотрела на свое стихотворение. Огонь: они с Фэй обе написали об огне...

Она со злостью разорвала свое произведение и, скомкав его в шарик, кинула в рюкзак. С мечтами о романтически-загадочном имидже, наверное, покончено: если есть такая девушка, то кому нужна Кэсси?

«Хотя, такое ощущение, что ее боятся, - размышляла Кэсси. - Даже учитель. Почему он никак не среагировал: не оставил ее на разговор после урока, не сделал ничего подобного? Или жечь костры в мусорных ведрах во время уроков считается в Нью-Салеме нормой?

Почему Джеффри не остановил ее? Не говоря уже о том, почему это для него так важно, где я живу?!»

Выйдя в коридор, она постаралась собраться и спросила, где расположен класс С310.

- На четвертом этаже, - пояснила проходящая мимо девушка. - Все математические классы находятся там. Ты можешь подняться по этой лестнице...

- Йо! Поберегись! С дороги, все! - их беседа была прервана зычными выкриками.

Что-то с шумом неслось по коридору, сметая всех и вся на своем пути. Что-то, представленное в двух экземплярах.

Глазам обалдевшей героини предстали два шизика на роликах, которые жизнерадостно вопили, прорываясь сквозь толпу. Перед Кэсси промелькнула лохматая блондинистая шевелюра и слегка раскосые сине-зеленые глаза, и потом все то же самое - еще раз. Парни были похожи друг на друга как две капли воды только на футболке у одного красовался «Megadeth», а у другого - «Motley Crue»⁹.

Они несли хаос - выбивали из рук книги, хватали девчонок за коленки. В конце коридора один из них радостно уцепился за мини-юбку симпатичной рыженькой школьницы и ловко задрал ее аж до талии; несчастная завизжала и бросилась прикрывать позор.

- Почему никто им по шее не надаст? - вырвалось у Кэсси. - Почему в этой школе

столько чокнутых? Почему их никто не остановит, не сообщит администрации, не сделает хоть что-нибудь?...

- Смеешься, что ли?! Это же братья Хендерсоны, - произнесла девушка и тут же поспешила покинуть Кэсси ради своей приятельницы, явно более осведомленной.

До Кэсси долетел обрывок диалога:

- ...даже про Клуб не знает... - констатировав этот вопиющий факт, обе девушки бросили на бедняжку сочувствующий взгляд и удалились.

Что еще за Клуб? Девушка произнесла это слово с таким придыханием, будто речь шла ни много ни мало о тайной масонской ложе. Как может какой бы там ни было клуб прикрывать нарушителей школьной дисциплины? Что это за безумное местечко, в конце-то концов?

Звонок возвестил о том, что Кэсси опаздывает на урок; не медля больше ни секунды, она забросила рюкзак на плечо и понеслась вверх по лестнице.

К обеду, несмотря на все старания героини, весь урожай, собранный ею на почве светского общения, составлял несколько жалких «Приветов» и «Здравствуйте». Девушка с сияющими волосами не появлялась; впрочем, это не удивляло, учитывая, сколько в здании было этажей и аудиторий. К тому же Кэсси чувствовала себя настолько жалко и неуверенно, что встретив златовласку сейчас, она бы ни за что не решилась подойти к ней. В груди поселилось гнетущее чувство ущербности.

Она посмотрела на столовую, полную радостных лиц, и еще больше расстроилась.

Нет, это ей не по зубам.

Девушка обхватила себя руками и отправилась восвояси. Через центральный вход она выбралась на улицу, пошла куда-то, кое-как, не зная, зачем, потом увидела сочную зеленую травку на холме и остановилась.

«Вот и хорошо, - решила она, - поем здесь».

Ниже по склону из травы высывалось несколько глыб; Кэсси присмотрела уютную ложбинку в тени дерева рядом с одной из них. Получалось, что камень закрывает школу от нее и ее от школы, создавая сладкую иллюзию, будто никакой школы нет и в помине. Отсюда открывался довольно приятный вид на каскад извилистых ступенек, ведущий к подножию холма, и на дорогу внизу. Главное, что сверху Кэсси невозможно было увидеть. Она сидела в своем домике, смотрела на траву, утыканную шапками одуванчиков, и напряжение уходило. Даже если утро не задалось, днем все наладится: даже чистое голубое небо, казалось, без усталости твердит ей об этом.

За валуном - знаменитым новоанглийским красным гранитом - она чувствовала себя уверенно, «как за каменной стеной». Странное дело, ей показалось, что она слышит гул внутри глыбы, напоминающий многократно ускоренное сердцебиение. Гул жизни. «Что произойдет, если я прикоснусь к нему щекой?» - радостно гадала выдумщица.

Вдруг ее эйфорию нарушил голос; Кэсси в ужасе присела на корточки, выглянула из-за верхушки камня и замерла.

Да, это была Фэй, а с нею - еще две девушки, одной из которых оказалась байкерша, чуть не задавившая героиню с утра пораньше. Другая была рыжеватой блондинкой, аппетитной клубничкой с невероятно тонкой талией и самой красивой грудью, которую только можно было себе представить у женщины подросткового возраста. Они весело болтали, неторопливо спускаясь вниз по ступенькам - прямо к Кэсси.

«Я просто встану и поздороваюсь», - решила девушка, но почему-то не сделала этого: воспоминание о беспокойных медового цвета глазах остановило ее.

Она сидела, как мышь, уповая на то, что они пройдут мимо, спустятся к подножию холма и скроются за территорией школьных владений.

Вместо этого девушки уселись на ступеньках, расположенных чуть выше дислокации Кэсси, свесили ноги и достали пакеты с обедом.

Они расположились так близко, что Кэсси видела, как вспыхивает в лучах солнца красный камень на шее Фэй. Сейчас случайная наблюдательница скрывалась в тени, но

стоило ей сдвинуться хотя бы на дюйм, ее бы заметили. Судьба подстроила ловушку.

- Кто-нибудь шел за нами, Дебора? - лениво спросила Фэй, роясь в пакете.

Байкерша фыркнула:

- Дураков нет.

- Хорошо, потому что то, о чем мы сейчас будем говорить, суперсекретно. Не хочу, чтобы сами-знаете-кто услышал, - произнесла Фэй. На колени лег блокнот в красной обложке. - Так, давайте посмотрим, с чего бы нам стартнуть? Охота что-нибудь реально злобненькое отчебучить.

- Ну, Джеффри... - произнесла клубничка, которую, как выяснилось из предыдущего разговора, звали Сюзан.

- Уже занимаюсь этим, - отреагировала Фэй. - Ты же знаешь, я резвая.

Сюзан засмеялась. Когда она хихикала, ее удивительная грудь хихикала вместе с ней, и сразу становилось ясно: под свитером абрикосового цвета нет ничего, кроме тела.

- Для меня по-прежнему остается загадкой, чем вас так прикалывает этот Джеффри Лавджой, - нахмурившись, произнесла байкерша.

- Тебя вообще парни не вставляют. Это твоя главная проблема, Дебора, - сказала Сюзан.

- Зато тебя, кроме парней, ничто не вставляет, - отрезала Дебора. - Просто Джеффри - это вообще кранты. У него зубов больше, чем извилин.

- А мне его извилины совершенно ни к чему, - задумчиво проговорила Фэй. - Ты, Сюзан, с кого начнешь?

- Ой, даже не знаю... Такой выбор богатый... Есть, например, Марк Флемминг и Брант Йегервуд. Еще этот, Дейвид Дауни - мы вместе с ним английский подтягиваем: Боже, что за тело у парня!!! Ну и потом, всегда есть Ник...

Дебора даже хрюкнула от удивления:

- Наш Ник?! У тебя есть только один шанс привлечь его внимание - оснастить себя четырьмя колесами и сцеплением.

- Не говоря уже о том, что он занят, - проговорила Фэй с улыбкой крадущейся рыси.

- Ты же сказала, что возьмешь Джеффри...

- Я найду применение обоим. Заруби себе на носу, Сюзан: у нас с Ником... договоренность. Поэтому просто отвали и найди себе прелестного задрота, хорошо?

Последовало секундное замешательство, после которого блондинка легонечко пожала плечами и сказала:

- Ладно, возьму Дейвида Дауни. Нужен мне ваш Ник! Он на игуану похож.

Дебора вскинула взор:

- Он мой двоюродный брат!

- Все равно игуана. Когда он поцеловал меня на вечеринке в честь окончания восьмого класса, мне показалось, я целуюсь с пресмыкающимся. Ужас, он такой скользкий!

- Мы можем заняться делами? - Фэй вернула разговор в прежнее русло. - Кто у нас в черном списке?

- Салли Уолтман, - не раздумывая, выпалила Сюзи. - Она такое о себе возомнила! Думает, раз она президент класса, то может теперь с нами тягаться, ха-ха-ха! А если ты Джеффри заберешь, она просто с катушек скатится.

- Салли... - размышляла Фэй. - Да, для дорогуши Салли нужно будет придумать что-нибудь особенное... Дебора, в чем дело?

Дебора напряглась; ее глаза смотрели вверх, в сторону школы.

- Незваные гости, - ответила она. - Целая делегация.

Кэсси тоже увидела группу школьников, спускавшихся вниз по ступенькам. Слава Богу, к ней спускалась надежда: пока Фэй с подружками будут разбираться с непрошеными визитерами, она сможет ускользнуть незамеченной. В надежде на спасение сердце билось как сумасшедшее.

Первым заговорил широкоплечий парень, видимо, лидер этой группы.

- Слушай, Фэй, в столовке не протолкнуться; мы хотели тут поесть. Ты не против? - его интонация, уверенно-наступательная вначале, под конец увяла до смиренного вопроса.

Фэй не спеша возвела к нему очи и улыбнулась своей ленивой красивой улыбкой.

- Нет, - сладенько, но жестко произнесла она. - Я против, - и продолжила завтрак.

- Как же так! - парень отчаянно пытался сохранить мужское достоинство, придав голосу искусственную твердость. - В прошлом году ты нам разрешала.

- То, что было в прошлом году, - ответствовала Фэй, - осталось в прошлом году. Тогда мы были недостаточно зрелы, а теперь мы - старшеклассницы. И. притом, злющие. Злобствуем, как пожелаем.

Дебора и Сюзан одобрительно захихикали. У Кэсси затекло все тело. До сих пор ей не представилось ни единого шанса сбежать, ведь для этого все три девушки должны были одновременно отвернуться.

«Ну давайте же, миленькие!» - мысленно умоляла она.

Участники делегации постояли еще минутку-две, недовольно переглядываясь, а потом развернулись и побрели обратно к школе. Впрочем, одна девушка задержалась.

- Фэй, мне тоже уйти? - спросило хорошенькое возбужденное юное создание.

«Наверное, восьмиклассница», - подумала Кэсси. Она ждала, что малышка будет отшита, как и прочие, но, к ее удивлению, Фэй постучала по ступеньке, приглашая гостью присесть.

- Ну что ты, Кори! - произнесла она. - Ты, конечно же, можешь остаться. Просто нам показалось, что ты хочешь обедать в компании с Мисс Святостью и прочими паиньками.

Девушка присела.

- Иногда от доброты тоже начинает подташнивать, - проговорила она.

Фэй закинула голову и широко улыбнулась.

- Да-а, а я-то, дура, считала тебя жеманной святошей, - сказала она. - Что ж, знай, что ты всегда желанная гостья в нашем кругу. Ты же почти одна из нас, ведь так?

Кори кивнула и с гордостью добавила:

- Мне через две недели уже пятнадцать исполнится.

- Ну вот, видишь, - и Фэй обратилась к остальным. - Она почти готова. Ну, и о чем мы говорили? Да-да, о новом ужастике.

- Именно, - ответила Дебора, демонстрируя недобрый оскал. - Так вот, хозяин бара в этом фильме пропускает людей через мясорубку и готовит из них специи к салатам.

Сюзан как раз снимала фантик с конфеты Твинки.

- Дебора, умоляю, меня сейчас вырвет.

- А меня сейчас вырвет от этой гадости, - парировала злюка. - Ты постоянно их жрешь. Ты знаешь, что это у нее за хрень? - обратилась она к Кори, указывая на грудь Сюзан. - Это две гигантские Твинки. Если произойдет несчастье, эту дрянь вдруг перестанут выпускать, громадины превратятся в прыщи.

Фэй рассмеялась своим томным горловым смехом, и даже Сюзан захихикала. Кори тоже улыбалась, но чувствовалось, что ей несколько не по себе.

- Кори! Мы не смущаем тебя? - воскликнула Фэй, широко распахнув свои золотые глазищи.

- Не говори глупостей. Меня не так-то легко смутить, - ответила Кори.

- М-да, с такими братцами, думаю, это непросто. И все же, - продолжала Фэй, - ты такая молоденькая, и, понимаешь, как будто... целомудренная. Ну, вероятно, это обманчивое впечатление. Я права?

Теперь пришла очередь Кори краснеть. Три старшие девушки смотрели на нее вкрадчивыми любопытными взглядами.

- Ну, да, это я и... имела в виду, ну... что я просто произвожу такое впечатление. Не такая уж я и... молоденькая, - выдохнула Кори в полном и абсолютном смущении. - Все прошлое лето я встречалась с Джимми Кларком, - так закончила она свою защитную речь.

- Ой, расскажи скорее, как интересно! - замурлыкала Фэй.

Кори смутилась еще больше.

- Мне уже, наверное... мне пора. У меня физкультура после перерыва, нужно еще до корпуса Е добежать. Увидимся позже, ладно? - И малышку как ветром сдуло.

- Странно, даже завтрак оставила, - протянула Фэй, сладко жмурясь. - Что ж, - она достала из пакета Кори упаковку кексов и метнула ее хихикающей Сюзан.

Только Дебора не смеялась.

- Фэй, неловко вышло с девочкой, а она нам понадобится, причем, очень скоро - недели, эдак, через две. Одно свободное место, один кандидат - догоняешь?

- Согласна, - не стала спорить Фэй, - обещаю все исправить. Не волнуйся, когда придет срок, она будет на нашей стороне.

- По-моему, нам тоже пора, - сказала Сюзан, и Кэсси от облегчения даже прикрыла глаза. - Мне, блин, еще на четвертый этаж на алгебру подниматься.

- Да, этот подъем может занять целую вечность, - злобно констатировала Дебора. - Но не спешి думать о трудах праведных раньше времени. Сначала придется кое с кем пообщаться.

- С кем еще? - не поворачивая головы, в изнеможении вздохнула Фэй. - Куда еще нужно спрятаться, чтобы нас хоть ненадолго оставили в покое?

- К нам направляется мадам Президент Класса собственной персоной. А из ушей ее валит пар.

Раздражение вмиг покинуло лицо Фэй, уступив место выражению намного более прекрасному и бесконечно более опасному. Она довольно улыбнулась и поиграла длинными красными ногтями, точно кошка, разминающая когти.

- А я уж было подумала, что день пройдет скучно и бесцветно, - проворковала она, прищелкивая язычком. - В очередной раз убеждаюсь, человек предполагает, а Господь располагает... Ну здравствуй, Салли, - произнесла она уже громче, вставая и одним плавным движением разворачиваясь навстречу спускающейся девушке. - Какой приятный сюрприз! Как провела лето?

- Фэй, не трать зря энергию, - ответила вновь пришедшая.

Она была на голову ниже черногрой и потоньше, но вся какая-то жилистая и жесткая; она так сжала кулаки, будто готовилась к драке.

- Я пришла не светские беседы вести.

- Как знаешь. Мне просто кажется, мы давно не болтали. Ты что-то с волосами сделала? Так... необычно смотрятся.

Кэсси взглянула на волосы Салли: они были покрыты какой-то ржавчиной, будто их пережгли во время мелирования. Салли, видимо, тоже не понравилось, как ее покрасили, потому что слова Фэй заделали ее за живое: в бессознательной попытке защититься, она прикрыла голову рукой, и это настолько рассмешило героиню, скрывающуюся за камнем, что не будь она в таком двусмысленном положении, точно бы расхохоталась.

- И не прически обсуждать! - отрезала Салли.

Говорила она визгливым противным голосом, повышавшимся с каждой фразой.

- Я пришла потолковать о Джеффри. Оставь его в покое!

Улыбка Фэй расплывалась медленно и плавно.

- Но почему?! - промурлыкала она. На фоне Саллиного визга ее голос звучал ниже и чувственнее обычного. - Ты в нем не уверена? Не знаешь, на что сподобится зайчик, если тебя вдруг не окажется рядом, и ты не будешь держать его за ручку?

- Ты ему не нравишься!

- Это он тебе так сказал? Хм, утром мне показалось, что нравлюсь и даже очень. Мы с ним идем тусоваться в субботу вечером.

- Это ты его заставила.

- Заставила?! Я правильно тебя понимаю? Ты хочешь сказать, что большой мальчик Джеффри не в состоянии отказаться, если ему что-то не по душе? - Фэй покачала головой. - И еще вопрос: почему в таком случае не он со мной объясняется? Знаешь, что я скажу тебе,

Салли, - проговорила хитрая оболстительница, и голос ее при этом опустился до будuarных тонов. - Он не очень-то сопротивлялся сегодня утром. Вернее, совсем не сопротивлялся.

Рука Салли рванула назад, как бы замахиваясь для удара, но замерла.

- Ты привыкла, Фэй, что тебе все с рук сходит. Тебе и всем в вашем чертовом Клубе! Пора положить этому конец. Нас много, много больше, чем ты предполагаешь, и нас достали ваши бесконечные выходки. Кто-то должен, наконец, дать вам отпор.

- Я так понимаю, этим кем-то станешь ты, - с нехорошей приятцей в голосе проворковала Фэй.

Салли рыскала глазами, как собака, ищущая, куда бы примоститься, и в итоге встала на край выступа, повернувшись спиной к сбегающим вниз ступеням.

- Да! - дерзко выкрикнула она.

- Забавно, - продолжила Фэй свое муррррчанье, - только объясни, как ты собираешься давать отпор из положения лежа? - с этими словами красотка сделала движение, будто собираясь вцепиться десятью длинными красными ногтями в лицо оппонентке.

Они не коснулись Салли: Кэсси, не упуская ни малейшей детали в надежде улучшить момент для побега, могла бы подтвердить это под присягой.

И все же Салли что-то ударило: что-то невидимое и тяжелое. Ее жилистое тельце дернулось и отчаянно забултыхалось в попытке сохранить равновесие на краю выступа. Миг, на протяжении которого она молотила руками по воздуху, колотясь, как рыба об лед, раскачиваясь из стороны в сторону, длился целую вечность. И лучше б он никогда не кончался, потому что потом она рухнула.

Кэсси не поняла, как очутилась в гуще событий: только что она сидела за камнем - скрюченная, но целехонькая и никем не обнаруженная - и вот уже бросается наперерез летящему телу, чтобы выбить его от каменных ступеней вбок, на траву. На мгновение ей показалось, что сейчас они обе кубарем покатаются вниз, но этого не произошло. Все закончилось банальной свалкой, в самом низу которой оказалась каша наибогороднейшая героиня.

- Отпусти! Ты порвала мне кофту, - завизжала только что поднявшаяся Салли... и заехала Кэсси кунаком прямо в живот.

Добрая девушка только рот от удивления разинула: помогай после этого людям...

- Ты же, Фэй Чемберлен, пыталась меня убить! Но ты свое получишь, и очень скоро.

- И твое я тоже получу, Салли, - Фэй сумела сохранить свою коронную улыбку, но чувствовалось, что она скрежещет зубами от злости.

- погоди! Найдут кого-нибудь из вас однажды у подножия этой лестницы со сломанной шеей, - с этими словами Салли подошла к ступенькам и начала свое горделивое восхождение, наступая на каждый каменный выступ с таким видом, будто она наступала на физиономию Фэй.

Она ни разу не обернулась и, похоже, так и не осознала, что Кэсси ее спасла.

Едва встав на ноги, неоцененная спасительница взглянула на крутой каскад лестницы, ведущей вниз, и взвесила шансы Салли. Без вариантов: визгливой девице крупно повезло бы, сломайся к моменту приземления только ее шея. Но кому действительно повезло, так это Кэсси: на ступеньках ее ожидало настоящее веселье...

В виде трех взрослых девушек.

Врожденные легкость и изящество не изменили им, но за очаровательным фасадом притаилась ярость. Кэсси разглядела ее во враждебном сумраке глаз Деборы, в злобном изгибе рта Сюзан, но больше всего - в хищном прищуре Фэй.

Неожиданно и явно не вовремя в голову пришла мысль, что она никогда не видела трех таких красавиц сразу. Дело было не в идеальной коже, лишенной малейших следов юношеских гормональных проблем; и не в шикарных волосах - темных непослушных кудрях Деборы, чернящей гриве Фэй и рыжевато-золотистом облаке Сюзан. И даже не в том, как безупречно они дополняли друг друга: яркая внешность каждой не умаляла, а лишь подчеркивала красоту подруг. Было здесь что-то иное - идущее изнутри. Уверенность и

самообладание, не свойственные девушкам шестнадцати-семнадцати лет. Внутренняя воля, энергия. Сила. Страшная сила.

- Таааак, и кто тут у нас? - хрипло произнесла Фэй. - Шпион? Или маленькая серая мышка?

«Беги», - умоляла себя Кэсси.

Но ноги не слушались.

- Я ее уже утром видела, - сказала Дебора. - Она терлась у велосипедного рейлинга и пялилась на меня.

- Ну что ты, Дебби! Я видела ее намного раньше, - откликнулась Фэй, - еще на прошлой неделе рядом с домом номер 12. Соседушка.

- Значит, из наших, - вставила Сюзан свои пол-цента.

- Именно.

- Не важно, кто она и откуда, теперь она труп, - заявила Дебора.

Ее очаровательное лицо перекосилось от злости.

- Зачем торопиться, - промурлыкала Фэй. - Каждой мышке можно найти подходящую норку. Кстати, и долго ты там пряталась?

Ответ напрашивался сам собой; Кэсси постаралась сдержаться, поскольку сейчас был явно не подходящий момент для иронии, но, не придумав ничего лучше, ответила именно так:

- Достаточно долго, - произнесла она и пожалела саму себя.

Фэй медленно спустилась на ступеньку и встала рядом с бедняжкой.

- И часто ты подслушиваешь чужие разговоры?

- Я пришла сюда раньше вас, - Кэсси пыталась сохранять выдержку.

Только бы Фэй отвела взгляд: медовые глаза излучали жутковатое неземное сияние; они лазером буравили Кэсси, отнимая всю волю, выжимая все соки. Создавалось ощущение, что Фэй чего-то добивается от нее, пытается как-то на нее воздействовать. Этот взгляд начисто лишал Кэсси самоконтроля, равновесия и сил.

Помощь пришла неожиданно в виде мощного энергетического потока, поднимавшегося откуда-то из-под ног. Или, скорее, из земли, из глубин красной гранитной скалы, наполненной жизнью. Кэсси успокоилась, собралась; позвоночник распрямился ровно настолько, чтобы она смогла, наконец, поднять подбородок и не мигая посмотреть в золотистые глаза.

- Я первая пришла, - вызывающе заявила осмелевшая девушка.

- Вот и чудесно, - замурлыкала Фэй; в глазах ее что-то неуловимо поменялось. Потом она повернула голову. - В рюкзаке что-нибудь интересненькое нашли?

Дебора бесцеремонно обыскивала рюкзак, выбрасывая по очереди все содержимое.

- Не особо, - ответила байкерша, отшвырнув сумку с такой силой, что оставшееся добро разлетелось по склону.

- Прекрасно! - Фэй опять нацепила одну из своих самых неприятных улыбок, производящую еще более пугающее впечатление в комбинации с жестким изгибом рта. - Думаю, ты все же права, Дебора. Она труп. - Фэй взглянула на Кэсси. - Ты здесь недавно, поэтому пока не понимаешь, какую ошибку совершила. А у меня, прости, нет времени тебе объяснять. Сама все узнаешь. В свое время... Кэсси.

Фэй протянула руку и взяла Кэсси за подбородок. Девушка пыталась отстраниться, но мышцы застыли и не повиновались. Сильные пальцы с длинными чуть загибающимися устрашающе красными наконечниками находились прямо у лица.

«Настоящие когти, - подумала Кэсси, - хищные когти».

Зато теперь она могла внимательно рассмотреть красный камень на шее у Фэй: звезда, вставленная внутрь, напоминала звездчатый рубин; она так блестела и играла на солнце, что оторваться было невозможно.

Фэй ни с того ни с сего рассмеялась и выпустила бедняжку.

- Пошли, - сказала она подругам, после чего все трое развернулись и отправились

наверх, в школу.

Кэсси выдохнула с таким облегчением, будто была воздушным шаром, который только что проткнули. Ее трясло. Что это было?... Что?! Это... это... что-то такое...

Возьми себя в руки.

«Она просто-напросто заводи́ла в банде подростков, - успокаивала себя настрадавшаяся героиня. - С Клубом, во всяком случае, разобрались - обыкновенная шайка-лейка. Ты же слыхала о бандах. Ну и что с того, что в твоей прежней школе их не было. Не беси их, держись подальше, и все будет ОК.»

Самовнушение действовало, но не очень: последние слова Фэй прозвучали как угроза. Вот только чем она угрожала?

Вернувшись домой, Кэсси не обнаружила мамы на первом этаже. Побродив по комнатам и вдоволь накричавшись, она увидела бабушку, которая с нехорошим выражением лица ожидала ее прямо на лестнице.

- Что произошло? Где мама?

- Она наверху, в своей комнате, неважно себя чувствует. Только не беспокойся...

Кэсси промчалась вверх по старым скрипучим ступенькам прямо в зеленую комнату. Мать лежала в огромной кровати с балдахинoм; ее глаза были прикрыты, а бледное лицо покрывала испарина.

- Мама?

Большие черные глаза приоткрылись, мама сглотнула слюну и натужно улыбнулась: чувствовалось, что ей больно.

- Наверное, легкий грипп, - произнесла она слабым голосом, звучащим как будто изда́лека, таким же безжизненным, как ее блеклое от недуга лицо. - Милая, день-два, и все пройдет. Как школа?

Лучшая сторона Кэсси боролась с желанием худшей поделиться грузом несчастий с ближним. Мать легонечко вздохнула, прикрыла глаза, не в силах смотреть на свет.

Лучшая сторона победила: Кэсси впи́лась ногтями в ладони и спокойно произнесла:

- Отлично.

- С кем-нибудь интересным познакомилась?

- Ну, в общем-то да.

Бабушку она тоже не хотела беспокоить, но за обедом, когда та спросила, почему внучка такая пришибленная, слова будто сами выскочили из нее:

- В школе есть девушка - ее зовут Фэй - она жуткая. Настоящий Аттила в юбке. В первый же день умудрилась так вляпаться, что теперь она меня ненавидит... - и рассказала все, как было.

В конце рассказа бабушка с озабоченным видом заглянула в камин.

- Все наладится, Кэсси, - проговорила она.

«А что, если не наладится?» - подумала девочка, но вслух сказала:

- Конечно, я тоже так думаю.

Вслед за этим бабушка повела себя довольно странно: осмотрелась, будто опасаясь, что их могут подслушивать, и наклонилась к внучке:

- Нет, все действительно наладится, уж я-то знаю. Понимаешь, у тебя есть одно... объективное преимущество. Совершенно уникальное... - она перешла на шепот.

Кэсси в свою очередь склонилась к ней и тоже невольно зашептала:

- Какое?

Только бабушка открыла рот, как в камине раздался хлопок; она отвлеклась и пошла поправлять дрова.

- Какое, бабушка?

- Сама все узнаешь. В свое время.

Кэсси недоумевала: эти слова она уже сегодня слышала.

- Бабушка...

- Во-первых, у тебя есть голова на плечах, - произнесла бабушка, и в голосе у нее

появились бодрые нотки, - а во-вторых, пара здоровых ног. Отнеси-ка лучше матери бульон. Она за целый день ни крошки не съела.

Ночью Кэсси не спалось: то ли со страху ей чудилось, что дряхлый дом скрипит и скрежещет сильнее обычного, то ли звуков и вправду прибавилось. В любом случае, как только она начинала засыпать, ее моментально вышвыривало из сна в бодрствование. Время от времени она залезала рукой под подушку и трогала свое сокровище - халцедон удачи: вот бы заснуть... и во сне увидеть его...

Она резко села.

Вылезла из кровати, протопала босыми ступнями по паркету, взяла рюкзак, принесла его обратно и расстегнула; один за другим из сумки появлялись предметы, подобранные ею на склоне: карандаш за карандашом, книга за книгой. Девушка разложила имущество на одеяле и окинула хозяйским взором.

Так и есть, она не ошиблась. Не спохватилась вовремя, слишком занятая мыслями об угрозах Фэй, а стихотворения, написанного ею утром и в гнев скомканного, и след простыл.

6

На следующее утро Фэй оказалась первой, кто попался в школе на глаза Кэсси. Страшная девица болтала с друзьями недалеко от бокового входа, о существовании которого героиня и не догадывалась.

Компания состояла из байкерши Деборы, грудастой Сюзан, блондинчиков-роллеров, которых Кэсси видела днем раньше, и еще двух парней. Один из них был коротышка со скользким нерешительным взглядом и полуулыбкой на устах, второй - высокий темноволосый холодный красавчик, одетый в футболку с подвернутыми рукавами и черные джинсы, сильно смахивающие на джинсы Деборы. Он курил.

«Ник», - вспомнила Кэсси обрывок вчерашнего разговора девушек, - «пресмыкающееся».

Героиня вжалась в красную кирпичную стену и постаралась исчезнуть как можно более незаметно. Она вошла в школу и побежала на журналистику.

Стыдно сказать, но лежащий в заднем кармане кусок халцедона обнадеживал. Конечно, смешно даже предполагать, что он приносит удачу, но ведь попала же она сегодня в школу без осложнений и даже не схлопотала пока.

Кэсси отыскала свободную парту в конце класса - подальше от той, за которой вчера сидела Фэй. По понятным причинам ей вовсе не хотелось, чтобы черногровая бестия оказалась рядом; здесь же ее отделяла от Фэй целая куча народу.

Удивительно, но, как только она устроилась, вокруг началась какая-то возня: несколько девушек пересели вперед, парень, сидящий рядом, тоже решил переместиться.

Несколько секунд она крепилась.

«Не параной! Люди могут пересаживаться по тысяче причин, совершенно с тобою не связанных».

Однако не заметить, что вокруг образовался приличный вакуум из пустых парт, мог только слепой.

Фэй впорхнула, как птичка, на ходу выпевая соловьиные трели обледеневшему Джеффри Лавджою. Кэсси бросила на нее беглый взгляд и резко отвернулась.

Сегодня ей не удавалось сосредоточиться на лекции мистера Хамфриса: да и кому бы удалось, будь вокруг него столько пустого места! Скорее всего, простое совпадение, но девушку все равно потряхивало.

В конце урока Кэсси почувствовала на себе чей-то взгляд; обернулась - кому еще быть, кроме Фэй?! Она смотрела на новенькую и хитро улыбалась.

Затем медленно прищурила правый глаз и подмигнула.

На перемене Кэсси пошла в гардероб взять кое-что из шкафчика; набирая код, она краем глаза подметила, что кто-то стоит рядом и, повернувшись, с омерзением узнала в этом

ком-то неприятного коротышку, которого утром видела вместе с Фэй.

Парень довольно ухмылялся у открытого шкафчика, полного буклетов, рекламирующих домашние тренажеры - бодибилдер, видать; его ремень украшала яркая серебряная бляшка со стразами и гравировкой «Шон».

Не сильно впечатленная данным набором качеств, Кэсси одарила его мило-снихождительным взглядом: так смотрела она на маленьких мальчиков, с которыми оставалась в Резеде в качестве бэбиситтера, и отперла шкафчик.

«Аааааааааааа...»

Крик вышел не ярким, а скорее задушенным, поскольку голосовые связки неожиданно отказались выполнять свои функции: в шкафчике повесилась кукла. Она висела на веревке, привязанной к шее; голова игрушки неестественно завалилась набок - ее просто вынули из шейного отверстия; один голубой глаз открыто смотрел на мир, другой был отвратительно полуприкрыт.

И, похоже, подмигивал бедняжке.

Все это время коротышка наблюдал за героиней с нескрываемым и диловатым интересом: казалось, он упивается ее ужасом, пьянеет от него.

- Не хочешь сообщить об этом кому следует? Я бы на твоём месте к директору сходил, - предложил он чрезвычайно возбужденным фальцетом.

Кэсси тупо уставилась на него, еле дыша.

- Да, схожу, - согласилась она, вырвала веревку, схватила куклу, хлопнула дверцей шкафчика и помчалась вверх по лестнице.

Кабинет директора находился на третьем этаже. Кэсси думала, что придется ждать, но, к немалому удивлению, ее пригласили войти, как только она представилась.

- Чем могу быть полезен? - Директор оказался высоким мужчиной с правильным, но недобрым лицом. Он стоял перед камином, сложив руки за спиной.

- Здравствуйте, - пролепетала девушка. Ее до сих пор потряхивало от пережитого ужаса; идея поведать о случившемся директору теперь не казалась столь блестящей. - Я новенькая, меня зовут Кэсси Блейк...

- Мне известно, кто вы, - у него был грубоватый и резкий тембр.

- В общем, - Кэсси запинаясь, - я хотела вам сообщить... Вчера я случайно стала свидетелем того, как одна ученица дралась с другой, и та, другая, ее толкнула... - «Господи, что я несу! Какую-то галиматью!» - Из-за того, что я это видела, та, что толкнула, стала мне угрожать. Она состоит, ну, в этом... клубе... хотя это не важно, важно то, что она мне угрожала. Понимаете, я и не собиралась ничего предпринимать, никому сообщать, ничего такого, просто сегодня в шкафчике я обнаружила вот что.

Она достала куклу, брезгливо придерживая ее двумя пальцами за кончик платья. Директор удостоил демоническую игрушку беглого взгляда, каким одаривают гадость, принесенную со двора любимой собакой; его губы искривились в ухмылке, напомнившей Кэсси о еще одной чудесной подружке дней ее суровых - Порции.

- Забавно, - произнес он. - И как уместно среди ваших!

Кэсси не очень поняла, что имелось в виду. Если она не ошибалась, «уместно» означало «правильно», или она что-то путала? Разве правильно, когда в чужие шкафчики вешают одноглазых кукол с переломанной шеей?

- Это Фэй Чемберлен сделала, - продолжила девушка.

- Без сомнения, - размеренно проговорил директор. - Я хорошо осведомлен о сложностях, возникающих у мисс Чемберлен в общении с соучениками. Тем более что мне уже вчера сообщили об этом происшествии - а именно о том, как вы пытались столкнуть с лестницы Салли Уолтмен.

Кэсси подумала, что ей это снится.

- Я - что сделала?! Кто вам это сказал?!

- По-моему, Сюзан Уиттнер.

- Это ложь! Я никогда...

- Как бы там ни было, - прервал ее пламенную речь директор, - я убежден, что вы должны научиться улаживать подобные вопросы сами, не прибегая к... посторонней помощи.

От шока девушка не могла вымолвить и слова, поэтому молча и тупо смотрела на директора.

- У меня все, - на этой жизнеутверждающей ноте он швырнул куклу в мусорную корзину, куда она приземлилась со смачным пластиковым клацаньем.

Аудиенция была окончена; оставалось только развернуться и уйти.

Когда Кэсси с некоторым опозданием вошла в класс, все, как по команде, обернулись и посмотрели на нее. Очередной приступ паранойи, не успев развиться, сразу закончился, когда она, сев за парту, обнаружила, что никто - никто! - не пересаживается.

Учительница как раз предлагала на доске решение алгебраического уравнения, когда в рюкзаке, лежащем на полу рядом с переведшей дыхание героиней, что-то шевельнулось.

Уголкем глаза Кэсси уловила движение куска темно-синей материи, высывающейся из основного отделения. «Вероятно, показалось», - подумала девушка, поскольку, когда она нагнулась, чтобы повнимательнее рассмотреть непрошеного гостя, его и след простыл.

Больное воображение...

Не успела она обернуться к доске, как шевеление возобновилось.

Разворот от доски, взгляд на рюкзак - нет движения; разворот к доске, взгляд от рюкзака - опять высунулось: создавалось впечатление, что что-то извивалось и издевалось над ней.

Может быть, виновата жара, а может, ей надо проверить зрение.

Кэсси решила на обманный маневр: крайне медленно и осторожно поставила обе ноги на рюкзак, приподняла их, посмотрев при этом на доску, а потом резко опустила, якобы на то, что имело наглость «высовываться».

Ноги нащупали только обложку учебника по французскому.

Кэсси выдохнула, закрыв глаза в беспомощном облегчении.

Тут под ногами закишело: то, что она почувствовала сквозь кроссовки, нельзя было охарактеризовать иначе.

Бедняжка с пронзительным визгом взметнулась из-за парты.

- Что происходит? - воскликнула учительница: теперь только ленивый не смотрел на Кэсси.

- У меня что-то... в рюкзаке. Оно... шевелится, - Кэсси с трудом сдержалась, чтобы не вцепиться в руку учительницы, потянувшуюся за рюкзаком. - Нет, пожалуйста, не трогайте!...

Отмахнувшись от назойливой надоеды, преподавательница открыла рюкзак и достала из него длинную каучуковую змею.

Каучуковую.

- Вам это кажется забавным? - учительница требовала объяснений.

- Это не мое, - беспомощно сказала Кэсси. - Это не я туда положила.

Как зачарованная, смотрела она на хлюпающую из стороны в сторону резиновую голову и праздно болтающийся в каучуковой пасти черный язык. Змея была похожа на настоящую, но не настоящая. Мертвая. Труп.

- Она шевелилась, - шептала девочка. - Она, правда, шевелилась... Я же не сумасшедшая... Или все-таки мне почудилось?!

Пока класс безмолвно и безучастно наблюдал за происходящим, в глазах учительницы успело мелькнуть и исчезнуть нечто, смахивающее на жалость. Во всяком случае, так показалось Кэсси.

- Ладно, друзья, вернемся к математике, - сказала преподавательница, бросила змею к себе на стол и возвратилась к доске.

Остаток урока Кэсси провела в скорбных мыслях о пресмыкающихся, которые, в свою очередь, решили временно оставить ее в покое.

Сквозь прозрачное стекло забитая веселыми школьниками столовая смотрелась удручающе. Урок французского прошел, как в тумане; паранойя, вызванная стойким ощущением, что все, как один, от нее отворачиваются, крепчала.

«Надо бы пройтись, - подумала отверженная и сразу же раскритиковала собственную идею. - Посмотри, куда тебя привела вчерашняя прогулка».

Нет, сегодня она сделает то, что нужно было сделать еще вчера: смело войдет в столовую и спросит у кого-нибудь, можно ли присесть рядом.

«Иди. Дерзай».

Все было бы намного проще, если б не слабость и головокружение: спать надо больше.

С полным подносом еды она подошла к квадратному столу на четверых: сейчас за ним сидели две девушки. Они показались ей довольно милыми и, что важнее, мелкими: значит, обрадуются, если к ним подсядет старшеклассница.

- Привет, - Кэсси не верилось, что это ее собственный голос, таким чужим и бесцветным он ей показался, - я могу к вам присесть?

Некоторое время ушло на бессловесный обмен взглядами и мнениями, после чего одна из девушек ответила:

- Садись, конечно... мы как раз собирались уходить. Пожалуйста.

Взяв свой поднос, она направилась к мусорному бачку; вторая провела еще несколько секунд в нервном исследовании стола и затем обреченно последовала за подругой.

Кэсси будто выросла в пол.

«Ладно тебе, подумаешь! Ну, попались те, кто как раз собирался уходить, и что с того? Не повод для расстройства...»

«А ничего, что они половину обеда в помойку выкинули! Это тоже нормально?!»

Совершив над собой невероятное усилие, Кэсси подошла к следующему столу - на этот раз круглому, рассчитанному на шестерых. Одно место как раз пустовало.

«Не спрашивай, - решила она, - просто садись».

Она поставила поднос на стол, скинула на пол рюкзак и села. Она смотрела только на еду, сфокусировавшись на куске пепперони ¹⁰ в пицце.

«Что хочу, то и ворочу, и не собираюсь просить ни у кого разрешения».

Она не видела, что происходит вокруг, но не могла не слышать, как сначала стихли разговоры, а потом задвигались стулья.

«Господи, я не верю, не верю своим ушам - скажите, что это неправда, что это не со мною происходит...» Но «это» происходило именно с нею - кошмарный кошмарище, в миллионы раз кошмарнее, чем все резиновые змеи и мертвые куклы на свете...

Кэсси заставила себя оторвать глаза от пепперони и обнаружила, что все, кто сидел за столом, встают, берут подносы и уходят. Но, в отличие от двух милых малюток, они не собирались выкидывать ценные продукты в мусор, а просто пересаживались за другие столы, кто в одно место, кто - в другое, кто - в третье, лишь бы не с ней.

Лишь бы подальше от нее.

- Мам...

Глаза матери, занавешенные густыми ресницами, были прикрыты.

Кэсси не поняла, как досидела до конца уроков. Обстановка дома тоже не вселяла оптимизма: по словам бабушки, маме стало хуже. Не то, чтобы намного хуже - никаких причин для беспокойства - но хуже; прежде всего ей требовались покой и отдых, поэтому она приняла снотворное.

Кэсси посмотрела на темные круги под глазами матери: она и вправду выглядела больной, к тому же слабой, беззащитной и щемяще юной.

- Мам... - умоляла девушка голосом, жаждущим надеяться, но понимающим, что надежды нет.

Как только мать зашевелилась, лицо ее исказилось гримасой боли; слава богу, она тут

же опять провалилась в беспамятство.

Помощи ждать было неоткуда; Кэсси приветствовали холодные пустыни одиночества. Она развернулась и вышла из комнаты.

У себя в комнате она положила халцедон в коробку с бижутерией и решила больше его не трогать: слишком много удачи для одной юной девушки.

Скрипы и скрежеты старого дома опять не дали ей выспаться.

В четверг в шкафчик случайно залетела птичка «пьють-пьють, пьють-пьють», которая на самом деле оказалась чучелом совы: «У-у, у-у». Она зыркала на Кэсси круглыми желтыми глазами. Дрожащей рукой девушка молча указала на страшилку случайно проходившему мимо зрителю, и он без лишних разговоров забрал чучело.

А в этот день в шкафчике обнаружилась мертвая золотая рыбка. Измученная, но привыкшая, героиня соорудила кулек из листа бумаги и вытащила бедняжку из ее жестокого заточения.

В шкафчик в этот день Кэсси больше не заглядывала.

К столовой она тоже не приближалась, отдав предпочтение пище духовной: обеденный перерыв героиня провела в самом темном и дальнем углу библиотеки.

И именно здесь она снова встретила Ее. Девушку с сияющими волосами, златовласку, принцессу, о встрече с которой запуганная бедняжка уже и не мечтала. Да и шансов, скажем прямо, у нее не было - все последние дни Кэсси слонялась по коридорам словно тень, глядя в пол и не вступая в разговоры без чрезвычайной нужды. Она вообще уже плохо понимала, зачем ходит в эту дикую школу, просто больше идти было некуда. И, положив руку на сердце, встретив златовласку в один из этих дней, она скорее всего обратилась бы в позорное бегство - перспектива быть отвергнутой еще и Ею представлялась смерти подобной.

И вот из темноты библиотечного закоулка Кэсси неожиданно увидела свет - яркий, как само солнце.

Это были Ее волосы: Кэсси запомнила их именно такими - невероятно длинными и переливающимися. Девушка стояла лицом к абонементному столу, расположенному в противоположном конце зала, и общалась с библиотекарем. Златолунное сияние долетало до Кэсси и оттуда.

Ей страшно захотелось вскочить и подбежать к златовласке. И... и... потом... Будущее было туманно, а порыв практически не управляем: горло сжал спазм, глаза наполнились слезами. Неожиданно Кэсси осознала, что полдела сделано - она стоит на ногах. Вот она подбежит к девушке и потом... что потом? В голове вдруг возникла картинка из далекого прошлого: совсем еще юная мама обнимает дочку, промывает ободранную коленку, целует ранку, чтобы никогда, ни-ког-да больше не болело. «Не плачь, маленькая, до свадьбы заживет». Дом. Защищенность. Любовь.

- Диана!

К абонементному столу с громким смехом и притворным возмущением подскочила подружка.

- Диана, ты не видишь, сколько сейчас времени?! Давай скорее!

Одной рукой она помахала в знак «до свидания» библиотекаря, другой потянула златовласку к выходу - к Кэссиной гибели. Подруги подошли к дверям.

Подруги вышли.

Finita.

Кэсси так и осталась стоять, где стояла - в дальнем темном углу библиотеки: девушка с сияющими волосами ее даже не заметила.

В пятницу утром Кэсси осторожно подошла к шкафчику: открывать его не хотелось, но, странное дело, стоять и гадать, какой демонический подарок ожидал ее на сей раз, тоже было нелегко.

Героиня неторопливо, как в замедленной съемке, набрала код. Дверца отворилась.

Кэсси не обладала связками, необходимыми для того, чтобы извлечь крик, достойный этого зрелища, зато обладала глазами, способными расширяться до невероятных пределов и

стать в конце концов такими же огромными, как у чучела совы. Рот разверзся в беззвучном оре и приготовился отдать врагам непереваренные остатки завтрака. Эта вонь!...

Внутри лежали горы мясного фарша - сырой массы, больше всего напоминающей освежавшую тушу, отдельные участки которой от тепла уже начали плавно менять цвет с красного на фиолетовый. Они воняли, как...

Как мертвечина. Как труп.

Кэсси с грохотом захлопнула шкафчик, так прибавив пружин во все стороны фарш, что ему пришлось искать лазейку и струйкой потечь из-под дверцы. Они послали ее в нокаут: перед глазами все поплыло, девушка совсем смешалась и стала отступать.

Тут кто-то схватил ее: героиня наивно предположила, что это рука друга, но не тут-то было: через секунду рука предательски стянула рюкзак с ее плеча.

Кэсси обернулась и увидела всего лишь прелестное, но, как обычно, хмурое лицо, злющие темные глаза и неизменную мотоциклетную куртку. Рюкзак просвистел прямо перед ее носом, и бедняжка машинально последовала за ним в полупрыжке.

Вторым участником «картошки» оказался обладатель светлых кудрей, раскосых сине-зеленых глаз и громкого хохота. Это был один из бешеных роллеров - братьев Хендерсонов.

- Welcome to the jungle ¹¹ - радостно прогорланил он, делая пас Деборе.

Злюка подхватила рюкзак и вторую строку песни.

Кэсси металась между ними, как «собачка» в популярной детской игре. Чем горше рыдала бедная девочка, тем громче пели и хохотали малолетние изверги.

Вдруг в поле застланного слезами зрения героини вторглась загорелая рука: она поймала рюкзак и положила конец гоготу.

Обернувшись, Кэсси увидела темноволосого холодного красавчика, который два дня назад утром стоял у школы вместе с Фэй... Господи, неужели прошло всего два дня?! Он был все в той же футболке с закатанными рукавами и в тех же выцветших джинсах.

- Блин, Ник, - запричитал братец Хендерсон. - Ты нам весь кайф обламываешь.

- Пшли вон, - заявил Ник.

- Сам пошел, - отгрызнулась Дебора из-за спины Кэсси. - Мы с Дагом просто...

- Да, мы просто...

- Замолкните оба, - Ник посмотрел на шкафчик Кэсси, из которого все так же сочился фарш, и бросил рюкзак девушке. - А ты уматывай отсюда! - приказал он.

Кэсси взглянула в его темно-карие глаза: они были того же цвета, что и бабушкина антикварная мебель красного дерева. И так же, как бабушкина антикварная мебель красного дерева, отражали свет ламп. Глаза не были недружелюбными, просто они смотрели совершенно бесстрастно; глядя в них, казалось, что ничто не трогает их обладателя.

- Спасибо, - тихо поблагодарила Кэсси; она старалась остановить поток рыданий, но ничего не получалось.

Что-то промелькнуло в антикварных глазах.

- Благодарить меня особо не за что, - произнес их хозяин голосом, в котором слышалось завывание холодных ветров.

Но Кэсси это уже не беспокоило: вцепившись мертвой хваткой в рюкзак, она быстренько исчезла.

Пресловутую записку ей передали на уроке физики. Девушка по имени Тина обронила бумажку на Кэссину парту якобы случайно, сделав при этом совершенно отсутствующее лицо, и невозмутимо проследовала дальше, сев в итоге за парту в противоположном конце класса. Кэсси смотрела на сложенный квадрат бумаги, как на гадюку, которая ужалит сразу же, стоит лишь к ней прикоснуться. В центре квадрата было одновременно дерзким и строгим почерком написано ее имя.

Она медленно развернула бумажку:

«Кэсси, - обращался к ней аноним, - встретимся на третьем этаже старого научного корпуса после уроков. Думаю, я могу оказаться полезной. Друг».

Кэсси изучала записку до тех пор, пока буквы не начали расплываться перед глазами. После урока она подловила Тину.

- Кто попросил тебя передать мне это?

Во взгляде почтальонши сквозило абсолютное отречение от содеянного.

- О чем ты? Я не...

- Не нет, а да, я видела, как ты обронила записку. Кто тебе ее дал?

Тина окинула коридор взглядом загнанной дичи, ищущей невозможного спасения... и лишь потом зашептала:

- Так уж и быть, меня подослала Салли Уолтман, только она просила никому ни слова. Все, я пойду.

Кэсси преградила девушке путь.

- Где находится старый научный корпус?

- Послушай...

- Где он?

Тина зашептала:

- На другой стороне крыла Е. За автостоянкой. Теперь уже точно пора,пусти меня! - Она вырвалась из железной хватки Кэсси и убежала.

«Друг, как же!» - размышляла героиня. Если бы Салли была другом, она поговорила бы с ней при всех; если бы она была другом, она осталась бы в тот день на лестнице, не оставив ее на растерзание Фэй; наконец, если бы она была другом, она хотя бы сказала: «Спасибо за то, что ты спасла мне жизнь».

А что, если она раскаялась?

Старый научный корпус выглядел так, будто им давно не пользовались; на дверях бездельничал сломанный замок. Стоило Кэсси толкнуть дверь, как та тут же открылась. Внутри царил полумрак; глаза отказывались видеть после яркого дневного света. Девушке удалось разглядеть лестницу, и она пошла вверх, опираясь рукой о стену, чтобы не упасть.

Только добравшись до последнего этажа, она заметила странность. Касаясь стены, пальцы погружались во что-то... мягкое. Почти пушистое. Что это? Кэсси поднесла руку прямо к лицу. Сажа?!

Рядом что-то зашевелилось.

- Салли? - героиня сделала робкий шаг навстречу неизвестности. «Почему здесь так мало света?» - поражалась она.

Кроме белесых трещин, тут и там рассекающих невидимые стены, не было видно ни зги. Она сделала еще пару осторожных шагов.

- Салли?

Она уже знала, что это не Салли: человек ли, чудище ль лохматое, но не Салли.

«Дура, разворачивайся. Беги. Быстрее».

Героиня кружилась на месте в полной растерянности, напрасно пытаясь рассмотреть хоть что-то в кромешном мраке лестницы...

Неожиданно хлынул свет: он полился мощным потоком прямо в лицо и ослепил девушку. Потом раздался скрип и грохот, за которым последовала новая, не менее сильная струя света: «Доски с окна содрали», - догадалась Кэсси. Судя по силуэту, довольный собою изверг стоял у открытого окна с доской в руке, как какой-нибудь Фредди Крюгер или один из его братьев по цеху. Жуть!

Героиня рванула к лестнице, но и этот путь оказался закрыт: теперь света вполне хватало, чтобы рассмотреть черты выступившей вперед девушки.

- Здравствуй, Кэсси, - проговорила Фэй. - К сожалению, Салли не смогла вырваться. Но я полностью к твоим услугам.

- Это ты прислала записку, - сказала Кэсси.

Фэй улыбнулась своей жуткой томной улыбочкой.

- Что-то мне подсказывало, что, если я подпишусь собственным именем, ты не придешь.

«А я- то, дура, купилась! -ругала себя Кэсси. - Она надоумила Тину, вдолбила ей все, что нужно сказать, а я и схавала».

- Тебе понравились наши подарочки?

Кэсси разрыдалась - как еще можно было ответить на этот вопрос?! Она была выпотрошена, выжата и абсолютно беспомощна. Господи, где была ее голова?!

- По-моему, ты не высыпaeшьcя, - Фэй продолжала невинное хрипловатое лепетание. - Выглядишь неважно. Все мечтаешь, наверное.

Кэсси обернулась, чтобы просчитать варианты отступления, но выход был надежно заблокирован более чем сформировавшейся грудью Сюзан.

- Прости, нам не хочется отпускать тебя так рано, - мурлыкнула Фэй. - Во всяком случае, мне.

Кэсси посмотрела ей прямо в глаза.

- Фэй, оставь меня в покое.

- Даже не мечтай, - подбодрила ее Дебора и злобненько рассмеялась.

Вначале Кэсси не могла сообразить, к чему все это, но вскоре поняла: красные коготочки придерживали листик бумаги, когда-то скомканный, а теперь почти гладенький.

«Мое стихотворение!!!!!» - в ужасе осознала она.

Гнев оказался настолько мощным, что пересилил усталость. На секунду у Кэсси закружилась голова от переизбытка вредной энергии: она набросилась на Фэй с кулаками и воплем:

- Это мое!

Фэй оказалась не готова к такому развитию событий: она отпрянула и стала уворачиваться от атак Кэсси, держа бумажку высоко над головой. Учитывая ее неслабый рост, у нашей невысокой героини не было шансов: прыгай - не прыгай, все равно останешься с носом.

Неожиданно Кэсси почувствовала, что кто-то схватил и сжал ее руки.

- Благодарю, Дебора, - Фэй дышала чуть чаще обычного. Она посмотрела на Кэсси. - Видите, даже у маленькой серой мышки бывают моменты, когда она мнит себя большой зубастой крысой. Что ж, впредь будем умнее. А сейчас, - продолжала она, смакуя каждое слово, - нас ждет небольшой поэтический экспромт. Хочу сразу принести извинения за, скажем так, не вполне подходящую обстановку, но что поделаешь? Было время, когда здесь преподавались естественнонаучные дисциплины, но все изменилось - и изменилось после того, как Крис и Даг Хендерсоны допустили крохотную оплошность при проведении химического эксперимента. Ты, конечно, видела братьев Хендерсонов: их сложно не заметить. Славные ребята, но слегка безответственные: они нечаянно изготовили бомбу.

Как раз к этому моменту глаза Кэсси окончательно привыкли к яркому свету, и она увидела, что стены черны от копоти.

- Естественно, находятся такие, кто считает, что здесь небезопасно, - поясняла Фэй, - поэтому держат корпус на замке. Но нас, как ты понимаешь, такие мелочи никогда не останавливали. Здесь так уединенно: шуми, сколько влезет, никто не услышит.

Дебора стискивала руки Кэсси волчьей хваткой.

- Бооооольно, - стонала пленница, но сдаваться не собиралась.

Как только Фэй, прокашлявшись, поднесла листок к глазам, Кэсси рванула руки с новой силой и опять, увы, безрезультатно.

- Так, дайте-ка взглянуть... «Мечты»... стихотворение Кэсси Блейк. Кстати сказать, название не лишено определенного изящества.

- Ты не имеешь права! - гнула свою линию Кэсси, но Фэй уже ее не слышала, она

стояла на подмостках, огни ramпы светили ей в лицо, зал только ждал момента, чтобы разразиться бурной овалцией.

- Не сплю ночами, думаю о нем...

- Это личное, это нельзя читать вслух! - кричала Кэсси.

- ...О том, кто разбудил во мне желание...

- Отпусти меня!

- ...А дни мои - сплошь выжжены огнем...

- Гадины!

- Попыткой оживить воспоминанья, - Фэй оторвалась от листка, посмотрела на подруг.

- Вот и все. Что думаешь, Дебора?

- Отстой, - откликнулась добрая девица и еще немного подкрутила кисти Кэсси, чтобы той мало не показалось. - Дешевка.

- Знаешь, не вполне согласна: мне понравились отдельные образы - огонь, к примеру. Тебе нравится огонь, детка?

Кэсси замерла: в тягучем хриплом голосе появилась новая нотка, нотка, которую она уже чуяла за версту - опасность.

- Ты часто думаешь об огне, Кэсси? Тебе снится огонь?

От волнения у измученной героини пересохло во рту; медовые глаза напротив пылали жаром и безумием.

- Хочешь, фокус с огнем покажу?

Кэсси затрясла головой с неистовством, граничащим с ужасом: она начинала понимать, что есть вещи страшнее унижения; впервые за всю эту нескончаемую неделю ее волновало не сохранение чести, а спасение жизни.

Фэйхватило одного взмаха руки, чтобы лист со стихотворением превратился в хлипкий бумажный кулек, в верхнем углу которого неожиданно занялось пламя.

- Кэсси, расскажи нам о нем. Что за красавчик так тебя разбередил - кто он? Нам же интересно!

Кэсси пришлось проявить чудеса реакции, чтобы увернуться от маленького факела, очутившегося прямо перед ее носом.

- Осторожно, - Дебора играла в этом спектакле роль доброго полицейского, - не надо слишком близко к волосам подносить.

- Позволь, но что такое «слишком»? - философски рассуждала Фэй. - Так - это слишком? - вопрошала она, пронося факел в сантиметре от волос плененной героини. - Или, может, так - это слишком? - пламя все ближе подступало к волосам.

Слишком - это когда огонь коснется Кэсси. Чтобы этого не произошло, девушка крутилась, как юла. Тлеющие клочки бумаги разлетались по закоулочкам. Пространство, в котором разворачивалось действие, накалилось до предела: в воздухе пахло жареным.

- О-й-о-й, вот это я понимаю. Действительно, близко. Хотя реснички все равно у нее чутко длинноваты, можно и подкоротить. Как считаешь, Дебора?

Кэсси пыталась вырваться, но силачка Дебора не поддавалась на мелкие провокации: чем больше сопротивлялась пленница, тем крепче она держала.

- Да отпусти же ты! - воскликнула героиня.

- А мне казалось, огонь тебе по душе. Посмотри на него. Что ты там видишь?

Кэсси, конечно, не хотела следовать указаниям черногровой бестии, но огонь действительно манил; она посмотрела на пламя. По-хорошему, бумага уже давно должна была догореть, но почему-то она все еще полыхала.

«Желтым, - подумала девушка. - Желтым и оранжевым. Вовсе не красным, как это обычно описывается».

Все ее органы чувств сейчас были настроены только на огонь, каждый по-своему: осязание наблюдало за тем, как жар пощипывает щеки; слух подмечал едва уловимый звук скручивания догорающей бумаги; обонянию предоставлялась возможность наслаждаться сомнительным запахом гари; зрение тоже полностью сосредоточилось на маленькой

огненной феерии.

Серо- желтое пламя, снизу синее, как на зажженной газовой горелке, менялось каждую секунду своего существования, и каждую же секунду устремлялось ввысь, посылая в небо потоки энергии.

«Огонь - это энергия», - подумала Кэсси.

Она почти физически почувствовала сущность «красного цветка»: та не походила ни на бескрайний покой неба и моря, ни на затаившуюся целостность земли - нет, то была энергия действия, сила натиска и захвата.

- Да, - прошептала Фэй, соглашаясь с мыслями героини.

Ее хрипловатый голос вывел Кэсси из транса.

«Соберись!» - скомандовала себе девушка...

И все - огненным фантазиям пришел конец.

«Вот что происходит, когда не спишь ночами. Начинаешь быстро уставать, силы уходят, а глюки приходят».

Из глаз опять градом хлынули слезы: они беззастенчиво заливали скулы, щеки, подбородок.

- Ой-ой-ой, она же совсем еще ребенок! - защebetала Фэй, но в голосе ее появились новые нотки, теперь в нем чувствовалось отвращение. Отвращение и что-то, напоминающее разочарование. - Давай, малышечка, я знаю, ты можешь пошибче... наплачешься всласть, все горести и вытекут.

Кэсси не нужно было уговаривать: слезы лились не переставая, и капали, капали на подступающую все ближе горящую бумагу: капали и шипели, капали и шипели... Мысли отступили, остался один только ужас: загнанное животное, жалкое загнанное животное, без права на надежду...

Почти труп... труп...

- Что ты делаешь?! Отпусти ее сейчас же!

Голос явился из ниоткуда и еще пару секунд нимало не заботил героиню; куда больше сейчас ее занимал огонь: он ярко вспыхнул и потух, в мгновение ока превратившись в горстку грустного серого пепла. В руках у Фэй остался лишь обугленный ошметок бумажного кулька.

- Я сказала, отпусти ее! - рядом с Деборой вспыхнуло что-то яркое: не огненной природы - прохладнее, и не солнечной - спокойнее, скорее лунной - яркое, ровное свечение, похожее на то, что озаряет землю в полнолуние, приносит тепло, спокойствие и надежду.

Это была она.

Диана, викторианская принцесса, девушка с золотыми волосами. Кэсси пребывала в таком шоке от бешеной череды последних событий, что смотрела на златовласку так, будто видела ее впервые. И изучала.

Ростом та была почти с Фэй, но на этом их сходство заканчивалось: Фэй была пышной, Диана - стройной; брюнетка носила красное, златокудрая - белое; у Фэй была густая черная грива, у Дианы - длинный, гладкий, струящийся шлейф волос, заливающий близлежащие окрестности солнцелуноподобным сиянием.

И, что говорить, Диана была красива до неприличия: красива по-настоящему, вблизи - еще лучше, чем издали. Ее оппонентка, как уже неоднократно упоминалось, тоже была непозволительно хороша, однако красота их была настолько разного свойства, что для сохранения правды жизни пришлось бы придумать второе слово. Удивительные медовые глаза Фэй пленяли, не делая пленника счастливым; от нее хотелось бежать - немедленно и, желательно, подальше.

Диана же, на контрасте, была сама легкость и прозрачность, словно мозаика тончайшей венецианской работы. Ясные зеленые глаза казались подсвеченными изнутри, подернутые розоватым румянцем щеки сияли свежестью, которой не купишь ни за какие деньги и, тем более, не добьешься косметикой. Все свое, натуральное, стопроцентное.

Возмущение ее не знало пределов: глаза сверкали молниями, голос, оставаясь чистым и

музыкальным, кипел от негодования.

- Я сразу почуяла неладное, как только узнала, что ты передала через Тину записку, - возмущалась она. - Но чтобы до такой степени!!! Дебора, в последний раз повторяю,пусти ее!

Хватка неохотно, но верно ослабевала.

- Ты что, не видишь? Ты ей чуть руку не вывихнула! - гневалась добрая фея. Непонятно откуда взявшимися бумажными платками она стала оттирать пепел, а заодно и слезы с лица Кэсси. - Как ты себя чувствуешь? - тон ее постепенно смягчался.

Чудо! Произошло чудо: златовласка пришла ей на помощь. Как она могла себя чувствовать?!

- Она до смерти напугана, - сделала свои выводы Диана и, обернувшись к Фэй, произнесла: - Фэй, объясни мне, что это? Как можно быть такой жестокой?

- Ты же знаешь, временами я просто не могу сдержаться, такая уж уродилась, - промурлыкала черноволосая бестия. Она наблюдала за происходящим со зловещим прищуром, приближаясь по уровню агрессивности к своей подруге Деборе.

- Ну а ты, Сюзан? Ты меня удивляешь. Разве ты не видишь, что это ужасно?!

Сюзан пробормотала что-то невнятное, глядя в сторону; вероятно, она делилась своими оправдательными соображениями со стенами.

- И потом, что она вам сделала? Кто она вообще такая? - приобняв Кэсси за плечи и погрузив ее тем самым в блаженное состояние защищенности, Диана переводила вопросительный взгляд с одной бандитки на другую.

Последние безмолвствовали.

- Меня зовут Кэсси, - выручила всех пострадавшая. Потом опять занервничала - скорее всего, по инерции, но сразу же успокоилась, почувствовав теплую руку Дианы на своем плече. - Кэсси Блейк. Я переехала сюда всего пару недель назад к бабушке, ее зовут миссис Ховард.

Девушка казалась искренне удивленной.

- Миссис Ховард? Из двенадцатого дома? Ты живешь в двенадцатом доме?!

Кэсси напряглась: она вспомнила, как нелепоотреагировал на ее адрес Джеффри Лавджой, и подумала: если златокудрая фея воспримет это так же, она повесится. Но что делать, она же действительно там живет! И, не придумав ничего лучше правды, она обреченно кивнула.

Златовласка с новыми силами накинулась на Фэй.

- Она еще и соседка, к тому же! Одна из нас! - добавила она с возмущением.

- Не вполне, - произнесла брюнетка с несколько надменной интонацией.

- Она всего лишь полукро... - начала было Сюзан.

- Заткнись! - прорычала Дебора.

- Она наша соседка, - светловолосую фею трудно было сбить с выбранного курса; она перевела взгляд на Кэсси. - Очень жаль, что я не знала о твоём переезде. Если б знала, - гневный взор на Фэй, - обязательно зашла бы познакомиться. Я живу в самом начале Вороньей Слободки, в доме номер 1, - она снова приобняла Кэсси. - Пойдем. Хочешь, я отвезу тебя домой?

Кэсси радостно закивала: за этой девушкой она бы и с девятого этажа прыгнула.

- Прости, забыла представиться, - опомнилась златокудрая на пути к лестнице. - Меня зовут Диана.

- Я знаю.

Открывая дверь синей «Акуры Интегры», Диана опомнилась, стукнула себя по лбу и спросила, не нужно ли Кэсси что-нибудь в шкафчике.

Спасенная и обогретая лаской бедняжка нервно задержалась и отчаянно замотала головой, не желая даже мыслями возвращаться в недавнее жуткое прошлое.

- Почему нет? Что случилось?

После секундного колебания, во время которого Кэсси, как обычно, размышляла над

морально-этическим вопросом, стоит ли обременять собеседника своими бедами или нет, она все-таки поддалась искушению и рассказала абсолютно все - от начала и до конца.

Диана слушала внимательно: руки ее были сложены на груди, нога постукивала о коврик со скоростью, увеличивающейся по мере того, как набирали обороты события в рассказе Кэсси. В зеленых глазах появились признаки надвигающейся бури.

Тем не менее, по окончании рассказа она сказала лишь:

- Ничего страшного. Я позвоню и попрошу, чтобы в твоём шкафчике прибрались. Поехали. Нечего тебе здесь делать.

И тронулась с места, добавив, что о «Кролике» беспокоиться не стоит.

- Мы его потом заберем, - и Кэсси верила: раз Диана говорит, что заберем, значит, так оно и будет.

От созерцания красоты тяжело оторваться. Присутствие Дианы лишний раз подтверждало эту истину: ее длинные шелковые локоны струились, как воды огромного водопада, в котором лучи луны и солнца ежедневно и еженощно преломляются в волшебную радугу. Кэсси вдруг показалось, что она уже где-то видела волосы, сочетающие в себе массу оттенков, но вспомнить, где именно, не смогла, поэтому легко забыла о случайном воспоминании, отвлекшись на более интересные предметы.

Ей страшно хотелось дотронуться до волос, чтобы почувствовать, какие они шелковистые, но вышло бы неловко, поэтому она только смотрела и слушала.

- ...понимаешь, на Фэй иногда что-то находит. В эти моменты она не контролирует себя, не ведает, что творит, - объясняла Диана.

Кэсси аккуратно перевела взгляд с волос на лицо спасительницы: с последним утверждением она согласиться не могла, ей казалось, Фэй прекрасно понимает, что делает. Но девушка предпочла оставить свое мнение при себе. В этот момент они как раз подъехали к хорошему дому в викторианском стиле.

- Выходи, - заявила красавица, вылезая из машины. - Домой я тебя в таком виде не отпущу: сначала отмоюсь.

«Отмоюсь?!» Только увидев свое отражение в зеркале старомодной ванной, расположенной на третьем этаже, Кэсси поняла, что имелось в виду: ее серый свитер, джинсы, руки - все было в саже; прическа напоминала взрыв на макаронной фабрике; лицо покрывал боевой камуфляж на грязевой основе с полосками от слез. Она была похожа на обездоленную сиротинушку военного времени.

- Пока мы будем приводить твои вещи в божеский вид, ты можешь надеть вот это. А тебя в божеский вид мы приведем здесь, - Диана хлопотала вокруг Кэсси, совершая кучу действий одновременно и с невероятной скоростью: пускала в ванну горячую воду, добавляла в нее что-то сладко-ароматическое и бурляще-пузырящееся, доставала полотенце, мыло и шампунь. Наконец, повесив на дверной крючок пушистый белый халат, она сказала:

- Как разденешься, брось одежду за дверь, а после ванны надень халат. Ну, вроде разобрались. Чувствуй себя как дома.

Она вышла, оставив Кэсси в полнейшем недоумении от внезапно свалившегося на нее счастья. За что ей такая радость? Героиня еще раз посмотрела на свое жалкое отражение в запотевшем зеркале, проинспектировала ноющие, застывшие от нервного напряжения внутренности, и с огромным удовольствием залезла в горячую, манящую сладким ароматом ванну.

Блаженство, кайф. Она наслаждалась до тех пор, пока тепло не добралось до косточек, а сладкий запах не заполнил легкие. Казалось, эта паточная вода вымывает из головы все старое, нехорошее; Кэсси чувствовала в себе новые силы, новую жизнь.

Мочалка с ароматным шампунем помогли ей освободиться от боевой раскраски. Через полчаса, стоя в большом белом махровом полотенце посреди ванной комнаты, героиня чувствовала себя чистой, согретой, а главное, совершенно расслабленной - а такого с ней не случалось, пожалуй, с Резеды.

Ванная комната выглядела старомодной, «но не по-уродски», - решила Кэсси. Ее

украшали очаровательные мелочи в виде разноцветных баночек с солью для ванн, ароматических смесей из сухих цветов, пестрых полотенец и прочих удачно расставленных банных принадлежностей.

Кэсси вошла в уютные белые тапочки, предусмотрительно оставленные Дианой, и прошлепала в коридор. Дверь напротив была приоткрыта: девушка робко постучалась и, не дождавшись ответа, толкнула ее, вошла и смущенно остановилась на пороге.

Диана сидела у окна, разложив на коленях свитер Кэсси. С верхней рамы окна свешивались светоотражающие кристаллы: когда солнце попадало на одну из их граней, по комнате разлетались маленькие переливчатые фигурки - фиолетовые, зеленые и алые дужки. Они скользили по стенам, танцевали на полу, порхали по рукам и волосам Дианы, будто помещая ее в центр калейдоскопа. Вся комната искрилась и переливалась.

Диана оторвалась от работы, подняла глаза на Кэсси и улыбнулась.

- Заходи, я пытаюсь привести в порядок твой свитер.

- Ох, он же кашемировый; боюсь, это будет сложно.

- Не беспокойся, станет как новенький, - Диана сняла с дивана какой-то приличного размера талмуд и переложила его в стоящий у стены шкаф. Кэсси обратила внимание, что она сразу же заперла шкаф на ключ. Потом вышла из комнаты вместе со свитером.

Кэсси окинула любопытствующим взглядом рабочее место у окна, где только что трудилась Диана: ни малейших следов пятновыводителя - лишь пакетик сухих цветов да кучка камушков с пляжа.

Потом она стала рассматривать комнату. Та была бесподобна: симпатичная мебель антикварного образца так уместно соседствовала в ней с современными предметами интерьера, что казалось, прошлое и настоящее живут здесь в абсолютной гармонии.

На кровати лежало покрывало небесно-голубого цвета с узором в виде молодых стелющихся побегов, легких и воздушных. На стенах, вместо привычных афиш и постеров, висели художественные репродукции. Все вместе выглядело, как бы это лучше выразиться, - первоклассно. Комната была стильной, элегантной, артистичной и, что немаловажно, комфортной для проживания.

- Тебе нравятся репродукции?

Обернувшись, Кэсси обнаружила, что Диана вернулась и стоит у нее за спиной. Бедняжка кивнула, мучительно отыскивая в своей бедовой головке какую-нибудь умную фразу, чтобы сказать ее новой знакомой, которая, конечно же, интеллектуально была на двадцать пять голов выше, чем она сама.

- Кто здесь изображен? - она наконец выдавила из себя гениальный вопрос, уповав на то, что ответ на этот вопрос не должен быть известен любому первокласснику.

- Это греческие боги, вернее, богини. Вот Афродита, богиня любви. Видишь, вокруг нее вьются голубки и херувимы?

Кэсси принялась разглядывать женщину на картинке: она полулежала на некоем подобии кушетки, красивая и томная; что-то в ее позе или, может, в откровенно неприкрытой груди напоминало Сюзан.

- А это Артемида, - Диана повернулась к другой репродукции, - богиня охоты. Ни разу не была замужем; если мужчина заставлял ее во время купания, она спускала своих собак, и те разрывали несчастного на кусочки.

Изображенная девушка была стройна и грациозна; ее руки и ноги слегка смуглели от загара; она стояла на одном колене, натянув тетиву лука. Темные локоны струились по спине легкими непослушными волнами. Вся ее поза отражала сосредоточенность и вызов. Кэсси подумала, что так иногда выглядит Дебора. Потом перевела взгляд на следующую картинку и ахнула.

- А это кто?

- Царица богов, Гера. Она могла быть иногда довольно... деспотичной.

«Оно и видно», - подумала Кэсси. В высокой горделивой молодой женщине чувствовалась неумная жажда власти. Кэсси поразили глаза царицы: градус страсти, воли и

опасности в них настолько зашкаливал, что казалось, еще немного, и они прожгут картину. Страшные глаза крадущейся рыси.

Девушка вздрогнула и отвернулась.

- Ты в порядке? - забеспокоилась Диана.

Кэсси кивнула, хотя чувствовала себя неважно. Как ни странно, теперь, когда она оказалась в безопасности, страхи стали возвращаться: события уходящего дня, прошлой недели, вся боль, все унижение. Одноглазая кукла в шкафчике, «шутка» с резиновой змеей, игры в «картошку» с ее рюкзаком, отверженность...

- Кэсси? - теплая рука коснулась ее плеча.

И стала той каплей, которая переполнила чашу: захлебываясь от рыданий, наша героиня бросилась в объятия Дианы.

- Все хорошо. Все будет очень хорошо, правда. Не бойся... - Златокудрая красавица обнимала ее и успокаивающе похлопывала по спине.

Все слезы, которым не удалось вылиться ни перед мамой, ни перед бабушкой, обрушились на едва знакомого, но уже близкого человека. Кэсси вцепилась в Диану и плакала навзрыд, как малое дитя.

Она вдруг опять почувствовала себя семилетней девочкой, которую успокаивает мама. Так же, как тогда, в библиотеке. И, как по щучьему веленью, по Дианиному хотенью, неожиданно появилась уверенность, что все действительно наладится.

Рыдания пошли на убыль, сначала уменьшившись до икоты и похрюкивания, а потом и вовсе прекратившись.

- Знаешь что? - сказала старшая подруга, протягивая Кэсси платок. - Оставайся-ка ты на ужин. Папа приходит поздно, он у меня адвокат. Я позову подружек, закажем пиццу. Как тебе мысль?

- Она мне нравится, - пробормотала Кэсси, от смущения покусывая губы. - То есть безумно нравится!

- Надень вот это, пока твои вещи не высохнут. Может, окажется слегка великовато, но не смертельно. Потом спускайся, - Диана остановилась, сфокусировав взгляд изумрудных глаз на Кэсси. - Что не так?

- Да нет... ничего, просто... - бедняжка запуталась и, рассердившись на себя, затрясла головой. - Просто... я не понимаю... почему ты так добра ко мне? - выпалила она быстро, чтобы не застесняться еще больше.

Еще несколько секунд Диана пристально смотрела на новую подругу, потом улыбнулась - только глазами, губы при этом оставались серьезными - и ответила:

- Не знаю... просто мне показалось, что ты хороший человек, достойный хорошего отношения. Если хочешь, я могу попробовать относиться к тебе похуже.

Кэсси снова затрясла головой, на этот раз уже вовсе не сердито.

- Кроме того... - Теперь Диана смотрела куда-то в космос, взгляд ее зеленых глаз словно видел нечто нездешнее, далекое. - Мы все сестры, понимаешь?

Кэсси затаила дыхание.

- Ты так думаешь? - прошептала она.

- Да, - убежденно промолвила златовласка, все еще пребывающая в далеких далях, - сестры. Невзирая ни на что, - потом вернулась на землю. - Маме можешь позвонить вот с этого телефона, - сказала она Кэсси, указывая на трубку, - а я пойду вниз и закажу пиццу, - и вышла.

8

Подруг звали Лорел и Мелани.

С Лорел Кэсси уже встречалась. Смешливая девушка, утешившая Диану из библиотеки, при ближайшем рассмотрении оказалась стройной лисичкой с длиннющими русыми волосами в хиппанском платье с цветочным орнаментом и высоких розовых кедах.

- Надеюсь, пицца вегетарианская? - вот первое, что она спросила, захлопнув дверь ногой, поскольку обе руки ее были заняты контейнерами с продуктами. - Ни за что не поверю, что ты могла заказать какую-нибудь допотопную пепперони!

- Скажем мясу «нет», - успокоила ее Диана, снова открывая дверь, так неловко захлопнутую прямо перед носом терпеливо ожидающей своей очереди следующей подруги.

- Упс, извини! - прокричала Лорел по пути на кухню. - Я тут кое-что прикупила для салата.

Диана с новоприбывшей девушкой обернулись и, как по команде, закричали: «Только не тофу!»

- Успокойтесь, здесь нет ничего, кроме овощей и зелени, - крикнула она в ответ; услышав это, девушки вздохнули с заметным облегчением.

Кэсси ужасно стеснялась, но работала над собой; подруга, которую она видела впервые, казалась страшно взрослой - наверное, училась в выпускном классе - и страшно строгой. Высокая, изысканная, с гладко убранными назад волосами и трезво-проницательным взглядом серых глаз, только она из всех людей, известных Кэсси, выглядела так, будто была в очках, хотя никаких очков на ней не наблюдалось.

- Это Мелани, - представила подругу Диана. - Она тоже живет на нашей улице, в доме номер четыре. Мелани, познакомься, это Кэсси Блейк; она недавно переехала в дом номер двенадцать. Миссис Ховард - ее бабушка.

Задумчивые серые глаза придирчиво осмотрели соседку, после чего их хозяйка сдержанно кивнула и сказала:

- Привет.

- Привет, - ответила Кэсси; она благодарила судьбу и Диану за то, что хотя бы помылась перед таким строгим судом; теперь оставалось только надеяться, что чужая одежда идет ей чуть больше, чем корове седло.

- Мелани - наш мозг, - ласково пояснила Диана. - Она умна до безобразия. И знает все, что только можно знать о компьютерах.

- Не все, - произнесла Мелани без тени улыбки, - иногда мне кажется, что я о них вообще ничего не знаю, - она посмотрела на Диану. - Знаешь, я слышала что-то о Кэсси в связи с нашей дорогой Фэй. Какие-то невразумительные обрывки информации!

- В том-то и дело! Я сама только сегодня узнала. Мелани, ну ладно я. У меня действительно не всегда получается уследить за всем, что происходит в школе. Но ты-то, ты, после того, как слышала, почему ничего мне не сказала?!

- Потому что людей много, а ты одна и не резиновая, к тому же. Тебя не хватит на всех, Диана.

Златовласка с грустью покачала головой.

- Кэсси, не посмотришь, как там у Лорел обстоят дела с салатом? Сходи, я думаю, вы подружитесь, вы с ней одного возраста.

Лорел стояла перед кухонным столом, заваленным овощами, и орудовала ножом, как заправский повар.

- Диана попросила тебе помочь. Лорел обернулась.

- Ну и чудесно! Раз ты здесь, помой сумочник пастуший - он такой свежий, что, скорее всего, кишит всякими милыми букашками.

«Сумочник пастуший?» - Кэсси с сомнением взглянула на гору зелени. Имеется в виду, что она должна знать, как он выглядит?

- Эээ... это он? - спросила она, приподнимая темно-зеленый лист треугольной формы, мучнисто-белый с обратной стороны.

- Не-ет, это дикий шпинат, - сказала Лорел и указала локтем на кучу длинных, тонких листьев с зазубренными краями, - а вот это - сумочник пастуший. Но, если хочешь, помой и то и другое.

- А ты добавляешь в салаты... э, девичью траву? - нерешительно спросила Кэсси,

промывая листья.

Она радовалась, что может помочь: эти девушки были такими умными, самостоятельными, такими нормальными - она умирала от желания произвести на них хорошее впечатление.

Лорел улыбнулась и кивнула.

- Да, но с ней надо поосторожнее: если съесть тишком много, можно сыпь заработать. У девичьей травы, кстати, много других применений: из нее помучается недурственное средство от укусов насекомых и превосходный любовный... - она неожиданно прервалась и начала излишне сосредоточенно резать овощи. - Вот, черноголовник готов. Зелень всегда нужно брать прямо с грядки, - добавила она, - тогда и салат вкуснее получается, и жизненная сила Кормилицы Земли в нем сохраняется.

Кэсси посмотрела на нее с сомнением: может, Лорел не такая уж и нормальная? «Жизненная сила Кормилицы Земли?!» Вдруг вспомнился момент, когда, облокотившись о кусок гранита, она слышала гул внутри камня; точнее, когда ей показалось, что она его слышит. А, может, Лорел и нормальная. Кэсси вдруг увидела замечание Лорел в новом свете: может быть, в том, что свежесорванные растения сохраняют жизненную силу Земли, есть доля здравого смысла.

- Ладно, с этим разобрались вроде! Скажи, пожалуйста, Ди и Мелани, что салат готов. Я достану тарелки, и можно подавать на стол, - бодро тараторила Лорел.

Когда Кэсси вернулась в гостиную, Мелани с Дианой увлеченно болтали и не заметили, как она вошла в комнату.

- ...подбираешь ее, как бездомного щенка. И так каждый раз, - Мелани говорила менторским тоном, а Диана спокойно ее слушала, скрестив руки на груди. - А дальше что?...

Внезапно она замолчала, почувствовав прикосновение Дианы, которая только что обнаружила присутствие Кэсси.

- Ужин готов, - проговорила Кэсси, помирая от неловкости.

Вдруг речь шла о ней? Вдруг она - щенок с улицы? Говорила, правда, только Мелани, Диана молчала. Поэтому, подумав, Кэсси решила не беспокоиться - мнение Мелани мало ее интересовало.

Во время поедания салата, который стоил бы отдельного рассказа, будь у нас побольше времени, сдержанные серые глаза смотрели на Кэсси не враждебно, скорее задумчиво. Потом прибыла пицца, и в воздухе повеселело. Кэсси дивилась, с какой поразительной легкостью три умницы-красавицы болтали с доставщиком пиццы - парнем лет на пять старше любой из них. Ни грамма заносчивости, ни тени стеснительности. В итоге бедолага настолько увлекся Мелани, что порывался остаться в гостях, куда его никто не звал, и остался бы, не вытолкай его Диана с хохотом и позором за дверь.

Потом они покатывались со смеху, слушая забавные рассказы Мелани о недавней поездке в Канаду, и Кэсси почти забыла о случайно подслушанном разговоре. «Господи, как хорошо быть с друзьями, веселиться, чувствовать себя среди своих. И быть здесь не случайно, а по приглашению златоволосой принцессы, видеть, как она тебе улыбается, смеяться вместе с ней... Чудеса...» Натерпевшаяся героиня до сих пор не верила собственному счастью.

А счастье только начиналось. Впрочем, как и чудеса.

Перед выходом Диана протянула Кэсси аккуратно сложенную стопку одежды, посередине которой красовался серый кашемировый свитер - без единого пятнышка копоты. Потом луносолнцеволосая сказала:

- Пошли, я отвезу тебя. О машине не беспокойся. Дай мне ключи, и Крис Хендерсон отгонит ее к твоему дому.

Кэсси подумала, что ослышалась, и решила переспросить:

- Хендерсон? Ты про... ты про одного из братьев Хендерсонов говоришь?

Лицо Дианы расплылось в улыбке.

- Значит, ты уже о них слышала. Крис хороший, правда хороший, просто диковатый

немножко. И не думай волноваться, все будет в полном порядке.

Как только они отъехали, Кэсси вспомнила, что парня, который отобрал у нее рюкзак, звали вовсе не Крис, а Даг, но осадочек все равно остался.

- Мы все здесь, в Вороньей Слободке, как одна большая семья, - мягко объясняла Диана. - Вот, посмотри, это дом Лорел, а рядом с ним - дом Фэй. Все, кто здесь живет, держатся друг за друга. И тебя, поверь, мы не бросим.

- Держатся друг за друга? - Кэсси пришла в голову странная мысль.

- Да, - голос Дианы вдруг приобрел неестественную веселость. - У нас тут своего рода клуб.

- Тот самый клуб?! - Кэсси была в таком изумлении, что даже перебила Диану: - Ты что... тоже в нем состоишь? Ты, и Лорел, и Мелани?!

- Ммм, - замялась златокудрая красавица. - Вот мы и приехали. Я тебе завтра позвоню, может быть, даже загляну к вам в гости. А в понедельник мы можем вместе поехать в школу, если ты, конечно, захочешь, - но, увидев выражение лица младшей подруги, приостановилась. - Кэсси, что тебя тревожит? - взволнованно спросила она. Кэсси затрясла головой.

- Я даже не знаю, как сказать... хотя нет, знаю. Помнишь, я рассказывала тебе о разговоре между Фэй и ее подружками, случайно подслушанном мною в первый день в школе? После которого начались все мои несчастья? Они там такое наобсуждали! Просто кошмар! А ведь они состоят в клубе, и я даже в страшном сне не могу себе представить, как ты можешь быть где-то вместе с этими девицами.

- Ты все немного не так истолковала... - мягкий голос Дианы стал еще мягче и тише. - А я не могу тебе, к сожалению, сейчас объяснить. Зато могу сказать вот что - не суди о клубе по Фэй... Хотя, знаешь, и в Фэй есть много хорошего, если внимательно присмотреться.

Кэсси тут же подумала, что для того, чтобы найти хоть что-то хорошее в Фэй, присматриваться придется не просто внимательно, а в окуляр сверхмощного микроскопа, о чем и сообщила Диане через несколько секунд.

Златовласка рассмеялась:

- Нет, правда. Я знаю ее с младенчества. Мы все тут знаем друг друга тысячу лет.

- Но... - Кэсси посмотрела на нее встревоженно. - Неужели тебе не страшно? Ты не боишься, что она может сделать тебе что-то плохое?

- Не боюсь, - сказала Диана. - И она мне ничего не сделает. Считаю, что она дала мне обещание. К тому же... - На лице девушки появилось слегка виноватое выражение, хотя уголки губ продолжали улыбаться. - Хм, я искренне надеюсь, что это не повлияет на твое мнение обо мне, но, понимаешь, Фэй - моя двоюродная сестра...

У Кэсси отвисла челюсть.

- Мы все тут родственники, - как можно деликатнее втолковывала Диана. - Иногда так, вода на киселе, а иногда и поближе. Держи травяной чай, Лорел специально приготовила его для меня этим летом, - добавила она, вкладывая кулек в руку Кэсси. - Выпей немножко перед сном и будешь спать как убитая. Увидимся завтра утром.

И действительно, утром Диана стояла на пороге бабушкиного дома. Золотые переливающиеся волосы ее были сплетены в длинную изысканную косу, напоминающую роскошную шелковую кисть от дорогой портьеры. В руках она держала пакет с ароматными сухими листьями, завернутыми в марлю.

- Ты вроде бы говорила, что у мамы грипп. Я принесла ей лечебный сбор, он помогает при кашле и ознобе. Кстати, ты попробовала чай Лорел?

Кэсси прямо взорвалась от восторга:

- Это какое-то чудо! Я выпила и мгновенно уснула; проснулась только утром, чувствуя себя другим человеком. Что она туда кладет?

- Во-первых, конечно же, кошачью мяту, - ответила Диана и улыбнулась, увидев испуганную реакцию подруги. - Не переживай: на людей она действует не так, как на кошек. Просто успокаивает.

Интересно, может, когда Кэсси впервые увидела Диану в окне викторианского дома, так как раз трудилась над приготовлением целебного отвара? Признаваться в шпионаже и спрашивать было стыдно, но зная, что Диана специально готовила лечебный сбор для ее мамы, было несказанно приятно.

- Здесь несколько простейших трав и настоек из березовых почек от ознобов, - светловолосая красавица рассказывала миссис Блейк о составе чая тихим, но убедительным голосом.

Мама секунду колебалась и затем все-таки потянулась к кружке. Попробовав чай, она улыбнулась и посмотрела на новую подругу дочери. Кэсси почти физически ощутила, как по телу матери полились потоки тепла, несущего исцеление и покой.

Даже старое морщинистое лицо миссис Ховард озарилось улыбкой, когда Кэсси проследовала с ноной приятельницей в свою комнату.

- Классная бабушка, - заметила Диана. - Она, наверное, тебе кучу историй нарасказывала.

Кэсси успокоилась: она побаивалась, что за бородавкой, горбатой спиной и седыми космами Диана не рассмотрит в бабушке главного.

- Она замечательная и ужасно интересная, - проговорила героиня, искренне изумляясь тому, как эволюционировало ее собственное отношение к ближайшей родственнице с тех пор, как она впервые увидела древнюю старуху на пороге еще более древнего дома. - И я так счастлива, что мы наконец-то познакомились, у меня ведь, кроме нее и мамы, больше никого нет. Все остальные бабушки с дедушками уже умерли.

- И мои тоже, - призналась Диана, - у меня даже мамы нет. Она умерла при родах, папа так и не женился, а я всю жизнь мечтала о младшей сестре, но, видишь, не сложилось.

- И я о сестре мечтала... - пробормотала Кэсси.

Наступила неловкая пауза, а потом Диана произнесла:

- Красивая комната.

- Да, - тихонечко и не очень уверенно согласилась Кэсси, оглядывая массивную, роскошную мебель, богатое покрывало, резные спинки стульев, - даже слишком. Мне кажется, что я живу в музее. Видишь, вещи из дома прислали, - она ткнула ногой в грудку вещей, сваленных в углу на полу, - а я ума не приложу, где их разложить или расставить; я уже несколько раз пыталась, но все время боюсь что-то поцарапать или сломать.

Диана засмеялась:

- Глупости, я бы на твоем месте не переживала по этому поводу. Эта мебель пережила три сотни лет, огонь, воду и медные трубы, так что, поверь, еще некоторое время она продержится. Тебе просто надо так все обставить, чтобы твои вещи красиво вписались в обстановку. Давай на следующей неделе попробуем? Я думаю, и Лорел, и Мелани с удовольствием помогут. Будет весело.

Кэсси вспомнила чудесную комнату Дианы, такую стильную, светлую, красивую и уютную, что хотелось жить и петь песни. Если ее собственная комната станет хотя бы наполовину такой прекрасной, она будет самым счастливым человеком на земле.

- Ты слишком хорошо ко мне относишься, - выпалила Кэсси, потом поморщилась и приложила руку ко лбу. - Я знаю, это звучит глупо и банально, - произнесла она беспомощно, - но это правда. Просто... ты столько всего для меня делаешь и ничего не просишь взамен... и я, я не могу понять, чем я все это заслужила.

Диана смотрела в окно на океан: в сверкающих волнах отражалось хрустально-голубое сентябрьское небо.

- Я, кажется, уже говорила, - улыбнулась она, - что считаю тебя хорошим человеком. И очень достойным человеком. Ты спасла Салли, не побоявшись гнева Фэй. Поверь, мало кто способен на такие поступки. К тому же, - добавила она, пожимая плечами, - я люблю помогать людям. И, можешь мне поверить, не так уж это бескорыстно: похоже, люди отвечают мне взаимностью - я не перестаю удивляться, отчего они так хорошо ко мне относятся.

Одного взгляда на красавицу в этот момент хватило бы любому, даже самому пещерному человеку, чтобы понять, отчего люди так хорошо к ней относятся. Диана сидела у окна в ореоле ярких лучей, ее волосы сияли, идеальный профиль был будто выточен из мрамора искусным скульптором. «Нет, ни за что не поверю, что она не понимает, почему влечет людей».

- Сдается мне, ты еще и потому так нравишься людям, что всегда стараешься найти в человеке хорошее, - сказала Кэсси. - Перед этим, знаешь ли, трудно устоять. К тому же ты не задираешь нос, и тебе действительно интересно то, что говорит собеседник... Ну, и потом, тот факт, что ты самая красивая красавица на свете, во всяком случае, я таких в жизни не встречала, тоже играет некоторую роль, - добавила она под конец.

Диана расхохоталась.

- Прости, мне жаль, что ты выросла среди уродов, - сказала она. Затем посерьезнела и снова выглянула в окно, теребя занавеску. - Но знаешь... - застенчиво проговорила она, остановив на Кэсси изумрудно-зеленый взгляд, от которого дух захватывало, - забавно, что мы обе мечтаем о сестрах и что у нас их нет. Еще когда я увидела тебя впервые - там, в научном корпусе... я почувствовала что-то такое родное, будто ты моя младшая сестра. Звучит странно, но правда.

Кэсси ничего странного в этом не видела: когда она впервые заметила Диану в окне, то сразу ощутила что-то вроде непонятого притяжения.

- И... я даже не знаю... мне с тобой очень легко. Легче, чем с Мелани и Лорел, хотя мы только познакомились. Мне почему-то кажется, что ты меня понимаешь и что я... я могу тебе доверять.

- Можешь, - тихонечко проронила Кэсси. Голос ее был слаб, а эмоция, переживаемая ею в этот момент, настолько сильна и искренна, что она и сама удивилась. - Я не знаю, откуда во мне эта уверенность, но я знаю, что ты можешь доверять мне всегда, что бы ни случилось.

- Поэтому, если хочешь, - продолжила Диана, покусывая губу и по-прежнему нервно теребя занавеску, - мы можем стать своего рода приемными сестрами. Как бы «усестрить» друг друга. Тогда у меня появится младшая сестра, а у тебя - старшая. Разумеется, если ты не против, - быстро добавила она, с надеждой взглянув на Кэсси.

Против? Кэсси несколько растерялась, поскольку не знала, что делать и в каком порядке - бросаться Диане на шею или плясать, плакать и смеяться от радости. Или все одновременно?

- Да, неплохая идея, - всего только и выдавила она из себя. Потом расцвела, раскрылась, улыбнулась Диане - открыто, но все еще капельку застенчиво, и воскликнула: - Нет, это гениальная идея!

- Mam, ты сегодня выглядишь намного лучше, - сказала Кэсси матери, которая уже уверенно сидела на краешке кровати и улыбалась дочери.

- Да, одолел меня гадкий грипп, но теперь все прошло, - согласилась миссис Блейк. - А ты выглядишь намного счастливей, любимая.

- Я и чувствую себя намного счастливей, - сказала Кэсси, чмокнув мать в щеку.

«Ты даже не можешь себе представить, насколько», - подумала девушка, но вслух этого не произнесла.

По уровню взволнованности и предвкушению чего-то удивительного это утро в рейтинге Кэсси почти делило первую строку с утром первого учебного дня.

«Пусть хоть вся школа меня ненавидит, - решила Кэсси, - со мною Диана, значит, жизнь удалась».

В этот день златовласка была несказанно хороша: она надела зеленый замшевый пиджак с голубой шелковой подкладкой и джинсы, вытертые почти до белизны; на шее висел простой кулон с камнем молочного цвета, который периодически мерцал сине-белым. Кэсси гордилась уже тем, что шествовала по школе рядом с такой красотой.

А в коридорах творилось нечто странное: невозможно было и шаг ступить, как их

обязательно кто-нибудь останавливал.

- Дианочка, привет, минутка найдется?

- Диана! Сто лет не виделись...

- Диана, не будь такой жестокосердной, не говори сразу «нет», хотя бы подумай об этих выходных! - это уже от парня.

Почти всем проходящим мимо требовалось срочно с ней переговорить, а тем, кому сказать было нечего, оставалось только стоять рядом и слушать.

Кэсси наблюдала, как Диана общается с ребятами. Отшивала она только парней, молящих о свидании, причем отшивала резко, но с улыбкой; некоторые из них с тоски даже начинали бросать нервные взгляды в сторону Кэсси, но никто, ни один из них не обиделся и не позволил себе никакой грубости. Может, Диана действительно настолько сильна, что способна противостоять Фэй?

Наконец, когда до звонка оставалось всего ничего, популярная девушка вырвалась из лап толпы и вместе с Кэсси вошла в кабинет английского. Не подумайте, что она просто вошла и вышла: нет, она устроилась за соседней с Кэсси партой, не обращая ровно никакого внимания на то, что все на них пялятся.

- Мы обязательно на этой неделе повторим вечеринку с пиццей, - говорила Диана очень отчетливо, так, чтобы все слышали. - Да, и знаешь, мы с Лорел придумали, как лучше обставить твою комнату, если ты все еще готова к переменам. Лорел у нас очень творческая личность. Кроме того, я настаиваю, чтобы ты записалась на углубленный курс новейшей истории: наш преподаватель - мисс Ланнинг - это что-то...

Она продолжала в том же духе, будто в классе, кроме нее и Кэсси, никого не было, а «младшая сестра» тем временем негодовала: какие мерзавцы! Они, которые еще несколько дней назад поворачивались к ней спиной и пересаживались подальше, сидели теперь как макаки, развесив уши, и жадно внимали речам Дианы, кивая с таким умным видом, будто эти речи предназначались лично им.

- Ну хорошо, мне надо идти. Встретимся на ланче в одиннадцать, - сказала Диана и поднялась.

- А где... где у вас ланч проходит? - спросила Кэсси, чувствуя, как приступ паники расправляет свои злобные когти: только сейчас она поняла, что ни разу не видела ни Диану, ни Лорел, ни Мелани во время ланча.

- Ах, прости, в самом конце столовой, за стеклянной дверью. Мы называем это место задней комнатой; ты сразу увидишь ее, не промахнешься, - ласково добавила Диана.

Почему-то все присутствующие сделали огромные глаза. Диана не успела еще отойти от парты, как одна из соучениц уже интересовалась у Кэсси-счастливицы с плохо скрываемой завистью:

- Она позвала тебя в заднюю комнату?

- Похоже на то, - рассеянно ответила девушка, наблюдая, как Диана идет по классу в сторону выхода.

- Но... - любопытные варвары еще раз многозначительно переглянулись, - разве ты в клубе? - спросила, наконец, одна из них.

Кэсси почувствовала себя неудобно.

- Нет, не в клубе. Я просто дружу с Дианой.

Общий шок, легкая заминка, и сбитые с толку, но впечатленные товарки расселись по своим местам.

Кэсси почти не заметила этой глупой суеты: все ее внимание сосредоточилось на двери, а именно на девушке, возникшей на пути Дианы.

Фэй, а это, конечно, была она, сегодня тоже выглядела необыкновенно: черные пышные волосы блестели, бледная кожа светилась, губы, благодаря новому оттенку ягодно-красной помады, выглядели еще чувственнее, чем обычно, красный джемпер не давал ни одному изгибу тела остаться незамеченным.

Она остановилась в дверях, так перекрыв своими богатствами проход, что им с Дианой

поневоле пришлось зависнуть в дверном проеме и окинуть друг друга долгим оценивающим взглядом: золото в изумруд и обратно. Не было сказано ни слова, но воздух так и потрескивал от электрических разрядов: Кэсси ощущала почти на физическом уровне, как две силы боролись за господство. В конечном итоге Фэй первой отодвинулась, чтобы дать Диане пройти, но сопровождала это благое деяние легким шоу в виде презрительно-саркастического жеста и только для одних ушей брошенной фразой.

- Что она ей сказала? - теперь с любым вопросом, касающимся Дианы, обращались к Кэсси.

- Я не расслышала, - ответила новоиспеченная фаворитка.

Однако она соврала: расслышала, просто не поняла. Фэй сказала своей двоюродной сестре следующее: «Выиграешь битву, войну проиграешь».

Кэсси так и не поняла, кем надо было быть, чтобы не заметить «заднюю комнату». Зато она поняла, почему у Дианы не было ни малейшего шанса заметить ее - незнакомую, новенькую, и, к тому же, непробивную: у входа в заднюю комнату стояла толпа. Одни школьники торчали здесь в надежде, что их когда-нибудь отметят и пригласят войти, другие просто на всякий случай ошивались рядом. Все они создавали естественную ширму, через которую сидящим внутри довольно сложно было рассмотреть то, что происходит снаружи, да и особой нужды в этом у них не было.

Задняя комната пользовалась таким спросом по понятным причинам: на стене висел телевизор, правда, довольно бессмысленный из-за царящего тут шума и гама, но все-таки, имелась микроволновка и стоял вполне приличный автомат с соками. Заходя в комнату вместе с Дианой, Кэсси почувствовала, что ее спину обшаривают взгляды. Не те, что раньше, а новые гадкие взгляды зависти.

Мелани и Лорел уже сидели внутри за столом вместе с Шоном, скользким коротышкой, насоветовавшим ей пойти к директору, и парнем с взъерошенными волосами и слегка раскосыми зелено-голубыми глазами - «о Господи, это же один из братьев Хендерсонов». Кэсси собрала всю смелость в кулак, когда Диана, кивнув в его сторону, сказала:

- Это у нас Кристофер Хендерсон. Крис, поздоровайся, это Кэсси. Ты перегонял ее белого «Кролика».

Блондин повернулся и уставился на них, защищаясь, как будто его несправедливо обогнали.

- Не трогал я его. Я его в глаза не видел, поняли? Я вообще был в это время в совсем другом месте!

Диана с Мелани обменялись терпеливыми взглядами педагогов, работающих с трудными подростками.

- Крис, - мягко спросила Диана, - ты о чем?

- Я о кролике этой цыпочки. Не брал я его. Я вообще не большой охотник до маленьких пушистых зверьков. Это наши братья меньшие, ясно?

Диана некоторое время смотрела на него и потом покачала головой.

- Лучше ешь, Крис. Проехали.

И Крис нахмурился, пожал плечами и вернулся к прерванному разговору с Шоном:

- Так вот, эти новички - «Холера» - выпустили альбом...

- Но кто-то же перегнал мою машину, - решила осторожно уточнить Кэсси.

- Он и перегнал, - подтвердила Лорел, - просто у него плохая память на реальные события, зато в музыке разбирается как бог.

Кэсси заметила, что Шон в этом окружении вел себя совершенно иначе, чем в тот неприятно-памятный день у шкафчиков. Он любезничал, жаждал всем угодить и постоянно предлагал что-нибудь девушкам, а те, в свою очередь, общались с ним, как со слегка доставшим младшим братом. Только он, Кэсси и Лорел были на год младше остальных.

Через несколько минут после начала ланча в дверном проеме появилась светло-рыжая головка и обшарила комнату шустрым взглядом.

- Дебору оставили после урока, Фэй чем-то занята, поэтому я буду есть с вами, -

объявила Сюзан.

Диана удостоила ее легкого кивка и невозмутимо произнесла:

- Хорошо, - а затем добавила: - Сюзан, это моя подруга Кэсси. Кэсси, это Сюзан Уиттнер.

- Привет, - поздоровалась Кэсси, стараясь придать голосу непринужденность.

В воздухе почувствовалось легкое напряжение, но через несколько секунд Сюзан томно закатила свои ярко-синие с зеленоватым оттенком глаза, сказала «Привет», села и принялась методично доставать еду из пакета.

Кэсси перевела взгляд с Сюзан на Лорел, с Лорел на Диану: брови ее изогнулись в немом вопросе.

Вопрос так и остался без ответа. Неожиданно послышался легкий треск пластиковой упаковки, и Лорел пронзительно завизжала.

- Кошмар! Сюзан! Как ты можешь это есть?! Ты хоть знаешь, из чего они сделаны? Говяжий жир, свиное сало, пальмовое масло, а остальное - чистый рафинад...

Чтобы не засмеяться, Диана прикусила нижнюю губу; Кэсси же не удалось справиться с эмоциями, поэтому она затряслась от смеха, сначала молчаливого, а потом и громкого. В итоге старшая подруга тоже не выдержала и захохотала вместе с ней - громко и звонко.

Присутствующие смотрели на девушек с легким недоумением.

Насмевшись вдоволь, Кэсси спрятала блаженную улыбку за сэндвичем с тунцом. Что тут скажешь - она была счастлива. После стольких недель одиночества она нашла, наконец, место, где чувствовала себя хорошо. И подругу, названую сестру, которая ее понимала. Это была ее первая личная победа.

9

В эту пятницу Кори обедала вместе со старшими в задней комнате. Она благоговела перед «взрослыми», и даже к Кэсси, по незнанию, отнеслась уважительно, что было чертовски приятно. А вот об уважительном отношении со стороны Сюзан или Деборы говорить не приходилось. Светло-рыженькая в упор не замечала Кэсси, пока ей не нужно было что-нибудь взять или отдать, а байкерша, напротив, замечала ее слишком часто, лучше бы пореже, и, замечая, не сводила с девушки угрюмых глаз. С тех пор, как Кэсси стала обедать в задней комнате, Дебора и Даг - второй брат-близнец - появились там лишь раз, и все время провели в споре о какой-то хэви-метал группе. Ни Фэй, ни Ник - темноволосый холодный красавец, вырвавшийся из Кэссин рюкзака, - за целую неделю так туда и не наведались.

Как ни странно, Кори Хендерсон оказалась чудесной девочкой. Поскольку теперь Кэсси знала ее фамилию, она находила в ней черты Криса и Дага: те же светлые волосы и зелено-голубые раскосые глаза, эффектно подчеркнутые кулоном и кольцом с бирюзой, которые девочка носила, не снимая. Похожа, но не очень - не бешеная, как ее безумные братцы. Она казалась обычной приветливой девочкой, которой вот-вот стукнет пятнадцать.

- Я так долго ждала этого момента, что вот он почти настал, а мне даже не верится! - захлебываясь от восторга, рассказывала она ближе к концу обеда. - Только представьте, в следующий вторник мне исполнится ПЯТ-НАД-ЦАТЬ! Папа разрешил даже вечеринку на пляже устроить... ну, во всяком случае, он не запретил... и я хочу сделать нечто совсем особенное, ни на что не похожее, ведь это еще и наш праздник... - она вдруг резко смолкла. Кэсси проследила за тем, куда посмотрели виноватые глаза девочки, и увидела, как Диана почти незаметно, легонечко с неодобрением покачала головой.

«Разве Кори сказала что-то не то?» - удивилась Кэсси. А затем ее осенило: она впервые слышит про вечеринку, хотя чувствуется, что остальные давно о ней знают. Значит, ее не зовут.

- И что, эээ, как ты думаешь, Адам успеет вовремя к... к... ну, я имею в виду, ты не знаешь, когда Адам вернется? - запинаясь, пролепетала Кори.

- Не знаю. Очень надеюсь, что скоро, но... - Диана пожала плечами. - Разве можно что-то загадывать?

- Кто такой Адам? - спросила Кэсси, твердо решив ни за что не показывать, что ей безумно хочется побольше узнать про вечеринку.

- Ты хочешь сказать, что она тебе еще не рассказала про Адама?! Диана, твоя скромность не знает границ, - недоверчиво произнесла Мелани.

Щеки Дианы залились краской.

- Как-то речь не заходила... - начала она, но Лорел с Мелани заулюлюкали.

Кэсси поразились: она и не представляла, что Диану можно смутить.

- Нет, правда, - сказала она. - Кто он? Твой парень?

- Да... всего каких-нибудь последних шестнадцать лет, - сказала Лорел. - Они вместе с пленок.

- А где он сейчас? В колледже? Какой он?

- Нет, он... навещает кое-каких людей, - сказала Диана. - Он старшеклассник, просто еще не вернулся из поездки и поэтому пока не появился в школе. А насчет того, какой он... ну, он милый. Он тебе понравится, - Диана улыбнулась.

Кэсси посмотрела на Лорел в надежде услышать больше. Лорел помахала в воздухе кусочком цуккини, нанизанным на вилку:

- Адам...

Кори подхватила:

- Да, он...

Даже Мелани не нашла подходящих слов.

- Его надо видеть, - просто сказала она.

Это интриговало.

- А у тебя есть его фотография? - спросила девушка златокудрую подругу.

- Представь себе, нет, - ответила та и, увидев разочарованное лицо Кэсси, решила пояснить. - Понимаешь, у нас в округе бытует множество глупых суеверий, в том числе одно, касающееся фотографий: тут их не жалуют. Поэтому мы почти не фотографируемся.

Кэсси попыталась притвориться, что считает такую точку зрения совершенно нормальной и даже, более того, широко распространенной. «Боже, да они просто аборигены какие-то! - изумлялась она. - Неужели они всерьез полагают, что фотик может украсть чью-то душу?! И это в конце двадцатого века!»

- Но, знаешь, он симпатичный, - пылко заявила Кори.

Сюзан, до этого увлеченная поглощением ланча, оторвалась от тарелки и чувственно провозгласила:

- А какое тело!

- А какие глаза! - продолжила Лорел.

- Девочки, можно потактичнее, - улыбаясь, проговорила Мелани. - Вы так Диану с ума сведете еще до его возвращения.

- Может, пусть сводят, может, тогда и у других шанс появится, - высунулся Шон.

Девушки обменялись снисходительными взглядами.

- Шонушка, только когда рак на горе свистнет, - предположила Лорел.

Но, будучи по природе своей девушкой доброй, произнесла это довольно тихо.

Мелани весело объясняла Кэсси:

- Адам и Диана вообще не замечают других особей противоположного пола; им никто, кроме друг друга, не нужен. Например, долгое время Адам считал нас мальчиками.

- Что в случае с Сюзан потребовало очень богатого воображения, - вставила Лорел.

Сюзан фыркнула и бросила презрительный взгляд на плоскую грудь Лорел:

- А в некоторых других случаях не потребовал вообще никакого.

- А ты, Кэсси? - прервала начинающуюся ссору Диана. - Там, в Калифорнии, ты с кем-нибудь встречалась?

- Не особенно, - ответила героиня. - Хотя, этим летом мне понравился один парень. Он

был... - Она остановилась, не хотела рассказывать о нем при Сюзан. - Он был... ничего такой. А как прошло свидание Фэй с Джеффри? - внезапно спросила она у рыженькой.

Во взгляде Сюзан читалось, что так легко ее не проведешь, но поболтать хотелось, поэтому, усмехнувшись, она ответила:

- Рыбка попалась на крючок. Теперь все, что требуется от рыбака - это смотать леску.

Потом раздался звонок, и разговор о парнях и свиданиях пришлось прекратить. Но еще целый день видела Кэсси в глазах Дианы особенное выражение: нежное и мечтательно-тоскующее.

После уроков «приемные сестры» вместе возвращались в Воронью Слободку. Проезжая дом Хендерсонов, самый запущенный из всех в округе, Кэсси отметила, что Диана нервно покусывает нижнюю губу.

Младшей показалось, что ей известна причина беспокойства подруги.

- Я не расстраиваюсь из-за вечеринки Кори, - тихонечко произнесла она, и Диана посмотрела на нее с удивлением. - Нет, правда, - настаивала Кэсси. - Я ведь ее почти не знаю. До сегодняшнего ланча я ее видела всего только раз - тогда, на лестнице, когда все случилось. Она еще с Фэй разговаривала. Что тебя так взволновало? - быстро переспросила она, увидев, что лицо Дианы вытянулось еще больше.

- В тот день, на ступеньках, Кори обедала с Фэй и компанией?!

Да... Она пришла позже, когда девицы уже заканчивали трапезу. И пришла не одна, а с кучей народа, но только ей Фэй разрешила остаться. Она сказала, что...

- Что именно сказала Фэй? - голос Дианы опять прозвучал обеспокоенно.

- Она сказала: «Я думала, ты опять будешь обедать в столовой вместе с прочими паиньками», - про мисс Святость Кэсси решила не упоминать.

- Хм. И что Кори ей на это ответила?

Кэсси стало неудобно.

- Она сказала, что от переизбытка доброты тоже можно заскучать. Однако долго она с ними не просидела. Мне показалось, что Фэй и Сюзан пытались сконфузить ее.

- Ммм, - протянула Диана.

Она снова начала покусывать губу.

- Короче говоря, - продолжила Кэсси, - я ничуть не переживаю, что меня не пригласили на вечеринку, но как ты думаешь... у меня есть хоть малюсенький шанс когда-нибудь стать членом клуба?

Зеленые глаза Дианы немножечко расширились:

- Кэсси, малышка. Зачем тебе это? Ты же не хочешь быть в клубе, - произнесла она.

- Да, раньше я действительно так говорила, потому что не знала. Но ведь ты сама сказала мне не судить о клубе по Фэй, вот я и не сужу. Мне нравишься ты, мне нравится Мелани, и Лорел, и Кори - и даже Сюзан сгодится для сельской местности. Да даже Крис Хендерсон, похоже, ничего себе. Поэтому я подумала, может быть... - ее речь плавно сошла на нет, она опять разнервничалась.

- Я о другом, - ответила Диана. - Ты говорила, что при малейшей возможности вернешься домой в Калифорнию. Разве это не так? Говорила, что хочешь поступать там в колледж.

- Возможно, со временем, но сейчас... - Кэсси действительно так говорила в первый вечер у Дианы дома. Но с тех пор столько воды утекло! - А как это связано со вступлением в клуб? - спросила она. - Это же не на всю жизнь!

Диана не отрывала глаз от дороги.

- Так сразу не объяснишь, - мягко проговорила она. - К тому же, боюсь, членство в клубе некоторым образом ограничено.

Неожиданно Кэсси вспомнила, что сказала в тот день Дебора после того, как Кори, смутившись, убежала от взрослых девиц. «Одно свободное место - один кандидат». Ну, конечно, Кори - часть этой жизни, она здесь выросла, Крис и Даг - ее братья. Она не пришла абы кто, взятая в круг исключительно по воле Дианы и существующая здесь на птичьих

правах, не щенок, подобранный на улице.

- Я понимаю, - выдавила из себя Кэсси.

Она пыталась сделать вид, что все нормально, что ей безразлично, попадет она в клуб или нет. Но у нее не получалось.

- Нет, ты не понимаешь, - пробормотала Диана. - Но это и к лучшему. К лучшему, поверь мне, Кэсси.

- Ну что ж такое! - воскликнула Диана. - Забыла скотч. Наверное, закатился под сиденье в машине. Подожди меня здесь, я только до машины и обратно. - Она развернулась и поспешила к парковке.

Этим утром они приехали в школу пораньше. На кануне Диана с Лорел нарисовали здоровенный плакат, возвещавший «С Днем Рождения, Кори!», который они намеревались повесить над главным входом. Кэсси предложила свою помощь: ей показалось, что такой поступок будет воспринят как благородный самоотверженный, учитывая тот факт, что на вечеринку ее так и не пригласили. К тому же, так она планировала продемонстрировать полнейшее безразличие к происходящему.

В ожидании Дианы девушка рассматривала здание школы, до смерти напугавшее ее всего две недели назад.

Какие-то две недели, а сколько событий. Первая неделя прошла как в тумане: она вдруг стала изгоем прокаженной, той, с которой и заговорить-то стран но, вдруг Фэй разгневается! Зато вторая...

«Диана, - размышляла Кэсси, - влияет на судьбы людей не с помощью страха. Она действует более тонко - через любовь». Звучало это смешно и приторно, зато отражало правду. Все - и стар и млад - любили Диану, и многие пошли бы за нее в огонь и в воду. Став названной сестрой Дианы, Кэсси тут же оказалась в положении, какого никогда на свете не достигла бы сама. Теперь она входила в «сливки» школы, и, хотя формально частью этих сливок не являлась, знали-то об этом только свои.

«Ты почти одна из нас», - вспомнила она слова Фэй, обращенные к Кори.

Итак, сегодня у Кори день рождения, значит, сегодня пятнадцатилетняя девочка станет одной из них. Не почти, а полностью. Сегодня Кори вступит в клуб.

А Кэсси это не светит. Никогда.

Героиня съезжилась, пытаясь гнать от себя противные мысли, но они не уходили. Ей стало зябко. Чтобы унять озноб, она обхватила себя руками. Девушка, приехавшая из теплой Калифорнии, не привыкла к позднесентябрьской прохладе. Все выходные напролет Лорел с Мелани только и говорили, что об осеннем равноденствии, которое тоже выпало на сегодня. Мелани объяснила Кэсси, что равноденствие - это когда день длится столько же, сколько ночь. И что этот праздник символизирует приход осени. Интересно, что природа может распоряжаться своими состояниями: хочет, становится холодной, хочет - расцветает. Все вокруг только и говорили о том, что скоро листва начнет менять цвет.

Мелани с Лорел замучили разговорами о равноденствии. Оно казалось им таким важным, а почему, Кэсси не понимала. Очередная загадка Нью-Салема. Еще немного, и вся эта мистика сведет ее с ума.

Она снова вспомнила о холоде и принялась расхаживать взад-вперед, потирая руки.

Перед ней простирался холм. Подпрыгивая на цыпочках, чтобы согреться, героиня доскакала до верхних ступенек лестницы. Стояло ясное, холодное утро, пестрящее цветами осени, перемешанными с буйной зеленью уходящего лета. Кустарник, росший по другую сторону тропинки, - как там его называла Лорел? Сумах? Так вот, этот сумах стал красным. И сахарный клен уже начал покрываться золотым напылением. А внизу, у подножия холма, листья алели еще больше...

Кэсси нахмурилась, забыв даже потереть руки. Что-то насторожило ее: она сделала несколько шагов вперед, наклонилась, всматриваясь. Красный цвет у основания лестницы выглядел чересчур красным, даже слишком. Разве листья бывают такими яркими? Что-то было не так.

Дрожь не унималась. Господи, как же холодно! Что бы это ни было, оно наполовину прикрыто кустами, и это не растение. Скорее свитер или что-то в этом роде.

Кэсси подумала, что на влажной земле свитер может отсыреть и сгнить: безалаберный владелец вряд ли обрадуется.

Она сделала еще шаг вперед: может, это и не свитер никакой, а выброшенная за ненадобностью куча рванья.

Но на рваньё куча не походила - у объекта имелась форма: Кэсси показалось, что она разглядела рукав. В целом, красный сгусток напоминал даже не свитер, а ворох одежды. Вон там, вроде бы, джинсы торчат.

Внезапно у Кэсси дух перехватило.

Странно... очень странно, на секунду ей почудилось, будто это человек. Но зачем лежать на холодной сырой земле? Ведь так и замерзнуть недолго...

Она неслась вниз по лестнице.

Глупо... чем ниже она спускалась, тем больше объект напоминал человека.

«Вот ноги. Желтое - это, наверное, волосы. Возможно, он уснул, но кому придет в голову спать вот так, у дороги? Конечно, из-за травы и прочей растительности не то чтобы очень видно, но...»

Она почти уже добежала, как вдруг, в одну секунду, все замедлилось, все, кроме ее лихорадочно мелькающих мыслей.

«Слава тебе Господи! Не человек - просто чучело, похожее на хеллоуинских мертвецов, которых вставляют перед домом, чтобы попугать народ. Вон как оно изогнулось... человек так не может, сколько ни старайся, а шея выглядит так же, как у куклы из моего шкафчика. Будто кто-то вырвал ее из туловища».

Тело Кэсси вело себя странным образом: грудь подымалась, поджилки тряслись, дрожь в коленных чашечках мешала стоять на ногах. Она чувствовала себя на грани обморока.

Какое счастье, что это не человек!... Но, подождите, разве у чучел бывают такие руки?... С розовым маникюром... Разве чучела носят кольца с бирюзой?

Где-то она видела это кольцо. Посмотри внимательнее - нет, нет, не смотри, не надо!... Но она уже рассмотрела: рука, негнущаяся, будто обледеневшая, принадлежала человеку. А кольцо принадлежало Кори Хендерсон.

Только добежав до середины лестницы, Кэсси услышала собственный крик. Она неслась вверх и отчаянно вопила:

«На помощь! На помощь! На помощь! Из горла вырывалось лишь жалкое повизгивание; немудрено, что зов ее оставался без ответа. Все происходило, как в классическом кошмаре, где, ори не ори, никто не придет, ведь голосовые связки твои парализованы ужасом.

И все-таки ее слышали. С вершины холма к Кэсси неслась Диана: она обняла бедняжку за плечи.

- Что? Что стряслось?

- Кори! - выдавила Кэсси задушенным голосом. Она еле говорила: - Диана, помоги Кори! Она ранена! С ней приключилась какая-то неприятность...

Она прекрасно понимала, что с Кори случилось нечто намного более ужасное, чем неприятность, но не могла выговорить нужные слова.

- Пожалуйста, помоги ей!

- Где? - резко спросила Диана.

- Там внизу. У подножия холма. Не ходи туда! - Кэсси сбивалась; ее предложения тоже не блистали логикой.

Господи, она полностью потеряла самообладание, и ничего не могла с этим поделать. Она только знала, что нельзя бросать Диану, нельзя оставлять ее одну - наедине с этим.

Златовласка молнией слетела по ступенькам вниз. Кэсси на трясущихся ногах последовала за ней. Она увидела, как старшая подруга подошла к месту трагедии и нагнулась.

- Она... - Кэсси сжала кулаки.

Диана выпрямилась. Ее жесткая напряженная поза говорила сама за себя.

- Она холодная. Она мертва.

Затем старшая девушка обернулась: лицо ее побелело, зеленые глаза горели. Что-то в выражении ее лица странным образом придало Кэсси сил, и она, спотыкаясь, спустилась по оставшимся ступенькам, бросилась к Диане и обняла ее.

Диана дрожала; не удивительно - Кори была ее подругой, не Кэссиной.

- Все будет хорошо. Все будет хорошо, - бессмысленно твердила Кэсси.

Хорошо уже не будет, никогда. А в голове ее снова и снова звучали слова:

«Когда-нибудь они найдут кого-нибудь из вас у подножия этой лестницы со сломанной шеей». «Когда-нибудь они найдут кого-нибудь из вас...»

И действительно, шея Кори была сломана.

К такому заключению пришел судмедэксперт. Тот день прошел как в тумане. Появились взрослые и занялись делами: представители школы, полиция, врачи задавали вопросы, помечали что-то в своих блокнотах. Все это время школьники стояли в сторонке и молча наблюдали за происходящим. Они не принимали участия в действиях взрослых; у них у самих накопилась куча вопросов.

- Чего мы ждем? Почему мы просто не схватим ее? - выпытывала Дебора у собравшихся в задней комнате в момент, когда Кэсси вошла туда.

Время было неурочное: в этот день правил не существовало.

- Мы все слышали, как она произнесла эту фразу, - продолжала Дебора, - Сюзан, Фэй, я, даже она это слышала, - сказала злюка, указывая на Кэсси, пытающуюся негнуцимися руками достать из автомата банку сока. - Сучка сказала, что сделает, и сделала! Так чего же мы ждем?!

- Правды, - спокойно и холодно ответила Мелани.

- От них?! От чужаков?! Ты шутишь. Они никогда не признаются, что это сделала Салли. Полиция говорит, что это несчастный случай. Несчастный случай!

«Отсутствуют следы борьбы, - говорят они, - она поскользнулась на мокрых ступенях».

А знаешь, что говорят те, другие? Они говорят, что это сделал один из нас!

Лорел оторвалась от кипятка, которым она заливала очередной травяной сбор. Кончик ее носа порозовел от слез.

- Может, это и вправду сделал кто-то из нас, - произнесла она.

- И кто, например? - вспыхнула Дебора.

- Например, тот, кто не хотел, чтобы Кори вошла в Клуб. Тот, кто опасался, что она примет не ту сторону, - предположила Лорел.

- И всем нам хорошо известно, какая именно сторона этого опасалась, - заявил новый голос, услышав который Кэсси так дернулась, что чуть не уронила сок.

Это явилась Фэй собственной персоной. Кэсси никогда еще не видела ее в задней комнате, но вот она пришла, золотые глазищи полуприкрыты, в них медленно тлеет огонь.

- Ну, стороне Дианы нечего было беспокоиться, - заявила Лорел. - Кори боготворила Диану.

- Да что ты говоришь! Почему же тогда всю прошлую неделю она обедала со мной? - спросила Фэй хрипловатым голосом.

Лорел уставилась на Фэй в изумлении, она колебалась. Но уже через несколько секунд лицо ее прояснилось, и она покачала головой.

- Мне безразлично, с кем и когда она обедала; ты никогда не заставишь меня поверить в то, что Диана смогла бы причинить вред Кори.

- Она права, - к удивлению Кэсси встряла Сюзан. - Диана не смогла бы.

- К тому же, мы знаем, кто смог, - резко подытожила Дебора. - Это Салли... или ее парень-придурак. Мы должны их схватить - немедленно!

- Я согласен, - поддержал Дебору Шон.

Лорел посмотрела сначала на него, потом на Дебору, затем на Фэй.

- А ты что думаешь, Мелани? - наконец спросила она.

Голос Мелани оставался по-прежнему холодным и отстраненным.

- Я думаю, что нужно провести собрание, - ответила мудрая.

Шон быстро кивнул.

- Я - за!

В этот момент в комнату зашла Диана, за ней брели близнецы Хендерсоны. Оба выглядели опустошенными и сбитыми с толку, будто бы не могли понять, как такое могло с ними случиться. Глаза Криса покраснели.

При виде братьев все подобралось, и они уселись за стол в полнейшей тишине. Затем Фэй повернулась к Диане; ее золотые глаза сверкали, как золотые языки пламени.

- Сядь, - решительно сказала она. - Нам нужно поговорить.

- Да, - тихо согласилась Диана.

Она села, Фэй последовала ее примеру, Лорел, поставив две чашки с горячим живительным отваром перед близнецами, сделала то же самое. Дебора дернула стул и резко опустилась на него. Сюзан с Мелани этого делать не пришлось - они и так сидели.

Все повернулись к Кэсси.

Их лица казались такими странными - чужими, неузнаваемыми: светлый эльфийский лик Лорел не лучился; холодные глаза Мелани стали еще отрешеннее обычного; выпяченные губы Сюзан плотно сжались; Дебора еле сдерживала ярость. Даже привычно вороватое выражение Шона выражало беспрецедентное достоинство. Диана выглядела бледной и мрачной.

Стеклянные двери отворились, и вошел Ник. Лицо его, как обычно, ничего не выражало и походило на холодный красивый камень. Он прошел в глубь комнаты и сел рядом с Дагом.

Кэсси стояла посреди холодной пустыни отчужденности. Она смотрела на них, членов клуба, а они - на нее, лишнюю. Какие тут слова! Она развернулась и вышла.

10

Кэсси шла, не разбирая дороги. В школе попытались продолжить занятия, но никто даже не думал идти на уроки: ученики бродили по коридорам, слонялись вверх и вниз по лестницам, толпились у главного входа. С удивлением обнаружив, который час, Кэсси решила сходить на урок теоретической физики. Она могла бы спокойно позвонить маме или просто пойти домой, но сперва нужно было прийти в себя - в таком виде показываться на глаза матери не хотелось.

На физике девушка делала бессмысленные записи, чувствуя на себе бесчисленные взгляды. У нее возникло странное ощущение, будто бы не было этих двух недель, будто бы она опять там - в том жутком мирке, где Фэй внесла ее в свой черный список. Однако на перемене она почувствовала разницу: люди беспрестанно подходили к ней и робко шептали: «Ты в порядке?» или «Ну как ты?» Видно было, что их не очень-то тянет это делать, но они отчего-то считают, что должны. После уроков такие визиты вежливости участились: школьники подходили уже группками по двое и по трое, чтобы сказать, например, следующее: «Нам очень жаль» или «Мы хотим, чтобы ты знала - нам тоже будет ее не хватать».

Вдруг она все поняла и чуть было не рассмеялась, так иронична и неприглядна оказалась истина. Они выражали ей свои соболезнования! Не лично ей - клубу: для них она олицетворяла клуб. Все эти не-пришей-кобыле-хвосты тянулись к ней, не понимая, что она такая же чужая в клубе, как и они.

Когда подошла очередная соболезновательница, оказавшаяся чирлидершей 12 и сказала: «Представляю, как тебе, наверное, тяжело!», - Кэсси сорвалась.

- Да я даже не знала ее, - завопила она. - Я разговаривала с ней только один раз в жизни!

Чирлидерша поспешно отвалила. После этого поток соболезнований прекратился.

До дому Кэсси довезла преподаватель истории мисс Ланнинг. Девушка отмахнулась от маминых встревоженных расспросов - очевидно, из школы позвонили и обрисовали ситуацию - и вышла на улицу. По утесу она спустилась на пляж, раскинувшийся прямо под домом бабушки.

Океан еще никогда не смотрел на нее так хмуро: он был насыщенно гудронового цвета, как ртуть в термометре. День, начавшийся так ярко, безжалостно поник, и по мере того, как Кэсси отмеряла его шагами, он становился все мрачнее и мрачнее. А Кэсси все ходила и ходила.

Пляж представлялся ей одним из бонусов здешней жизни, но какой сейчас от него был толк? Она бродила по нему в одиночестве.

В груди все ныло от страшных событий уходящего дня; чувства пытались вырваться наружу, но не могли, и облегчение не наступало.

Кэсси думала, что быть изгоем - худшая из бед. Но оказалось, что есть кое-что похуже: ужасно осознавать, что ты частично вхожа в круг, но никогда не сможешь стать его полноправным членом. Она понимала, что думать о таких глупостях после смерти Кори бессердечно, но ничего не могла с собою поделать. Смятение и боль боролись в ее душе за господство, и она почти завидовала погибшей Кори. Даже мертвая, Кори оставалась полноправной частью, членом сообщества, к которому Кэсси так стремилась. Даже у мертвой девочки было там свое место.

А живая чувствовала себя страшно, безмерно одинокой.

Небо стало темно-серым; бескрайний океан, всегда, как в зеркале, отражающий своего соседа сверху, - почти черным. Глядя на водную гладь, Кэсси ощутила странное и пугающее притяжение: если она зайдет в воду и пойдет - все дальше и дальше...

«Прекрати! - подумала она разгневанно. - Соберись, тряпка».

Легко сказать!...

«Хорошо, иди, тогда ты действительно окажешься в одиночестве. Одна на веки вечные, в крошечной темноте. Заманчиво, Кэсси?»

Дрожа как осиновый листок, девушка вырвалась из лап перешептывающихся серых волн. В холодной воде ее ноги онемели и замерзли - пальцы превратились в ледышки. Спотыкаясь, она забралась вверх по узкой и тернистой тропинке.

Этой ночью героиня занавесила все окна, чтобы не видеть темноту и океан за окном. Сердце сжималось от страшной тоски: она открыла шкатулку с бижутерией и достала из нее кусок халцедона.

«Долго же я не прикасалась к твоему подарку. Но о тебе я думала. Что бы я ни делала, где бы ни находилась, я всегда думала о тебе. И... ах, как бы я хотела...»

Она закрыла глаза и приложила камень к губам... опять это блаженство! Она ощутила знакомую шероховатость кристалла, его прохладу, смешивающуюся с теплом ее тела. Дыхание участилось, и на глаза навернулись слезы восторга.

«Я знаю, в один прекрасный день...» - мечтала она.

Рот исказила гримаса боли, грудь раздирали новая волна - волна гнева и разочарования. Камень полетел через всю комнату, ударился о стену и с резким стуком упал на пол.

«Не настанет никакой прекрасный день! - орал жестокий голос внутри нее. - Перестань обманывать себя. Ты больше никогда его не увидишь!»

Она лежала на кровати, уставившись воспаленным взором в тускло освещенную ночником стену напротив. Плакать она не могла: все ее слезы высохли, а душа была истерзана.

Кэсси снился океан - темный и бескрайний. Она находилась на корабле, слышала скрип палубных досок. Они попали в беду: их корабль садился на мель. И что-то было утеряно... утеряно...

Она внезапно проснулась. Что за шум? Она прислушалась - тишина. Глаза сражались с ночью, слепо вонзаясь в нее; ночник почему-то погас.

Почему ей раньше не пришло в голову, что есть причины для страха? Что с ней вообще творилось этим вечером? Пошла на пляж, одна, ни секунды не подумав о том, что человек, убивший Кори, может наблюдать, поджидать... ее...

«Несчастный случай», - вспомнила она: все чувства напряглись и насторожились. Взрослые сказали, что бедняжке Кори просто не повезло.

«Несчастный случай», - сказали они.

Но сердце не обманешь: оно испуганно и отчаянно грохотало. Кэсси показалось, что она видит мерцание в ночи. И она ощутила...

...чье-то присутствие. Будто рядом стояла тень. О Господи, она чувствовала ее, улавливала движение воздуха, ощущала дыхание холода. Что-то затаилось в ее спальне.

Глаза девушки тщились разглядеть неприятеля в крошечной тьме, ее тело тряслось от напряжения. Как бы дико это ни звучало, но она решила, что, если не будет двигаться и шуметь, нечто ее не обнаружит.

Но Кэсси недооценила противника.

Она услышала шаркающий звук - еле уловимое движение, затем отчетливый скрип половиц: что-то двигалось в ее сторону. Кэсси стало дурно: она набрала полную грудь воздуха и собралась кричать, но тут нечто метнулось и закрыло ей рот.

Тут же картинка изменилась: раньше на ней царила неподвижность, теперь - хаос. Героиня отбивалась, но только зря тратила силы: ее схватили и крепко держали.

Ее крутили и крутили. Завернули в простыню: теперь она вообще не могла пошевелиться. Она попробовала драться - руки оказались перевязанными тканью; попыталась лягнуть - ноги тоже оказались связанными. Ей не оставили ни единого шанса.

Она почувствовала, что ее поднимают. Попытавшись закричать, она чуть не задохнулась, потому что ей что-то надели на голову.

И все это - в полнейшей, не прерываемой ни единым шорохом тишине. То, что захватило Кэсси, действовало бесшумно, как призрак; и из нее решило сделать призрака - завернуло в саван. В голове девушки рождались дикие мысли - но какая жизнь, такие и мысли...

Нечто вынесло ее из спальни, направилось вниз по лестнице и прочь из дома. Кэсси поняла - нечто собирается ее похоронить.

Еще вечером она завидовала Кори; что же, теперь она к ней присоединится. Нечто закопает ее в землю или утопит в океане. Она билась в своем саване, как рыба об лед, но ткань делала тщетными любые попытки самообороны.

Ей никогда не было так страшно. Правда, вскоре и эта эмоция поостыла. Больше всего ее битва походила на бессмысленное сражение, в котором противником выступает смиренная рубашка. Девушка лишь выбилась из сил... И перегрелась. Ей стало жарко, она задыхалась... побольше б воздуха...

Тяжело дыша, Кэсси обмякла: следующие несколько минут она посвятила напитке легких и мозга кислородом. Затем смогла заставить себя возобновить мыслительный процесс.

Ее несли несколько человек - в этом можно было не сомневаться. Ее конечности были не только перевязаны тканью, их еще и держали руками.

Человеческими? Или... Сознание Кэсси наводнилось образами, в основном, позаимствованными из фильмов ужасов: руки скелетов, едва прикрытые ломтями разлагающейся плоти; смуглые ручки с мертвенно-синюшными ногтями; обезображенные пятерни, клешни из могил...

«Боже мой, за что?... Я так с ума сойду. Пожалуйста, останови это или я умру. Лучше умереть, чем когда так страшно».

Но умереть оказалось не так-то просто. Бог не остановил этот ужас, и пытка неизвестностью продолжилась. Кэсси очень хотела бы верить, что видит кошмарный сон, но

она прекрасно знала, что не спит. И что, сколько бы ни молилась, не проснется.

Вдруг все остановилось.

Ее больше не несли - просто держали. Затем наклонили... она забрыкалась и коснулась ногами земли. Ее поставили и развернули простыню. Она почувствовала, как легкий ветерок обдувает ноги и хлопает по ним ночнушкой. Ей развязали руки.

Она сделала вялую попытку схватить нападающего, но ее поймали за запястья и завели руки за спину. Она по-прежнему ничего не видела - что-то закрывало ей голову, что-то типа мешка; она задыхалась от жары и отсутствия воздуха. Кэсси шаталась - она пыталась бороться, лягаться, но понимала, что сил на это у нее больше нет.

Затем сзади раздался смех. Тихий смех. Томный, но сильный. Задорный, но со зловещими нотками. Смех, расставивший все по местам. Смех Фэй.

Кэсси думала, что страшней, чем то, что она пережила, не бывает. Но нет, она жестоко ошибалась. Она вообразила призраков, зловещих мертвецов, восставших из ада, чтобы утащить ее в свои обжитые могилки под землей. Но все эти дикие и сверхъестественные страхи меркли по сравнению с тотальным ужасом, охватившим ее при звуке этого смеха.

За считанную долю секунды в мозгу прокрутился сценарий: «Конечно, это Фэй убила Кори, а сейчас она убьет меня».

- Иди, - сказала Фэй, и Кэсси почувствовала толчок в спину. Поскольку руки оставались связанными, шла она неуверенно. Она пошатнулась и сделала шаг вперед. - Прямо иди, - повторила черноволосая.

Держать равновесие было непросто. Вдруг она почувствовала поддержку. Чья-то рука подхватила ее сбоку. Значит, Фэй не одна. Разумеется, не одна. Как бы она в одиночку неслась Кэсси?

Только сейчас Кэсси поняла, как это важно - видеть. Идти вперед в никуда было чертовски страшно. А вдруг Фэй ведет ее к обрыву?

Хотя нет, не к обрыву: они не на скалах - на пляже. Несмотря на то, что зрение ей так и не вернули, остальные органы чувств теперь, без простыни, работали исправно: слева отчетливо шумел прибой - медленный и ритмичный; под ногами хрустел чуть влажный песок; легкий ветерок, задравший ее ночнушку до середины икры, веял свежестью и прохладой. Пахло солью и водорослями.

- Стоять! - раздался приказ.

Кэсси непроизвольно подчинилась. Она пыталась проглотить слюну, но язык будто приклеился к небу.

- Фэй... - сумела выдавить девушка.

- Молчать! - раздался новый приказ: голос звучал резко, какая там томность! Кошка выпустила когти. Кто-то дотронулся до шеи Кэсси и начал ее сдавливать. Девушка напряглась, и тут чьи-то руки ухватились за низ мешка и начали его затягивать. - Не разговаривать, пока не спросят. Не шевелиться, пока не прикажут. Ясно?

Кэсси беспомощно кивнула.

- Теперь сделай шаг вперед. Поверни налево. Остановись. Стой прямо тут. Не издавай ни звука.

Руки опять взялись за шею Кэсси. Восхитительный порыв прохладного воздуха ударил в лицо - с нее сняли мешок. Яркий свет залил пространство вокруг, и глазам девушки предстала удивительная сцена.

Черное и белое - вот что она увидела сначала: пространство казалось строго поделенным на черное и белое, совсем как поверхность Луны.

Но луна сияла в небе - напротив нее: чисто-белая, только что поднявшаяся, она зависла над океаном в виде идеального полумесяца. Океан был таким же черным, как и небо, только пена призрачно мерцала на гребнях волн. И на фоне этой картины застыла фигура, светящаяся бледным светом.

Диана?

Тонкое белое платье-рубашка с короткими рукавами; к предплечью пристегнут

широкий серебряный браслет со странной гравировкой; на лбу красуется диадема с развернутым вверх полумесяцем. Длинные распущенные волосы будто бы сотканы из лунного сияния...

В руке она держала кинжал.

С ужасающей остротой вспомнила Кэсси свой сон-видение.

«Жертвоприношение», - произнесла то ли мама, то ли бабушка в ее сне.

Так она здесь для этого? Для того чтобы стать жертвой?

Завороженно взидала девушка на лезвие кинжала, отражающее свет луны, затем посмотрела на Диану.

«Я бы никогда не поверила, никогда и ни за что, что ты можешь убить меня. Но в руках у тебя нож - я вижу его. Как, скажи, мне не верить собственным глазам?!»

- Повернись! - приказал голос.

Кэсси почувствовала, что тело ее поворачивается.

На песке был начертан довольно большой круг. По всему кругу и за его пределами стояли свечи. Море свечей всех цветов и размеров. Воск плавился и падал прямо на песок. Судя по тому, как накренились некоторые свечи и сколько воска скопилось у их основания, можно было предположить, что горели они уже довольно долго. Пламя порхало в такт легкому ветерку.

В круге стояли члены клуба. В перепуганном сознании Кэсси их лица мелькали как вспышки молний: те же лица, что за полдня до этого она видела в задней комнате, выглядели сейчас гордыми, красивыми, нездешними.

Фэй стояла среди них. Она была одета во все черное. И если волосы Дианы казались сотканными из лунного света, ее волосы словно состояли из тьмы.

Диана прошла мимо Кэсси и вступила в круг. Внезапно очумевшая героиня увидела, что круг, начертанный на песке, не замкнут. В его северной части - как раз напротив нее - зияла брешь. Девушка находилась в нескольких сантиметрах от границы круга.

Вздвогнув, она подняла глаза, ища поддержку на лице Дианы. Лицо старшей подруги не выражало ничего: оно казалось бледным и отстраненным. Сердце Кэсси застучало еще сильнее.

Диана заговорила чистым и мелодичным голосом, но слова обращались не к названной младшей сестре.

- Кто бросает ей вызов?

В ответ послышался хриплый голос Фэй.

- Я.

Кэсси заметила кинжал, только когда Фэй приставила его прямо к ее горлу. Лезвие покалывало. Бедняжка постаралась замереть и ни о чем не думать. Полуприкрытые загадочные очи черноволосой бестии смотрели прямо на нее: в их медовых глубинах затаилось свирепое наслаждение и тот же жар, который Кэсси разглядела в них в старом научном корпусе, когда Фэй пыталась ее поджечь.

Дикая кошка улыбнулась своей тягучей пугающе улыбкой и надавила на клинок.

- Я вызываю тебя, - прямо сказала она. - Если в твоем сердце присутствует страх, советую броситься на клинок и не продолжать. Что чувствуешь, Кэсси? - добавила она, и голос ее упал до ленивого интимного шепота, который остальные вряд ли могли услышать: - Ответь, есть ли в твоём сердце страх? Но прежде хорошенько подумай.

Кэсси только глаза вытаращила от изумления. Есть ли страх в ее сердце? Как в ее сердце может не быть страха?! Они сделали все, чтобы в ее сердце поселился настоящий ужас.

Затем, двигая только глазами, она посмотрела на Диану.

Кэсси вспомнила реакцию Лорел на намек Фэй, что Диана могла иметь отношение к смерти Кори: Лорел на мгновение замешкалась, затем лицо ее прояснилось, и она сказала: «Говори, что угодно. Ты ни за что не заставишь меня поверить, что Диана могла бы навредить Кори».

«Это называется вера», - подумала Кэсси. Верить вопреки всему. Верит ли она так в Диану?

«Да», - подумала девушка, по-прежнему глядя в спокойные зеленые глаза златовласки. Верит.

«А могу ли я ей доверять, несмотря ни на что? Доверять настолько, чтобы больше не бояться?»

Она ждала ответа; она искала его в своем сознании, пытаясь дождаться правды. Все, что сегодня произошло: как ее вытащили из кровати, отнесли без объяснений на пляж, кинжал, вся эта странная церемония - все выглядело паршиво. К тому же, кто-то убил Кори.

«Я доверяю тебе, Диана, - такой ответ нашла она в глубинах своего сознания. - Я доверяю тебе. Несмотря ни на что; несмотря на то, что все против, я доверяю тебе».

Она перевела глаза на Фэй, которая до сих пор ждала с кошачьей ухмылкой. И, глядя прямо в золотые очи, Кэсси произнесла без тени сомнения:

- Я готова. В моем сердце нет страха.

Произнося эту фразу, героиня чувствовала, как страх уходит. Так же, как слабость, головокружение и учащенное сердцебиение. Она стояла, не двигаясь, с руками, связанными за спиной, и кинжалом у горла.

Что-то вспыхнуло в глазах Фэй, что-то, смахивающее на мрачное уважение. Характер ее улыбки изменился, и она еле заметно кивнула. В следующее мгновение она взметнула черные брови вверх и с легкой иронией пригласила:

- Тогда вступай в круг.

Шагнуть вперед? Прямо на лезвие кинжала?! Кэсси запретила своим глазам отрываться от золотых глаз Фэй. Она секунду колебалась и затем шагнула.

Лезвие не осталось безучастным: девушка почувствовала, как по шее пробежала тоненькая мокрая струйка, после чего Фэй убрала клинок и отступила.

Кэсси посмотрела вниз - она переступила черту. Теперь она стояла внутри круга.

Диана взяла кинжал из рук Фэй и подошла к разрыву в круге позади Кэсси. Клинком она дорисовала линию и замкнула круг; при этом Кэсси ощутила необыкновенное чувство завершенности: будто что-то закрыли и запечатали, будто за нею закрыли дверь, будто мир внутри круга отличался от мира за его пределами.

- Встань в центр, - сказала Диана.

Кэсси пыталась ступить горделиво. Теперь она отлично видела, что рубашка Дианы с одной стороны разрезана до бедра. Длинную, хорошо сложенную ногу лунноволосой красавицы что-то обвивало - подвязка? Да, пожалуй. Похожая на кружевную штучку, которую невеста надевает на свадьбу, чтобы жених ее снял и бросил своим друзьям. Только подвязка Дианы была из зеленой замши, окаймленной голубым шелком. Скреплялась эта композиция серебряной пряжкой.

- Повернись, - приказала Диана.

Кэсси надеялась, что сейчас ей развяжут руки, но вместо этого она почувствовала, что ее хватают и начинают вертеть. Ее кружили все быстрее и быстрее, кидали из стороны в сторону, от человека к человеку. На мгновение паника вновь охватила девушку. У нее закружилась голова, она потеряла всяческую ориентацию в пространстве. С завязанными руками она не сможет предотвратить падение, а где-то неподалеку валяется кинжал...

«Отпусти себя, плыви по течению», - сказала она себе.

И волшебным образом ее страх испарился; она расслабилась и стала мягкой игрушкой, которую перекидывали от одного человека к другому. Упадет - значит упадет.

Вдруг руки остановили ее и снова поставили напротив Дианы. Она немного запыхалась, мир все еще продолжал кружиться, но она постаралась выпрямиться и стоять спокойно.

- Тебе бросили вызов, и ты прошла испытания, - провозгласила Диана, и наконец-то в ее зеленых глазах замелькала легкая улыбка, хотя губы оставались серьезными. - Готова ли ты принести клятву?

«Принести клятву - но в чем?»

Естественно, Кэсси кивнула.

- Клянешься ли ты быть верной Кругу? Никогда не причинять вред тем, кто стоит внутри него? Будешь ли ты охранять и защищать их, даже если это будет стоить тебе жизни?

Кэсси сглотнула, затем, попытавшись придать своему голосу твердость, ответила:

- Да.

- Клянешься ли ты никогда не раскрывать секреты, которые узнаешь, никому, кроме ограниченного числа людей, находящихся в пределах этого круга, в котором мы в данный момент находимся? Клянешься ли ты хранить эти секреты от чужаков, друзей и врагов, даже если это будет стоить тебе жизни?

- Да, - прошептала Кэсси.

- Океаном, луной, собственной кровью - клянешься ли ты?

- Да.

- Скажи: «Я клянусь».

- Я клянусь.

- Ей бросили вызов, она выдержала испытания и принесла клятву, - провозгласила Диана и отступила. - И теперь, если все в Круге согласны, я созываю Силы, чтобы они посмотрели на новую избранницу.

Диана подняла кинжал над головой, острием в небо. Затем направила его на восток - в сторону океана, потом на юг, после этого на западные скалы и затем на север. В завершение, она направила его на Кэсси. Слова, произнесенные старшей сестрой, током прошибли все существо Кэсси:

Пламя и воздух, земля и вода,

Все посмотрите скорее сюда.

Светом солнца и мраком луны

Как повелю я, так сделайте вы.

Дочь ваша вызов судьбы приняла

И испытанье лихое прошла.

Плотью и кровью она поклялась,

В Круг наш Кэсси навечно...

- Но не все согласны, - вдруг прервал ее злобный голос. - Я до сих пор не считаю, что она одна из нас. И не верю, что когда-нибудь она сможет ею стать.

Диана резко повернулась к Деборе.

- Ритуал прерывать нельзя!

- Не может быть никакого ритуала, - Дебора просто кипела от злости: ее лицо потемнело, все мышцы напряглись.

- Но ты же согласилась на собрании...

- Я согласилась с тем, что мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы усилить себя. Но... - Дебора замолчала и нахмурилась.

- Но некоторые из нас до конца не верили, что она пройдет испытание, - улыбаясь, объяснила Фэй.

Диана стояла бледная и сердитая. Диадема словно прибавляла ей роста, так что теперь она выглядела выше Фэй. Лунный свет мерцал в волосах.

- Но она прошла испытание, - произнесла она холодно. - А ты прервала ритуал, нарушила его, вмешалась в обращение к Силам. Есть ли у тебя на это веская причина?

- Есть, - ответила Дебора. - Она не является одной из нас. Ее мать вышла замуж за чужака.

- И что ты предлагаешь? - спросила Диана. - Ты хочешь, чтобы мы остались без полного Круга? Ты же знаешь, нам нужно двенадцать человек, чтобы Круг работал. Что нам делать? Ждать, пока твои родители или родители Хендерсонов заведут еще одного ребенка? У всех остальных только по одному родителю осталось. По одному - понимаешь?! - Диана повернулась ко всем, стоящим в Круге, и окинула их пристальным взглядом. - Мы последние, - произнесла она. - Последнее поколение в Новом Свете. И если мы не сможем замкнуть Круг, значит, на нас все закончится. На нас.

Заговорила Мелани. На ней была обычная одежда, а поверх нее - зеленая бахромчатая шаль, совсем ветхая и почти прозрачная от старости.

- Наши родители и родители родителей были бы рады, - произнесла она. - Они хотят, чтобы мы оставили все это в прошлом, так же, как в свое время сделали они. Они не хотят, чтобы мы копались в старых традициях и пробуждали Древние Силы.

- Трусые, - презрительно бросила Дебора.

- Они были бы счастливы узнать, что мы не можем завершить Круг, - продолжила Мелани. - Ты этого хочешь? - она взглянула на Фэй.

- Настоящая личность может достичь многого, даже опираясь только на собственные силы, - пробормотала Фэй сквозь зубы.

- Но гораздо меньше, - парировала Лорел, - чем если она опирается на Силы Круга. Если только, - добавила она, - кто-то из нас не планирует прибрать к своим рукам Инструменты Мастера и использовать их в одиночку.

Фэй послала ей томную, ослепительную улыбку.

- Вот это точно не обо мне, - произнесла она.

- Мы отвлеклись от главного, - резко прервала их Диана. - Вопрос заключается вот в чем: хотим мы завершить Круг или нет?

- Хотим, - сказал один из братьев Хендерсонов.

«Даг? Нет, Крис», - поправила себя Кэсси. Внезапно она научилась различать близнецов: в лунном сиянии оба брата выглядели бледными и напряженными, но в глазах Криса злобы было все-таки меньше. - Мы сделаем все, что потребуется, чтобы найти убийцу Кори, - закончил Крис.

- И прикончить его, - вставил Даг.

Он рассек воздух рукой.

- Значит, нам нужен полный Круг, - сказала Мелани. - А для этого необходим двенадцатый человек, причем женского пола. Кэсси подходит под оба условия.

- И она прошла испытания, - повторила Диана. - Ее мать была одной из нас. Да, она уехала, но теперь вернулась и привезла с собою дочь именно тогда, когда мы в ней так нуждаемся. Именно тогда.

Но Дебора оказалась упрямой.

- Кто сказал, что она вообще может использовать Силы? - спросила она.
- Я, - твердо ответила Диана. - Я чувствую в ней это.
- И я, - неожиданно вступилась Фэй.
Дебора уставилась на нее, и Фэй широко улыбнулась ей в ответ.
- Я бы сказала, что она может взывать к Земле и к Огню; в остальном я пока не уверена,
- продолжила Фэй до неприличия спокойным голосом. - Я бы даже рискнула предположить, что у нее есть дар.
«И почему, - с изумлением подумала Кэсси, - мне стало так не по себе от этих слов?»
Пока Фэй говорила, Диана внимательно, насупив брови, смотрела на нее. Потом повернулась к Деборе.
- Тебя удовлетворили эти доводы?
Секундная заминка - как сильно бьется сердце!
Затем Дебора угрюмо кивнула и отступила.
- Итак, - сказала Диана, скрывая таящийся внутри гнев за спокойной вежливостью, - мы можем, наконец, продолжить?
Как только она вернулась на прежнее место, все отступили к границе круга. Диана снова подняла кинжал к небу, снова обратила его ко всем частям света и снова направила его на Кэсси. Потом опять произнесла слова, от которых Кэсси вся покрылась мурашками. Но на этот раз Диану никто не прерывал.

Пламя и воздух, земля и вода,

Все посмотрите скорее сюда.

Светом солнца и мраком луны

Как повелю я, так сделайте вы.

Дочь ваша вызов судьбы приняла

И испытанье лихое прошла.

Плотью и кровью она поклялась,

В Круг наш Кэсси навечно влилась.

- Вот и все, - мягко проговорила Лорел за спиной Кэсси, - теперь ты с нами.
«С ними. Я с ними».
Кэсси охватило дикое веселье. Она почувствовала: ничего уже не будет, как прежде.
- Кэсси.
Диана сняла с себя серебряное ожерелье: Кэсси посмотрела на кулон в виде полумесяца
- такой же, как на диадеме, такой же, как на татуировке Деборы.
- Это символ твоего членства в Круге, - объяснила Диана, застегивая цепочку на шее Кэсси.
Затем она обняла Кэсси: не спонтанно, от избытка чувств, нет - в ее жесте

чувствовалась ритуальность. Она развернула девушку лицом к остальным и сказала:

- Силы приняли ее. Я приняла ее. Теперь каждый из вас должен сделать это.

Лорел подошла первой: лицо ее было необыкновенно серьезным, но уголки глаз светились искренним теплом и дружелюбием. Она обняла Кэсси и чмокнула ее в щеку.

- Я рада, что ты одна из нас, - прошептала она и отошла.

Ее длинные светло-каштановые волосы порхали, подхваченные легким ветерком.

- Спасибо, - прошептала Кэсси.

Следующей приблизилась Мелани: эти объятия показались более сдержанными, а холодные умные глаза взрослой девушки до сих пор пугали Кэсси. Но потом мудрейшая сказала:

- Добро пожаловать в Клуб, - и в этой фразе чувствовалась искренняя радость.

За ней шла Дебора. Обнимая Кэсси, она страшно хмурилась, а обнимала так сильно, будто хотела сломать пару ребер. Она не произнесла ни слова.

Шон практически мчался навстречу объятию, которое в итоге затянулось и показалось Кэсси чересчур интимным, так что ей пришлось высвобождаться силой.

Юноша сказал:

- Я рад, что ты с нами, - и при этом так впился взглядом в Кэссино ночнушку, что девушка искренне пожалела, что на ней батист, а не проверенная бабушкина фланель.

- Я вижу, - тихонько сказала она себе, отступая, и Диане пришлось сдержаться, чтобы не засмеяться.

В обычных обстоятельствах братья Хендерсоны повели бы себя еще хуже, но сегодня им было по барабану, кого обнимать - девушку или вязанку дров. Они машинально по очереди обняли новенькую и отступили, чтобы снова уставиться в пустоту злыми, отсутствующими глазами.

Потом пришла очередь Ника. Кэсси почувствовала, как внутри у нее что-то сжалось. Не то, чтобы он ей нравился, но... когда она смотрела на него, то ощущала легкую дрожь, с которой ничего нельзя было поделать. Он казался таким красивым, и холод, окружавший его тонкой искрящейся коркой из темного льда, только усиливал впечатление от его внешности. Он стоял в стороне и смотрел на церемонию с такой отчужденностью, будто все это его не касалось.

Даже объятие его казалось неопределенным - бесполом, будто он просто механически совершал действия, думая при этом о чем-то другом.

«Руки у него, однако, сильные... ну, естественно, - подумала Кэсси, - любой парень, у которого с Фэй... договоренность, обязан быть сильным».

От Сюзан пахло духами, и, когда она поцеловала Кэсси, героиня сразу поняла, что на щеке останется вишневый след от помады. Обнимать ее было все равно что обнимать надушенную подушку.

Наконец настала очередь Фэй: ее глаза с поволокой загадочно сияли, словно она понимала, в каком смятении пребывает Кэсси, и наслаждалась этим.

Кэсси только и могла думать, какая Фэй высокая, и как ей, Кэсси, хочется пуститься наутек и оказаться подальше от этой страшной девушки. У героини возникло паническое убеждение, что Фэй сейчас выкинет какую-нибудь гадость... Но Фэй только прошептала, отступая:

- Значит, маленькая серая мышка храбрее, чем кажется. Я готова была об заклад биться, что ты не доживешь до конца церемонии.

- А я и не уверена, что дожила, - проворчала Кэсси.

Она умирала от желания сесть и подумать. Так много всего произошло... и так быстро... зато теперь она в клубе. Даже Фэй приняла ее. Да уж - дела!

- Хорошо, - тихо сказала Диана, - ритуал посвящения окончен. Обычно после этого мы устраиваем празднование или что-то в этом роде, но... - она взглянула на Кэсси и подняла руки. Кэсси кивнула, - сегодня праздновать было бы безбожно. Поэтому, думаю, мы должны официально развеять Круг и продолжить вечер стандартным собранием, в ходе которого

Кэсси узнает все, что ей необходимо знать.

По кругу пронесся вздох облегчения, и все закивали. Диана зачерпнула пригоршню песка и стала сыпать его на линию. Остальные последовали ее примеру - каждый сыпал песок на свой участок: сначала контуры стали смазанными, а потом линия и вовсе исчезла. Затем члены клуба рассеялись среди догорающих свечей: кто сел на песок, кто - на торчавшие из песка камни; Ник остался стоять с сигаретой во рту.

Диана терпеливо ждала, пока все замолчат и посмотрят на нее, а затем обернулась к Кэсси. Лицо ее было степенно, а зеленые глаза смотрели серьезно.

- Теперь, когда ты стала одной из нас, - сказала она обыденным тоном, - пришло время рассказать тебе, кто мы.

У Кэсси перехватило дыхание: с тех пор, как она перебралась в Нью-Салем, произошло столько всего необъяснимого и парадоксального! Неужели сейчас она услышит объяснение? Но поразительно: ей вдруг показалось, что в объяснениях она больше не нуждается. С той минуты, как ее притащили сюда, картинка стала проясняться. Маленькие странности Нью-Салема, сотни мелких секретов, которые она не могла постичь, - мозг собрал все это воедино, и теперь...

Она взглянула на лица, освещенные мириадами звезд и свечей.

- Мне кажется, - медленно произнесла героиня, - что я уже понимаю, - природная честность заставила ее добавить: - во всяком случае, отдельные вещи.

- Да что ты?! - Фэй приподняла брови. - Может, расскажешь нам?

Кэсси взглянула на Диану, и та кивнула.

- Ну, во-первых, - произнесла она, - я вижу, что вы не фэн-клуб Микки-Мауса.

По кругу пошли смешки.

- Уж поверь, - пробурчала Дебора. - И даже не объединение девочек-скаутов.

- Я знаю... - Кэсси приостановилась, - я знаю, что вы можете зажигать огонь без помощи спичек. И что девичью траву вы используете не только для приготовления салатов.

Фэй с невинным видом разглядывала собственные ногти, а Лорел уныло улыбалась.

- Я знаю, что вы можете заставить неодушевленные предметы двигаться.

На этот раз улыбнулась Фэй; Дебора и Сюзан обменялись самодовольными взглядами, и Сюзан прошипела: «Сссшшшшшшш»... Прямо как змея...

- Я знаю, что в школе вас все боятся. Даже взрослые. Они боятся любого, кто живет в Вороньей Слободке.

- Они еще не знают, что такое страх, - сказал Даг Хендерсон.

- Я знаю, что вы используете камни в качестве пятновыводителя...

- Кристаллы, - пробормотала Диана.

- ...и что кладете в чай не только чайные листья. И еще я знаю, - Кэсси вздохнула, но смело продолжила: - что вы можете толкнуть человека, не коснувшись его, а он тем не менее упадет.

После этого замечания воцарилась полная тишина. Некоторые посмотрели на Фэй; та горделиво задрала подбородок и взидала на океан сквозь прищуренные глаза.

- Ты права, - проговорила Диана. - Ты многое узнала, просто наблюдая... а мы, ну, мы несколько расслабились и недостаточно надежно охраняли свои секреты. Но, мне кажется, тебе нужно услышать всю историю - с самого начала.

- Если можно, я расскажу, - предложила Фэй и, увидев сомнение в глазах Дианы, добавила: - А что, собственно, такого? Я хорошо рассказываю истории, а уж эту я знаю назубок.

- Ладно, - согласилась Диана. - Только не могла бы ты сразу перейти к делу? Знаю я, как ты рассказываешь, Фэй.

- Конечно, - сказала Фэй вежливо. - А теперь, дайте-ка подумать, с чего начать? - Она некоторое время раздумывала, склонив голову набок, а затем улыбнулась. - Давным-давно, - начала она свое повествование, - была на свете забавная деревушка под названием Салем. И жили в ней забавные пуританишки: типичные американцы - трудолюбивые, честные,

храбрые и очень правильные...

- Фэй...

- Прямо, как некоторые, не будем показывать пальцем, - сказала Фэй, не обращая внимания на то, что ее прерывают.

Она стояла, потряхивая своей шикарной гривой, явно наслаждаясь тем, что находится в центре внимания, а сзади бушевал океан - лучшей декорации и придумать невозможно. От ходьбы взад и вперед ее блузка сползла с одного плеча. Картина маслом.

- Эти пуритане размышляли только о чистом - ну, большинство из них. Конечно, были и такие, кто не вполне радовался скучной пуританской жизнишке: нескончаемая работа без отдыха и развлечений, одежда по сюда, - она показала на свою шею, - и шесть часов церкви по воскресеньям...

- Фэй, - попробовала урезонить рассказчицу Диана, но Фэй ее проигнорировала.

- Ну и, конечно, соседи, - продолжала она. - Все эти соседи, наблюдающие за каждым твоим шагом, обсуждающие тебя, блюдущие, чтобы, не дай бог, на твоём платье не обнаружилась лишняя пуговка, или чтобы ты случайно не улыбнулась по дороге на собрание. В те дни нужно было быть покорной, не поднимать глаз и делать то, что тебе говорят, не задавая вопросов. По крайней мере, если ты была девочкой. Ты даже в куклы играть не могла, ведь куклы считались посланницами Дьявола.

Вопреки собственной воле, Кэсси заворуженно наблюдала монотонное расхаживание Фэй и снова сравнивала ее с рысью - загнанной в клетку. «Да, если б Фэй жила в те дни, - подумала Кэсси, - ох, задала бы она всем жару».

- И предположим, что некоторым юным созданиям это не нравилось, - сказала Фэй. - Кто знает? Но, так или иначе, в одну из зим несколько девочек собрались вместе, чтобы погадать. Естественно, это запрещалось - великий грех, - но они все равно гадали. У одной из них в доме жила рабыня из Вест-Индии, которая владела искусством гадания. Это занятие помогало им коротать длинные и скучные зимние вечера. - Она бросила многозначительный взгляд из-под ресниц в сторону Ника, будто бы говоря ему, что сама смогла бы предложить куда более занимательные вещи.

- Но это терзало их бедные пуританские умишки, - продолжила Фэй, выглядя опечаленной. - Их мучила вина. И в итоге у одной из них случился нервный срыв: она заболела и в бреду во всем призналась. Их рассекретили. Все остальные девочки оказались в сложном положении: в те дни не принято было баловаться со сверхъестественным, взрослым это не нравилось. Так что бедненьким пуританским девочкам пришлось перевести стрелки на кого-нибудь другого.

Фэй подняла свой длинный, тонкий палец, заканчивающийся алым ногтем, обвела им всех сидящих вокруг, словно пистолетом, и указала на Кэсси.

Кэсси перевела взгляд с пальца на лицо Фэй.

- И они это сделали, - радостно сообщила Фэй. Она убрала палец, будто вставляя меч в ножны, и продолжила. - Они указали на рабыню из Вест-Индии и на парочку других старых женщин, которые им не шибко нравились - женщин с плохой репутацией в деревне. И, указывая на них, называли их... - она остановилась, чтобы добавить моменту драматизма, устремила лицо к висевшему в небе полумесяцу, затем опять посмотрела на Кэсси и закончила: - называли их... ведьмами.

По группе прокатилась волна возбуждения - смеси горького скептицизма с раздражением; на многих лицах читалась гадливость. Кэсси почувствовала, что ей становится страшно.

- И знаете что? - Фэй окинула слушателей чарующим взглядом, затем медленно улыбнулась и прошептала: - Это сработало. Никто не винил девочек за забавы с гаданием: все принялись искать ведьм. Единственной проблемой, - продолжила рассказчица, презрительно вздернув брови, - стало то, что эти пуританишки не знали, как отличить ведьму от не ведьмы. Они искали женщин необычных, или слишком независимых, или... богатых. У осужденных ведьм конфисковывали имущество, так что это стало очень даже прибыльным

делом. А настоящие ведьмы все это время находились у них прямо перед носом. - Потому что, понимаете ли, - мягко продолжила Фэй, - в Салеме действительно жили ведьмы. Но не те бедные женщины и мужчины из числа осужденных, среди которых не было ни единой настоящей колдуньи или колдуна - а другие, взаправдашние; они смотрели на это безобразие, и оно им не нравилось: слишком близко и слишком болезненно. Некоторые из них даже пытались остановить процессы над ведьмами, но это только вызывало ненужные подозрения, ведь в то время даже дружить с заключенными было опасно.

Она замолчала. Стояла тишина; с лиц вокруг Кэсси ушла веселость, от них веяло холодом и злостью. Будто то, что рассказывала Фэй, до сих пор резало по живому, будто это была не сказка, старая, как покрытое паутиной содержимое бабушкиного сундука, а вечное предупреждение.

- И что случилось потом? - спросила Кэсси сдавленным голосом.

- С обвиненными? Их казнили. По крайней мере, тех, кому не повезло - тех, кто так и не признался. Прежде чем вмешался губернатор и положил этому конец, они успели повесить девятнадцать человек. Последняя публичная казнь состоялась как раз триста лет назад... 22 сентября, в день осеннего равноденствия, в году 1692. Да, у бедных осужденных ведьм шансов не было. Но настоящим ведьмам... - улыбнулась Фэй, - настоящим ведьмам удалось уйти после того, как шумиха улеглась. Тайком, естественно. Они тихо собрали вещишки и переселились на север, чтобы основать свою собственную деревеньку, где никто не будет показывать на них пальцем, потому что там все одним миром мазаны. И назвали они свою деревеньку... - она взглянула на Кэсси.

- Нью-Салем, - закончила героиня.

Она тут же вспомнила надпись, выбитую на камне рядом со зданием школы.

- Основана в 1693 году, - добавила она тихонько.

- Да. Ровно через год после того, как закончились процессы. Так что теперь ты знаешь, как был основан наш городок - двенадцатью членами шабаша и их семьями. А мы, - Фэй грациозно обвела рукой группу, - это то, что осталось от тех двенадцати семей; мы - их единственные потомки. В то время как остальные отбросы, которых ты видишь в школе и в городе...

- Такие, как Салли Уолтман, - вставила Дебора.

- ...являются потомками слуг. Помощников, - ласково, но немилосердно пояснила Фэй, - или чужаков, которых сюда занесло и которым разрешили остаться. Но двенадцать домов в Вороньей Слободке - это дома двенадцати первых семей. наших семей. Они вступали в браки друг с другом и сохраняли кровь чистой - большинство из них, по крайней мере. И в конце концов, они явили миру нас.

- Ты должна понять, - произнесла Диана, - что часть того, о чем рассказывала Фэй - всего лишь легенды. Мы не знаем точно, что послужило началом охоты на ведьм в 1692, зато достоверно известно, что случилось с нашими предками, потому что сохранились их дневники, их записи, их книги заклинаний. Их Книга Теней. - Она повернулась, подняла что-то с песка, и Кэсси узнала книгу, которую видела на подоконнике в тот день, когда Диана чистила ее свитер.

- Это, - сказала Диана, поднимая ее, - принадлежало моей прапрабабушке. Книга досталась ей от ее мамы и так далее. Каждая из них записывала в книгу все, что делала: заклинания, ритуалы, важные моменты их жизни, и передавала книгу последующему поколению.

- Так продолжалось примерно до времени наших прабабушек, - включилась Дебора. - Лет восемьдесят или девяносто назад они решили, что все это слишком страшно.

- И слишком грешно, - вставила Фэй с сияющими глазами.

- Они упрятали Книгу и постарались стереть из своей памяти древние знания, - продолжила Диана. - Они стали учить своих детей, что быть другим - неправильно, что хорошо быть нормальным, таким, как чужаки.

- Они ошибались, - проговорил Крис. Он наклонился вперед, скулы его напряглись,

лицо исказилось болью. - Мы не можем быть, как они. Кори знала это. Она... - Он замолчал и замотал головой.

- Успокойся, Крис, - мягко сказала Лорел. - Мы знаем.

Шон выпятил грудь и горячо заговорил:

- Они спрятали древнее барахло, но мы его отыскиали. Мы не любим, когда нам говорят «нет».

- Действительно, не любим, - проговорила Мелани, бросив на Шона удивленный взгляд. - Конечно, некоторые из нас еще играли в Бэтмена, пока старшие пытались оживить древнюю традицию.

- И некоторым из нас от рождения дано больше, чем другим, - добавила Фэй. Она растопырила пальцы, наслаждаясь видом своих длинных красных ногтей. - Некоторым дано... взывать ко всем Силам.

- Это правда, - сказала Лорел. Она подняла брони и многозначительно посмотрела на Диану. - Некоторым.

- У каждого из нас свой исключительный дар, - сказала Диана. - И чувствовать его мы начали чуть ли не с пеленок. Даже наши родители не могли закрывать на это глаза: они старались оградить нас от использования Сил, но со временем многие из них бросили эту затею.

- Кое-кто даже помогал нам, - сказала Лорел. - Например, моя бабушка. Но большинство знаний мы все же почерпнули из древних книг.

Кэсси подумала о своей бабушке. Пыталась ли она помочь внучке? Кэсси чувствовала, что да.

- Или из собственных голов, - дополнил Даг. Он улыбнулся бешеной красивой улыбкой и на мгновение снова превратился в мальчишку, несущегося на роликах по коридорам школы. - Это инстинкт, понимаешь? Чистый инстинкт. Основной.

- Наши родители ненавидят эту затею, - продолжила Сюзан. - Мой отец твердит, что мы только накличем на себя беду; он говорит, что чужаки разделаются с нами.

В лунном свете зубы Дага сияли белизной.

- Это мы разделаемся с ними, - сказал он.

- Они не понимают, - мягко проговорила Диана. - Даже среди нас не все осознают, что Силы можно использовать во имя добра. Но мы - те, кто может взывать к Силам, знаем это. И это главное.

Лорел кивнула.

- Моя бабушка говорит, что всегда найдутся чужаки, которые будут нас ненавидеть. С этим ничего не поделаешь, остается только держаться от них подальше.

Кэсси неожиданно вспомнила директора и то, как брезгливо он держал за край платья повешенную куклу. «Как это уместно среди ваших», - помнится, сказал он. Что ж, немудрено, если он уже тогда считал ее одной из них.

И тут ее осенило.

- Ты хочешь сказать, - спросила она, - что даже взрослые знают, кто вы... кто мы такие? Взрослые чужаки?

- Только местные, - ответила Диана, - те, кто вырос на острове. Они всегда это знали, но молчали. Если они хотят тут жить, им приходится молчать. Так было всегда.

- Несколько последних поколений чужаков поддерживали с нашей общиной хорошие отношения, - сказала Мелани. - По крайней мере, так говорят наши бабушки с дедушками. Но мы все здесь взбаламутили. Чужаки не будут вечно держать язык за зубами; они могут попытаться нас остановить.

- Могут?! Они уже пытаются, - сказала Дебора. - Что, по-вашему, случилось с Кори?

Тут же поднялся шум - одновременно заговорили братья Хендерсоны, Шон, Сюзан и Дебора.

Диана подняла руку.

- Достаточно! Сейчас не время, - проговорила она. - Что случилось с Кори, мы

обязательно выясним с помощью Круга. Теперь, когда он полный, мы сможем это сделать. Но не сегодня. Пока я стою во главе...

- А вот это временно. До ноября, - прервала ее Фэй.

- ...пока я временно стою во главе, мы будем делать все тогда, когда я скажу, и не будем торопиться с выводами. Договорились?

Диана посмотрела на лица окружающих: некоторые казались замкнутыми, ничего не выражающими, другие, как у Деборы, выглядели откровенно враждебными, но большинство членов Круга кивали или какими-то иными способами демонстрировали свое неохотное согласие.

- Договорились. И сегодня у нас посвящение Кэсси, - Диана посмотрела на Кэсси. - У тебя есть вопросы?

- Ну... - Кэсси все не давало покоя чувство, что она должна спросить о чем-то, о чем-то важном, но вот о чем, она, убей, не понимала, - члены Круга... Как вы себя называете? Я имею в виду, вы ведуны, или чернокнижники, или кто там еще?

- Нет, - ответила Диана. - «Ведун» - устаревшее слово, оно означает «ведающий, мудрый человек, который обычно работает один». А «чернокнижник» происходит от «промышляющий черной магией» - злобный волшебник, черный маг. Ведьма - самое подходящее слово для всех нас. Парней, если хочешь, можешь называть ведьмаками. Что-нибудь еще?

Кэсси отрицательно покачала головой.

- Тогда продолжим, - сказала Фэй. - Теперь, когда ты услышала нашу историю, у нас к тебе только один вопрос, - она уставилась на Кэсси со странной полуулыбкой и проговорила фальшивым сладеньким голосочком: - Ты хочешь стать доброй ведьмой или злой?

12

«Ужасно смешно», - подумала Кэсси, хотя, на самом деле смеяться было не над чем.

Она догадывалась, что в действительности перед ней поставили серьезный вопрос: почему-то она не могла представить себе Фэй, прибегающую к Силам, - не важно, что это такое, - во имя добра; равно как она не могла вообразить Диану, использующую их во имя чего-то другого.

- У кого-нибудь есть что добавить? Вопросы, комментарии, дела клуба? - Диана окинула взглядом группу. - Тогда я объявляю собрание оконченным. Вы можете уйти или остаться, это личное дело каждого. Завтра состоится еще одно собрание: мы почтим память Кори и обсудим план действий.

Раздался гул голосов: ребята поднимались со своих мест, переговариваясь друг с другом. Электрическое напряжение, державшее группу вместе, улетучилось, но в воздухе осталось какое-то чувство незавершенности, будто никто не думал пока расходиться.

Сюзан зашла за камень и принесла несколько влажных упаковок с диетическими напитками; Лора вернулась из-за другого камня с большим термосом.

- Это чай из шиповника, - сообщила она, наливая в кружку ароматный темно-бордовый напиток. И, улыбаясь Кэсси, добавила: - В нем совсем нет чайных листьев, зато есть шиповник: он согреет тебя, успокоит и очистит.

- Спасибо, - сказала Кэсси, с благодарностью принимая кружку.

У нее кружилась голова.

«Перегруз информации», - подумала девушка.

«Я ведьма, - подумала она, и сама изумилась этому заявлению. - Наполовину ведьма, во всяком случае. И мама с бабушкой - тоже обе потомственны ведьмы».

Осознание этого факта давалось с трудом.

Она сделала еще один глоток горячего сладкого напитка; только сейчас девушка почувствовала, что дрожит.

- Возьми, - сказала ей Мелани. Она сняла с себя бледно-зеленую шаль и накинула ее на

плечи Кэсси. - Мы привыкли к холоду, а ты - нет. Если хочешь, можно разжечь костер.

- Спасибо, шали достаточно, - ответила Кэсси уютно поджала под себя босые ноги. - Какая красивая шаль - наверное, очень старая?

- Она еще моей пра-пра-пра-пра принадлежала, если верить легендам, - сказала Мелани и продолжила: - Обычно мы для Круга посерьезней наряжаемся - так иногда оденемся, что все диву даются. Но сегодня...

- Да, - Кэсси понимающе кивнула.

«Мелани заметно поприятнела, - подумала она. - Стала почти, как Лорел и Диана».

Кэсси силилась понять, в чем секрет этой перемены, и, наконец, до нее дошло.

«Я теперь одна из них, - подумала девушка, впервые по-настоящему оценив происходящее. - Я больше не щенок, подобранный на улице. Я полноправный член клуба».

Она снова почувствовала прилив неумейной радости и веселья и еще ощутила нечто глубокое, то, к чему давно стремилась, и что теперь получила - признание. Будто бы что-то внутри нее одобрительно кивало головой и твердило: «Да, я все время знал, что ты этого достойна».

Кэсси взглянула на Мелани, тихо похлебывающую чай, и на Лорел, пытающуюся распрямить завалившуюся на бок розовую свечу, потом на Диану, стоящую чуть поодаль на берегу с близнецами Хендерсонами: три блондинистые головки склонились друг к другу. Судя по всему, Диана не испытывала неловкости, разгуливая в таком одеянии: в прозрачной тонкой рубашке и в достаточно сексуальной подвязке. Видимо, ей это казалось естественным.

«Мои люди», - подумала Кэсси.

Внезапное чувство принадлежности - любви - стало таким острым, что на глазах у девушки выступили слезы. Затем она взглянула на увлеченных разговором Дебору и Сюзан, и на Фэй, равнодушно следящую за рассказом Шона, и на Ника, безмолвно взирающего на океан и пьющего что-то, не похожее на безалкогольную газировку.

«Даже они», - подумала героиня.

Она постарается наладить хорошие отношения со всеми членами клуба, со всеми, кто с ней одной крови; даже с теми, кто пытался отделаться от нее.

Она опять взглянула на Лорел и обнаружила, что стройная шатенка смотрит на нее со слегка жалостливым выражением.

- Бедняжка, на тебя столько всего сразу свалилось, - с пониманием сказала Лорел.

- Да. Но все это так захватывает!

Лорел улыбнулась.

- И так, раз теперь ты ведьма, - произнесла она, - что бы ты сделала в первую очередь?

Кэсси засмеялась, чувствуя опьянение от безбрежных возможностей, которых она еще пока не постигла.

«Сила, - подумала она. - Вокруг так много Силы, и теперь я могу ее взять».

Она покачала головой и протянула вперед свободную от чашки с шиповником руку.

- А что можно делать? - спросила она. - В смысле, ну, какого типа вещи?

Лорел и Мелани обменялись взглядами.

- Ну, в принципе, что угодно, - ответила Мелани.

Она подняла большую книгу, которую Кэсси уже видела в руках Дианы, и, быстро перелистывая ее, стала показывать девушке страницы. Пожелтевшие и полупрозрачные от старости, они были испещрены нечеткими и неразборчивыми письменами. А также розовыми стикерами. Почти на каждой странице имелось по одному, а то и по два стикера.

- Это первая Книга Теней, которую нам удалось отыскать, - объясняла Мелани. - Мы обнаружили ее на чердаке у Дианы. С тех пор мы нашли еще несколько - такая, как выяснилось, была в каждой из двенадцати семей. Над этой нам пришлось серьезно поработать: пять лет мы расшифровывали заклинания и переписывали их на современном английском. Для удобства я даже загрузила их в компьютер.

- И теперь ты владелица Файла Теней, - предположила Кэсси.

Лорел ухмыльнулась.

- Точно. Знаешь, это так интересно! Вот увидишь, как только ты начнешь изучать заклинания и ритуалы, внутри тебя что-то проснется, и ты начнешь придумывать собственные - они прямо польются из тебя.

- Инстинкт, - пробормотала Кэсси.

- Он самый, - подтвердила Лорел. - У всех нас он есть, у кого-то в большей, у кого-то в меньшей степени, в чем-то некоторые из нас сильнее, например, во вызывании к определенным Силам. Я, допустим, главный специалист по общению с Землей, - Лорел взяла горсть песка и пропустила его сквозь пальцы.

- Угадай с трех раз, с чем лучше всего работается Фэй, - сухо сказала Мелани.

- В общем, отвечая на твой вопрос, мы много чего можем, - сказала Лорел. - Все зависит от твоих пожеланий: заклинания защиты, обороны...

- Или нападения, - вставила Мелани, бросая взгляд в сторону Деборы и Сюзан.

- ...заклинания на незначительные вещи, вроде разведения огня, и на значимые, вроде... хотя ты сама потом узнаешь. Магические формулы для исцеления и поиска утерянных вещей... гадания с помощью магического кристалла, прорицания, любовные зелья... - Она улыбнулась, потому что Кэсси вдруг подняла голову. - Что-то заинтересовало?

- Только капельку, - героиня романа и вечера густо покраснела. Господи, как же она хотела сойтись с мыслями; ее по-прежнему не оставляло чувство, что она что-то упустила - что-то настолько очевидное, что-то, что нельзя было оставить без внимания. Но что?

- Существует определенная полемика о морально-этическом восприятии любовных зелий и заклинаний - заговорила Мелани и взгляд ее серых глаз не выражал особого одобрения. - Есть мнение, что это насилие над свободой личности, если ты понимаешь, о чем я. И злоупотребление заклинанием может срикошетить в того, кто его использует, причем в тройном размере. Некоторые люди считают, что риск слишком велик.

- А другие люди, - сказала Лорел с мрачной издевкой, поблескивая карими глазами, - считают, что в любви и на войне все средства хороши. Если ты понимаешь, о чем я.

Кэсси прикусила губу: сколько она ни старалась вспомнить, что же ее так беспокоит, не получалось; в ее ведьминском мозгу уже роились совсем другие мысли.

И не то чтобы мысли, скорее надежда: неужели возможно?

Любовные зелья, заклинания на поиск вещей - может быть, это то, что необходимо, чтобы найти его, найти и привести к ней? Есть ли для этого заклинания? Она нутром чувствовала, что есть.

Найти его... юношу с серо-голубыми глазами. Низ живота заполнился любовью, ладони покалывало; за спиной расправились крылья. Ей так хотелось задать всего один малюсенький вопрос!

- Допустим, - сказала она, с облегчением услышав свой ровный голос, - ты хочешь найти какого-нибудь человека; допустим, ты с ним познакомилась, а потом рассталась и не знаешь, где он теперь. Допустим, что он тебе... нравится и что ты хотел бы вновь его увидеть. Найдется что-нибудь для этого?

Карие глаза Лорел вновь вспыхнули.

- Так-с, а мы сейчас, случаем, говорим не о ком-то мужского пола? - спросила она.

- Именно, - ответила Кэсси и почувствовала, как краска опять заливает лицо.

- Ну... - Лорел посмотрела на Мелани, которая только неодобрительно покачала головой, и потом снова на Кэсси, - я бы сказала: здесь подойдет простое заклинание на дерево. Деревья настроены на такие вещи, как любовь и дружба, на все, что растет и дает жизнь. Осенью, то есть сейчас, лучше использовать плоды собранного урожая, к примеру, яблоки. Да, я бы сотворила заклинание на яблоках. Надо взять яблоко и разрезать его; потом взять две иголки - обычные швейные - пропустить одну через ушко другой и скрепить их вместе нитью; потом положить их внутрь яблока и снова его закрыть. Связать плод, чтобы он оставался закрытым, прикрепить его обратно к дереву и сказать пару слов, чтобы дерево поняло, чего ты хочешь.

- Каких слов?

- Ну, любых, можно стишок какой-нибудь придумать, - на ходу сочиняла Лорел. - Что-то, что пробудит силу дерева и поможет тебе самой лучше понять, чего ты в самом деле хочешь. Да, в рифму будет эффективнее. Я не сильна в таких вещах, но что-то вроде: «Дерево, красивое, ведем ко мне любимого».

«Нет, это не то», - подумала Кэсси, испытывая творческий трепет.

Слова Лорел видоизменялись у нее в мозгу, они росли и набирали силу. Голос, нашептывающий их, звучал звонко, но как будто бы издали.

Почка, цветок, клейкий листок -

Его отыщите, ко мне привяжите.

Корень, сучок, древа росток.

Шелковой нитью любви оплетите.

Ее губы беззвучно нашептывали слова. Да, она всем своим естеством ощутила, что это то, что доктор прописал. Настоящее заклинание... но осмелится ли она им воспользоваться?

«Да. Ради него я рискну всем».

Она уставилась на свои пальцы, рассеянно перебирающие песок.

«Завтра, - решила девушка. - Я сделаю это завтра. А потом каждую минуту каждого божьего дня я буду сидеть, надеяться и высматривать, ждать, пока не увижу тень, не подниму голову и не пойму, что это он, или пока не услышу шаги, не обернусь и не увижу, что это он идет мне навстречу. Или пока не...»

А дальше произошло такое, отчего Кэсси чуть не закричала: ей в руку уткнулся мокрый нос.

Она не вскрикнула лишь потому, что у нее практически остановилось сердце. Когда вопль уже подступил к горлу, она увидела собаку, и все смешалось: ее отдернутая рука безвольно опустилась, а губы беззвучно раскрылись и сомкнулись. Как в тумане, глядела девушка на карие глаза и короткую, шелковистую шерстку на морде. А пес смотрел на нее, открыв смеющуюся пасть, будто бы спрашивая: «Разве ты не рада меня видеть?»

Затем Кэсси подняла глаза и взглянула на хозяина собаки.

Он смотрел на нее сверху вниз, как тогда - на пляже Кейп-Кода. Лунный свет застрял в его рыжих волосах, превращая некоторые прядки в языки пламени, а другие - в лужицы красного вина; его серо-голубые глаза лучились серебром.

Он нашел ее. Все вокруг застыло: рев океана стих и отдалился, унялся даже легкий ветерок. Звуки замерли; казалось, замер весь мир - в ожидании.

Медленно Кэсси поднялась на ноги. Зеленая шаль упала на песок. Если девушка и чувствовала холод, то только потому, что слишком остро ощущала все свое тело, взбудораженное и покалывающее сотнями маленьких иголок. Она чувствовала тело и в то же время отделилась от него. Так же, как тогда, на пляже Кейп-Кода, Кэсси видела сверху, как он и она стоят друг напротив друга.

Она видела себя - в тонкой белой сорочке с босыми ногами, видела свободно ниспадающие на плечи волосы, видела, каким взглядом она смотрит на него.

«Прямо, как Клара, в балете «Щелкунчик», - подумала Кэсси, - когда она просыпается среди ночи и смотрит на Принца Щелкунчика, пришедшего, чтобы забрать ее в свой волшебный мир».

Она чувствовала себя совершенно как Клара, ей казалось, что лунный свет преобразил

ее в изящную, прекрасную заколдованную принцессу; ей казалось, что сейчас ее принц возьмет ее на руки и будет танцевать с ней; ей казалось, что лунный их танец будет длиться целую вечность.

Они смотрели друг на друга и не могли оторваться. На его лице читалось изумление: он казался удивленным в той же степени, что и она; он не ожидал, не чаял, - но как это могло произойти? Он нашел ее. Неужели он ее искал?

«Серебряная нить», - вспомнила Кэсси.

Она не видела ее, но чувствовала пульсацию энергии; она чувствовала, как нить соединяет их сердца. Девушка вся дрожала.

Связь становилась все ощутимее, а сила притяжения - все сильнее; нить плавно подтягивала героиню к юноше. Все ближе, ближе - наконец, его рука поднялась и потянулась к ней; она протянула руку в ответ, готовая взять его пальцы в свои...

И тут из-за ее спины раздался крик. Парень отвлекся и посмотрел поверх плеча Кэсси; затем его рука опустилась.

Что-то встало между ними, что-то яркое, столь же яркое, как солнечный свет: оно вспыхнуло и разрушило связь. Между ними стояла Диана: она заключила высокого рыжеволосого парня в объятия; она обнимала его - нет... они обнимали друг друга... Одуревшим взором Кэсси смотрела, как он обнимает другую, и почти не поверила в то, что услышала дальше.

- Адам! Любимый! Как я счастлива, что ты вернулся.

Героиня стояла как вкопанная. Она никогда раньше не видела, чтобы Диана теряла самообладание, но сейчас это произошло. Златовласка плакала; Кэсси видела, как ее сотрясают рыдания, она видела, как высокий парень... Адам... обнимает ее и пытается ее утешить.

Обнимает ее. Он обнимает Диану. И его зовут Адам.

«Ты хочешь сказать, что она тебе еще не рассказывала про Адама?»... «Диана, твоя скромность не знает границ»... «Кто он? Твой парень?»... «Он милый. Он тебе понравится»...

Кэсси рухнула на колени и зарылась лицом в шерсть Раджа: она не могла допустить, чтобы кто-нибудь увидел ее в таком состоянии. Она припала к собаке и радовалась, что пес способен выдержать вес ее тела. Боже мой, какой кошмар...

Она смутно слышала голос Адама.

- Что случилось? Я так старался вернуться к посвящению Кори, и где она? Что происходит? - Он посмотрел на Кэсси. - И...

- Ее зовут Кэсси Блейк, - сказала Диана. - Она внучка миссис Ховард, только что сюда переехала.

- Да, я...

Но Диана уже не могла остановиться: горе душило ее.

- И мы только что посвятили ее вместо Кори.

- Что?! - требовательно переспросил Адам. - Почему?

Наступила тишина. Наконец заговорила Мелани; ее голос звучал тихо и монотонно, как у диктора, зачитывающего программу передач на завтра.

- Потому что сегодня утром, точнее вчера утром, поскольку уже наступила среда, мы нашли тело Кори у подножия школьного холма. Ее шея была сломана.

- О Господи! - Кэсси взглянула на Адама и увидела, как тот еще крепче прижал к себе Диану. Когда она, дрожащая, прильнула к нему, он на мгновение зажмурился; затем перевел взгляд на братьев Хендерсонов. - Крис... Даг...

Даг стиснул зубы.

- Это сделали чужаки, - процедил он.

- Это сделала Салли, - прорычала Дебора.

- Мы еще не знаем, кто это сделал, - пылко произнесла Диана, - и, пока не выясним, не станем ничего предпринимать.

Адам кивнул.

- А ты, - сказал он, глядя на человека, стоявшего в сторонке, - что ты сделал, чтобы помочь Кругу в такой тяжелый момент?

- Ни черта, - ответил Ник.

Он стоял со скрещенными на груди руками, бесстрастно наблюдая за происходящим. Отвечая, он дерзко посмотрел на Адама, и их взгляды скрестились. Без сомнения, они друг друга недолго любили.

- Он помогал, - вступилась Диана, пытаясь смягчить гнев Адама. - Он приходил на собрания, и сегодня он здесь; это все, что от него требуется.

- Но это не все, чего требую я, - сказал Адам.

- Требуй, сколько влезет. Большого ты не получишь, - Ник отвернулся. - Я уйду.

- Ник, не уходи... - стала уговаривать его Лорел, но парень уже принял решение.

- Я здесь только потому, что Диана меня попросила, но на сегодня с меня довольно, - бросил он через плечо и ушел.

Фэй повернулась к Адаму, улыбаясь так томно и ослепительно, что только искры летели; она аплодировала.

- Отличная работа, Адам. Диана тут последние три недели убивалась, чтобы сохранить Круг, а ты пришел и за три минуты все разрушил. Даже у меня не вышло бы лучше.

- Ой, замолкни, Фэй, - сказала Лорел.

Все это время Кэсси простояла на коленях; она ничего не видела, ничего не слышала, ни о чем не могла думать, кроме одного: рука Адама - его рука - обнимает плечи Дианы.

«Его зовут Адам. И он принадлежит ей. Не мне - ей. И всегда принадлежал ей».

Это казалось невозможным, но произошло: не смея даже надеяться, она его снова нашла; он пришел к ней - без всякого любовного заклинания, просто притянутый силой ее страстного желания; он пришел - но он принадлежит другой.

Боже, какая идиотка! Наконец-то она поняла, что так тревожило ее весь вечер. Ведь, когда речь шла о завершении Круга, говорилось о двенадцати членах, всегда о двенадцати. И если б она только удосужилась посчитать, то обнаружила бы, что их сегодня было всего одиннадцать: Диана, Мелани, Лорел - трое; Фэй, Сюзан и Дебора - уже шесть; плюс парни: братья Хендерсоны, Ник и Шон - с ними десять; Кэсси стала одиннадцатой. Все это время тонюсенький голосок в дальнем уголке ее сознания пищал, что что-то не сходится. Но она, конечно, его не слушала.

«Да и как я вообще могла не догадаться? - злилась девушка. - Как я не додумалась, что тот, кого я встретила, - один из них?»

Подсказки все это время были прямо у нее перед носом.

«Он дружен с Силами - я убедилась в этом на пляже Кейп-Кода: он прочитал мои мысли; он сказал, что живет в другом месте; сказал, что другой. Порция даже слово это вслух произнесла: «ведьмак»».

«И вот сегодня я узнаю, что клуб - не что иное, как шабаш последнего поколения ведьм Нового Света. Как же я не сообразила, что он один из них?»

«Я ведь даже знала, что у Дианы есть парень; парень, находящийся в отъезде».

Кусочки пазла все время лежали перед ней, но, видимо, ей не очень-то хотелось его собирать. Напрашивался очень простой вывод: «Это потому, что я влюблена в него. И сегодня, увидев его снова, я поняла, что влюблена не просто так, а по уши. А он принадлежит моей лучшей подруге - моей сестре».

«Я ненавижу ее».

Мысль испугала героиню своей сокрушительной силой; разгневанная Кэсси даже кулаки сжала, благо, видеть это мог только Радж. Чувство оказалось таким неукротимым и мощным, что на какое-то мгновение оно заслонило собою даже боль. Кровожадная ненависть - красная, как кровь, и древняя, как мир, - захлестнула героиню и прорывалась, направляясь в сторону девушки с волосами из лунного света...

...из переплетенных нитей лунного и солнечного света. Пока Кэсси наблюдала за

влюбленными голубками со злобствующим неистовством, в голове у нее промелькнула другая картинка: те же самые волшебным образом переливающиеся волосы, падающие на ручной тормоз в машине Дианы. В тот день, когда Диана спасла ее от Фэй.

«В тот день, когда она забрала тебя к себе, почистила твою одежду, накормила тебя ужином и представила своим друзьям. Защитила тебя и дала тебе место в жизни. Стала твоею сестрой».

«Так, напомни еще раз, что ты там говорила о ненависти?»

Кэсси почувствовала, как красная кровожадная волна откатывается назад. Девушка не старалась удержать ее, она не могла ненавидеть Диану, потому что она ее любила. И она любила Адама. Она любила их обоих и хотела, чтобы они были счастливы.

«Ну и что ты теперь собираешься с этим делать?» - спросил внутренний голосок.

Что делать? Все очень просто. Эти двое идеально подходят друг другу: оба высокие - Диане не нужно подпрыгивать, чтобы целоваться с ним; оба старшеклассники - Диана для него достаточно зрелая, а Кэсси не стоит даже надеяться, что она может понравиться парню старше себя; оба невероятно красивые, оба уверенные в себе, оба лидеры...

«И оба - ведьмы голубых кровей, - напомнила себе девушка. - Готова спорить на что угодно, что у него невероятный дар, ну, конечно же, дар - у Дианы может быть только самое лучшее. Потому что она сама лучше всех».

«Потом, не забывай: они любят друг друга с раннего детства, они никогда не разлучались, даже не встречались никогда ни с кем, ясно, как день, что они созданы друг для друга».

Да, именно так рассуждала Кэсси: просто и понятно. Только душа разрывалась на части. Все, что от нее требовалось - это пожелать им счастья и задвинуть поглубже мечты об Адаме; просто отойти в сторону и жить дальше; просто надеяться, что им будет сопутствовать удача.

И тут героиня приняла взрослое решение, холодное и ясное: будь что будет, пообещала она себе, Диана никогда не узнает об этом.

И он никогда об этом не узнает.

Если Диана догадается о чувствах Кэсси, это ее расстроит. Она такая самоотверженная, что может даже напридумывать себе всякого: к примеру, решит бросить Адама, чтобы Кэсси не было больно. А если и не решит, то тем паршивее будет себя чувствовать.

Итак, Диана об этом не узнает - проще и не придумаешь.

«Ни словом, ни взглядом, ни поступком, - яростно пообещала себе девушка. - Не важно, что произойдет, но Диану я несчастной не сделаю. Клянусь»

Мокрый нос уткнулся ей в плечо; послышалось тихое поскуливание - Радж жаловался на отсутствие внимания к его персоне.

- Кэсси.

Диана ей что-то говорила; Кэсси вдруг поняла, как глупо она, должно быть, выглядит, сидя на песке и отчаянно цепляясь за собаку.

- Что? - спросила она, пытаясь унять предательскую дрожь.

- Я спросила, в порядке ли ты.

Диана смотрела на нее: в ясных зеленых глазах, ресницы которых еще не просохли от недавних слез, читалась забота. И, глядя в эти глаза, Кэсси совершила самый храбрый поступок в своей жизни. Он не шел ни в какое сравнение ни с тем, как она дала отпор Джордану Бейнбриджу, прятавшему за пазухой ружье, ни тем более с тем, как она спасла неблагодарную Салли.

Кэсси улыбнулась.

- Со мною все хорошо, - сказала она, шлепнув Раджа по спине, и поднялась. Собственный голос показался ей чужим, чудовищно фальшивым и глупым, но Диана не ждала от подруги фальши, не почувствовала ее и успокоилась. - Мне просто... сегодня столько всего произошло, - продолжила Кэсси, - мне просто нужно прийти в себя.

Адам открыл было рот, но Кэсси предугадала его намерение: он хотел поведать им о

том, как они познакомились, и о том, что тогда произошло. Он расскажет, а потом Фэй, которая далеко не дура, сложит два и два и поймет, что парень из стихотворения Кэсси - это Адам. Невозможно. Ни в коем случае. Никто не должен знать.

- И ты меня до сих пор не представила, - в отчаянии выпалила она Диане. - Ты же знаешь, я мечтала познакомиться с твоим парнем с того самого момента, как ты мне о нем рассказала.

Все. Сказано. Твой парень.

Адам был озадачен, а Диана, наивная Диана, просто огорчена.

- Прости, разве я не представила? Кэсси, это Адам - я знаю, вы отлично поладите. Он уезжал.

- Навещать кого-то, правильно? - лихорадочно вставила Кэсси, так как Адам снова собрался что-то изречь.

- Нет, не навещать. Я знаю, я так тебе раньше говорила, но теперь могу сказать правду. Он искал некоторые... предметы, принадлежавшие старому шабашу, самому первому. Судя по записям, у них были какие-то могущественные артефакты, которые потом загадочным образом исчезли. Инструменты Мастера. Адам ищет их все время с тех пор, как впервые услышал о них.

- И все время возвращается с пустыми руками, - отметила Фэй с явной ноткой веселого злорадства в хриловатом голосе. - И ох, не думаю, что на этот раз он нас удивит.

Адам отвлекся - он посмотрел на черноволосую девушку и улыбнулся: улыбка вышла с хитринкой, сулящей море секретов.

- Что? - произнесла Фэй с легкой иронией и, поскольку он продолжал улыбаться ей, решила добавить: - Что? Даже не надейся, что мы поверим...

- Адам, - проговорила Диана изменившимся голосом, - не хочешь ли ты сказать, что...?

Адам только ухмыльнулся и кивнул в сторону брезентового мешка, лежавшего в отдалении на пляже.

- Шон, принеси его.

Шон помчался за мешком и вернулся со словами: «Ну ни фиги себе, он тяжелый!»

- Адам... - прошептала Диана, распахнув глаза.

Адам забрал у Шона мешок и положил его на землю.

- Жаль, что Ник так поспешно убрался, - сказал он, - а то тоже бы насладился. - Он запустил обе руки в мешок и извлек оттуда череп.

13

Размером и формой череп походил на человеческий, но полностью состоял из кристаллов. Лунный свет отражался в их гранях и пронизывал череп насквозь. Он скалил свои кристальные зубы, а пустые глазницы, казалось, зыркали прямо на Кэсси.

На мгновение время остановилось, а затем Фэй рванулась вперед, чтобы схватить череп.

- Э-не, - сказал Адам, отводя руку с черепом подальше от Фэй, - руки прочь.

- Где ты его взял? - спросила Фэй. В ее голосе больше не было томности, только с трудом сдерживаемое возбуждение.

Даже своими онемевшими чувствами Кэсси ощутила, что интерес Фэй не сулил ничего хорошего; потом она увидела, как Адам с Дианой быстро переглянулись. Затем юноша повернулся к Фэй и ответил:

- На острове.

- На каком острове?

- Не знал, что ты так заинтересуешься; раньше тебя это не трогало.

Фэй злобно уставилась на Адама.

- Я все равно узнаю, Адам.

- Там, где я его нашел, больше ничего нет. Поверь мне, там этот Инструмент Мастера

оказался единственным.

Фэй сделала глубокий вдох, расслабилась и улыбнулась:

- Что ж, хотя бы позволь каждому из нас осмотреть его.

- Нет, - вступила в разговор Диана. - Никто к нему пока что не притронется: мы ничего о нем не знаем, кроме того, что он использовался старым шабашем - самым Черным Джоном, а значит, он крайне опасен.

- Известно ли нам доподлинно, что это тот самый череп, о котором писал Черный Джон? - спросила Мелани тихо и, как всегда, рассудительно.

- Да, - сказал Адам. - По крайней мере, он точно совпадает с описанием, содержащимся в старых записях. И нашел я его в месте, похожем на то, что описывал Черный Джон. Мне кажется, он настоящий.

- Значит, сначала его нужно очистить и изучить, - сказала Диана, повернувшись к Кэсси. - Черный Джон был одним из лидеров первого шабаша, - объяснила она. - Он умер через некоторое время после того, как основали Нью-Салем, но перед этим он успел спрятать самые могущественные Инструменты Мастера - якобы для сохранности, но на самом деле для того, чтобы в одиночку использовать их для собственной выгоды и мести, - сказала она, многозначительно посмотрев на Фэй. - Черный Джон был злым человеком, и все, к чему он прикасался, напитывалось отрицательной энергией. Мы не будем пользоваться черепом, пока не убедимся, что это безопасно.

«Если Черный Джон имел хоть какое-то отношение к этому черепу, значит, он действительно был плохим», - подумала Кэсси.

Каким-то необъяснимым образом девушка учуяла мрак, исходящий от артефакта. Если бы не ее подавленное состояние и головокружение, она бы сказала об этом остальным, но, наверное, все ощущали то же самое.

- Первый шабаш так и не нашел Инструменты Мастера, - заговорила Лорел. - Они искали, потому что Черный Джон оставил кое-какие подсказки об их местонахождении, но все поиски оканчивались неудачей. Тогда они создали новые Инструменты, но те оказались не такими могущественными.

- А теперь у нас в руках один из Инструментов Мастера, - сказал Адам; его серо-голубые глаза светились волнением.

Диана легонько коснулась его руки, той, что держала череп. Златовласка улыбнулась своему рыцарю, и перевода не требовалось: она разделяла его гордость и триумф. Это был их совместный проект, над которым они трудились многие годы и который наконец-то принес плоды.

Сердце пронзила такая острая боль, что Кэсси пришлось стиснуть зубы.

«Они заслужили право побыть наедине друг с другом», - подумала она.

Надломленным и натужно веселым голосом она произнесла:

- Знаете, я устала. Думаю, пора уже...

- Конечно, - сказала Диана, тут же забеспокоившись, - ты, должно быть, валишься с ног. Да все мы устали. Давайте обсудим остальное на завтрашнем собрании.

Кэсси кивнула, и никто больше не возражал. Даже Фэй. Но пока Диана передавала новоявленную ведьму на поруки Мелани и Лорел и просила их проводить ее до дома, героиня случайно встретилась взглядом с Фэй. В золотых глазах черноволосой бестии читалась странная, расчетливая мысль. В обычных обстоятельствах это насторожило бы Кэсси, но в данный момент ей было все равно.

Несмотря на то, что первые проблески зари еще не раскрасили небо над океаном, в доме ослепительно горели все лампы. Девушки вошли вместе с Кэсси и обнаружили, что мама с бабушкой сидят в чопорной старомодной гостиной передней части дома. Они были в ночных сорочках и халатах, с неприбранными волосами.

По их лицам Кэсси сразу же поняла, что они знают.

«Так вот для чего они меня сюда привезли? - подумала девушка. - Чтоб я стала частью Круга?»

Ни малейшего сомнения не оставалось: она оказалась здесь специально для этого.

Но голоса молчали - даже самые глубинные голоса - и это беспокоило.

Она отбросила ненужные тревожения - не сейчас. Кэсси посмотрела на лицо своей матери: осунувшееся и встревоженное, оно было исполнено скрытой гордости и надежды. Как если бы она сидела на олимпийском стадионе и смотрела, как ее дочь только что прыгнула с трамплина, сидела и с замиранием сердца ждала решения судей. Бабушка выглядела аналогичным образом.

Внезапно, несмотря на саднящую боль в сердце, Кэсси почувствовала, как она их любит, как хочет их защитить. Прямо с порога Кэсси улыбнулась и спросила:

- Итак, ба, где наша Книга Теней?

Женщины рассмеялись, и остатки напряжения улетучились.

- Я о ней слыхом не слыхивала, - ответила бабушка, - но как только надумаешь, мы сразу же хорошенько осмотрим чердак.

Собрание на следующий день выдалось напряженным: все сидели как на иголках, а Фэй определенно плела паутину интриг. Она хотела говорить только о черепе: по ее словам, они должны воспользоваться им, и незамедлительно; ну ладно, если не воспользоваться, тогда хотя бы проверить. Попробовать его пробудить; посмотреть, какие на нем остались следы и так далее.

Диана по-прежнему твердила «нет». Нет проверке, нет пробуждению. Они должны сначала очистить его, познакомиться с ним. Фэй прекрасно знает, что, если очищать его должным образом, на это уйдут недели, если не месяцы. И пока Диана главенствует...

Фэй сказала, что в таком случае Диана долго не проглавнствует. По сути, если Диана продолжит так настойчиво и глупо отказываться от проверки черепа, Фэй может созвать новое голосование, не дожидаясь ноября. Диана этого добивается?

Кэсси не понимала ни слова. Как можно проверить череп? Или ознакомиться с ним, или очистить его? Но на этот раз спор вышел таким яростным, что никому и в голову не приходило отвлекаться на объяснения новенькой.

Она провела все собрание, стараясь не смотреть на Адама, который, в свою очередь, попытался заговорить с ней перед началом; ей посчастливилось на редкость удачно избежать разговора. Кэсси мрачно цеплялась за принятое ею решение, несмотря на то, что усилия, которые она тратила, чтобы не замечать парня, стоили ей полжизни. Она запретила себе смотреть на его волосы, отросшие с момента их первой встречи, на рот, такой же красивый и улыбчивый, как и прежде; она отказывалась думать о его теле, которое видела на пляже Кейп-Кода и которое хорошо запомнила, - прекрасное тело с сильными мышцами и длинными ногами; но главное - она отказывалась смотреть ему в глаза.

Из этого собрания Кэсси вынесла только одно: положение Дианы шатко. Статус «временного» лидера означал, что шабаш мог в любой момент собрать голосование и сместить ее, хотя официальное время для голосования приходилось почему-то на ноябрь. И Фэй явно искала поддержки, чтобы перехватить власть. Она переманила на свою сторону братьев Хендерсонов, сказав, что они смогут воспользоваться черепом, чтобы найти убийцу Кори; на Шона она воздействовала, как водится, угрозами; Дебору и Сюзан уговаривать не пришлось, они, понятно, поддерживали ее с самого начала.

Шесть человек. На стороне Дианы тоже было бы шестеро, если бы Ник не остался в воздержавшихся. Он заявился на собрание, но все время курил и мыслями пребывал где-то не здесь. Когда его спросили, что он думает, он ответил, что ему нет дела до того, будут они использовать череп или нет.

- Итак, ты видишь, что нас больше, - заявила Фэй Диане, и медовые глаза запылали предчувствием триумфа. - Либо ты разрешаешь нам использовать череп, либо... я прямо сейчас созываю голосование, и мы проверим, выберут ли тебя снова лидером или нет.

Диана сдвинула брови и поджала губы.

- Ладно, - решительно заявила она наконец, - мы попробуем пробудить его в эту субботу - только пробудить и ничего более. До субботы дотерпишь?

Фэй грациозно кивнула. Она победила, и знала это.

- Итак, в субботу ночью, - провозгласила она и хитро улыбнулась.

Похороны Кори состоялись в пятницу. Кэсси стояла с остальными членами клуба и плакала вместе с ними. После на кладбище произошла драка между Дагом Хендерсоном и Джимми Кларком - парнем, с которым Кори встречалась предыдущим летом. Их разнимали всем клубом. Взрослые, казалось, боялись даже близко подойти к ним.

Суббота выдалась ясной и прохладной. Кэсси провела ее, уставившись в книгу и делая вид, что читает. Она нервничала из-за предстоящей церемонии с черепом, но еще больше она переживала из-за своих чувств к Адаму. Что бы ни случилось, сказала она себе, никто не должен узнать об этом.

«Даже если этой тайне суждено загнать меня в гроб, пусть - я унесу ее с собою в вечность».

Вечером она отправилась к Диане; старшая «сестра» выглядела уставшей, словно мало спала в последнее время. Впервые с момента посвящения - с того самого дня, как появился Адам, - девушки остались наедине. Когда Кэсси вот так сидела в чудесной гостиной Дианы и смотрела на призму в окне, она была почти готова поверить, будто Адам вовсе не приезжал, будто его не существовало. Тогда все вставало на свои места: она просто жила и радовалась тому, что находится рядом с Дианой.

На этот раз девушка обратила внимание на новые репродукции, напоминающие те, которые она рассматривала, когда впервые попала в желтый особняк в викторианском стиле.

- Эти тоже богини? - спросила девушка.

- Да. Вот Персефона - дочь богини плодородия, - Диана говорила тихим усталым голосом, но взглянув на картину, оживилась. На репродукции была изображена стройная смеющаяся девушка, собирающая цветы. Вокруг нее цвела весна, и все ее лицо сияло радостью молодости и жизни.

- А это кто?

- Это Афина - богиня мудрости. Она тоже не была замужем, как и Артемида - богиня охоты. Зато обладала редким умом, поэтому все прочие боги приходили к ней за советом.

Афина оказалась высокой женщиной, с широким лбом и ясными спокойными серыми глазами. «Ну, естественно, у нее серые глаза - репродукция-то черно-белая», - сказала себе Кэсси.

Но почему-то она чувствовала, что даже если бы картина была цветной, глаза остались бы серыми: серыми вдумчивыми колодцами здравого смысла.

Кэсси повернулась к следующей картине.

- А это?...

В это мгновение внизу послышались голоса.

- Эй, наверху, есть кто? У вас дверь не заперта.

- Поднимайтесь, - позвала Диана. - Папа на работе, как всегда.

- Вот, - сказала Лорел, появляясь на пороге. - Я подумала, они тебе понравятся, по дороге нарвала. - Она протянула Диане целую охапку разнокалиберных цветов и трав.

- Ух ты! Мыльная трава. Они такие розовенькие, я могу их засушить и потом мыло сделать. И львиный лев, и сладкий донник. Пойду вазу принесу.

- Я бы еще сюда несколько роз из сада добавила, но мы их все на очищение черепа пустили.

Мелани улыбнулась Кэсси.

- И как поживает наша новенькая ведьма? - спросила она; серые глаза оставались холодными, но черствыми они не были. - Полностью сбита с толку?

- Ну... только немного. В том смысле, что... - Кэсси выбрала первую попавшуюся непонятную тему: - Как можно очистить череп розами?

- Ты лучше об этом у Лорел спроси - она у нас эксперт по растениям.

- А Мелани, - сказала Лорел, - эксперт по камням и кристаллам, а череп этот, между прочим, и есть один большой кристалл.

- Тогда что такое кристалл? - спросила Кэсси. - Если вы думаете, что для меня это очевидно, то ошибаетесь.

- Ну...

Мелани присела на краешек Дианиного стола, Лорел и Кэсси приземлились на диван, Диана вернулась с вазой и начала возиться с цветами. «Новенькая ведьма» действительно хотела понять, чем оперируют члены Круга, чтобы творить магию. Ведь теперь она ведьма - несмотря даже на то, что никогда не сможет сотворить то единственное заклинание, ради которого стоит быть ведьмой. И тут уж ничего не попишешь.

- Хм, кристаллы иногда называют «окаменелой водой», - Мелани начала свой рассказ притворно-лекторским тоном. - Вода соединяется с элементами, позволяя им расти. Но я люблю думать о них как о пляже.

Лорел фыркнула, а Кэсси моргнула:

- Прости, о пляже?

Мелани улыбнулась.

- Да. Пляж - это вода и песок, так? А песок - это кремний, так? Если ты соединяешь кремний с водой, то при определенных условиях он превращается в диоксид кремния - то бишь кристалл кварца. Так что вода, плюс песок, плюс тепло, плюс давление равно кристалл. Остатки пляжа Юрского периода.

Кэсси была заворожена.

- Так вот из чего сделан череп?

- Да, из прозрачного кварца. Существует много видов кварца разных цветов. Аметист, например, фиолетовый. Лорел, ты носишь аметист?

- Еще спрашиваешь! Сегодня уж точно надела, по такому-то случаю, - Лорел откинула длинные русые волосы назад, чтобы продемонстрировать Кэсси свои уши: в каждом из них висело по темно-фиалковому удлинённому кристаллу. - Я люблю аметисты, - объяснила цветочница, - они успокаивают и уравнивают. А если носить их вместе с розовым кварцем, это поможет привлечь любовь.

У Кэсси внутри все сжалось: обсуждайте что угодно, только не трогайте любовь.

- Какие еще бывают кристаллы? - спросила она у Мелани.

- О, их великое множество: в семействе кварца есть цитрин - любимый камушек Деборы. Он желтый и помогает в достижении спортивных результатов: связан с энергией, с фитнесом, с такого рода вещами.

- Ей бы поменьше энергии, - пробурчала Лорел.

- Я, допустим, люблю нефрит, - продолжила Мелани, поворачивая свое левое запястье, чтобы показать Кэсси изумительный браслет. В центре браслета красовался бледно-зеленый полупрозрачный камень овальной формы. - Нефрит умиротворяет и успокаивает. И помогает сохранять ясность ума.

Кэсси заговорила с легким сомнением:

- Но... они и вправду действуют? В смысле, я слышала, что все поклонники нью-эйджа
13 увлекаются кристаллами, но...

- Кристаллы никакого отношения к нью-эйджу не имеют, - Мелани произнесла эту фразу, уничтожающе глядя на готовую вступить в спор Лорел. - Драгоценные камни использовались с начала времен еще нашими древнейшими предками - и, кстати сказать, иногда даже грамотно использовались. Проблема заключается в том, что камни хороши ровно настолько, насколько хорош сам человек. Они аккумулируют энергию, но помочь взывать к Силам они могут только тому, у кого есть дар. Так что большинству людей от них ни жарко, ни холодно.

- Но это не про нас, - сказала Лорел. - Хотя иногда они срабатывают неожиданным образом, выходят из-под контроля. С ними надо держать ухо востро. Помнишь, когда Сюзан вся обвешалась сердоликом, на нее чуть толпа не накинута на футбольном матче? Я

думала, там вооруженный мятеж начнется.

Мелани засмеялась.

- Сердолик - оранжевый и очень... стимулирующий, - объяснила она Кэсси. - Если неправильно его использовать, можно серьезно перевозбудить публику. Сюзан всего лишь пыталась привлечь внимание полузащитника, а в итоге чуть не провела ночь со всей командой в полном составе. Я никогда не забуду, как она в туалете срывала с себя грозди сердолика. - Представив эту картину, Кэсси расхохоталась.

- Красные и оранжевые камни нельзя носить постоянно, - с ухмылкой добавила Лорел. - Но, естественно, Сюзан плевать на это хотела. Как и Фэй.

- Точно, - сказала Кэсси, припоминая. - У Фэй в ожерелье красный камень.

- Это звездчатый рубин, - сказала Мелани, - очень редкий камень, а тот, что она носит на шее, еще и очень могущественный. Он способен быстро усиливать страсть или злость.

Кэсси хотела спросить еще кое о чем, вернее, даже не хотела, а должна была - вне зависимости от собственного желания.

- А что за камень... этот... как его... халцедон? - спросила она максимально будничным тоном. - Он может на что-нибудь сгодиться?

- Еще бы. Он защищает: он может оградить тебя от жестокости мира. Слушай, Диана, а ты не отдала...

- Да, - сказала Диана, которая тихо сидела у окна и слушала. Она слегка улыбнулась воспоминанию. - Я отдала розу халцедона Адаму, когда он уезжал в начале лета. Это особенный камень, - объясняла она Кэсси. - Он ровный и круглый, и на нем есть такой спиралевидный рисунок, напоминающий лепестки розы. А еще по всей поверхности камня разбросаны вкрапления сверкающего кварца.

«И маленькие черные ракушки на обороте», - подумала Кэсси, и тут ей стало дурно.

Даже подарок, который он ей сделал, и тот принадлежал Диане.

- Кэсси? - теперь они все смотрели на нее.

- Простите, - произнесла девушка, заставив себя открыть глаза и растянуть губы в фальшивой улыбке, - все нормально. Просто я... немного на взводе от того, что нам сегодня предстоит. Я даже предположить не могу, на что это будет похоже.

Они мгновенно засуетились, стараясь поддержать неопытную ведьму. Диана угрюмо кивнула, но тоже оживилась.

- Я сама беспокоюсь, - сказала она. - Это происходит слишком рано. Сейчас еще не время, но у нас нет выбора.

Мелани пояснила Кэсси:

- Понимаешь, череп впитывает в себя энергию того, кто его использовал последним. На нем как бы остаются отпечатки, говорящие о том, кто и что творил с его помощью. Вот мы и хотим увидеть эти отпечатки. Поэтому сегодня ночью мы все сконцентрируемся на черепе и посмотрим, что он нам покажет. Конечно, есть шанс, что мы вообще не сможем его пробудить: бывает, что это доступно только одному человеку в мире, или нужен специальный световой или звуковой код, или особая комбинация движений. Но если у нас все-таки получится, и окажется, что он безопасен, мы сможем в будущем использовать его энергию, чтобы видеть то, что нас интересует. Например, увидеть того, кто убил Кори.

- Чем крупнее кристалл, тем больше в нем скапливается энергии, - сказала Диана бесцветным голосом. - А это очень приличный кристалл.

- Но почему старый шабаш высек из него череп? - спросила Кэсси.

- Это сделали не они, - сказала Мелани. - Мы не знаем, кто это сделал, но этому артефакту намного больше трехсот лет. По свету разбросаны другие черепа-кристаллы; никто не знает, сколько их всего. Большинство из них хранятся в музеях и тому подобных заведениях: один, Британский Череп, находится в Музее Человечества в Англии; Тамплиеровский Череп принадлежит какому-то тайному обществу во Франции. Наш старый шабаш каким-то образом раздобыл один из этих черепов и пользовался им.

- Им пользовался Черный Джон, - поправила ее Диана. - Лучше бы Адам нашел другие

Инструменты Мастера. Череп принадлежал лично Черному Джону, и я думаю, что он использовал его, чтобы убивать. Я боюсь, что сегодня... не знаю, но боюсь, что случится нечто ужасное.

- Мы этого не допустим, - новый голос вклинился в дискуссию - новый голос, звучащий от двери.

Сердце Кэсси громко заколотилось, а к лицу прилила кровь.

- Адам, - пропела Диана.

После того, как он прошел к окну, поцеловал ее и сел рядом, ей заметно полегчало. В его присутствии она всегда казалась одновременно и более умиротворенной, и более светящейся.

- Мы будем держать сегодняшнюю церемонию под строгим контролем, - проговорил он. - Если начнет происходить что-то страшное, мы просто тут же все остановим. Ты приготовила гараж?

- Нет, я ждала тебя. Теперь мы можем отнести это вниз, - Диана открыла большой ящик, и Кэсси увидела кристальный череп, лежащий на блюде для запекания, заполненном розовыми лепестками.

- Похож на голову Иоанна Крестителя, - прошептала она.

- Для очистки я использовала соль и дождевую воду, - сказала Диана. - Но по-хорошему, ему необходимо пройти курс кристаллов и цветочных эссенций, а потом полежать пару недель во влажном песке.

- Мы примем все меры предосторожности, - произнес Адам. - Тройной круг защиты. Все будет в порядке. - Он поднял череп, к которому прилипла пара лепестков роз, и вместе с Дианой спустился в гараж.

Кэсси смотрела, как они уходят.

- Не нервничай, - успокаивала ее Мелани, - тебе и делать-то особо ничего не придется во время церемонии. Ты просто не сможешь: люди годами учатся смотреть в магический кристалл. Все, что от тебя потребуется, это находиться с нами и не разрывать Круг.

Кэсси попыталась не обращать внимания на снисходительный тон мудрой сероглазой девушки.

- Слушайте, может меня кто-нибудь подбросить домой и сразу обратно? - спросила она. - Мне нужно кое-что взять.

Гараж Дианы стоял пустой, по крайней мере, машины в нем отсутствовали. На чистом полу тоже ничего не было, кроме нарисованного мелом белого круга.

- Простите, что заставляю всех сидеть на бетоне, - начала Диана, - но я хотела провести церемонию в помещении, чтобы не беспокоиться о том, что ветер может задуть свечи.

В центре круга, образуя круг поменьше, стояли белые свечи. В центре этого более мелкого круга на коробке для обуви лежало нечто, обмотанное черной тканью.

- Хорошо, - обратилась Диана ко всем собравшимся, - тогда приступим.

Она переделась в белую рубаху-платье и надела драгоценности. Глядя на них новыми глазами, Кэсси подумала, что диадема и браслет и, может быть, даже подвязка имеют какое-то магическое значение. Она смотрела, как Диана «создает» круг: обходит пространство с кинжалом, затем с водой, потом с ладаном и, наконец, с зажженной свечой. Земля, вода, воздух и огонь. Произносились какие-то заклинания, которые новенькая ведьма старательно пыталась запомнить. Но как только молодые люди заполнили круг и сели коленом к колену, как наказала Диана, у Кэсси пропал весь интерес к церемонии.

Она оказалась между Фэй и Адамом. Непонятно, как это произошло: она стояла в линии за Шоном и должна была сидеть рядом с ним, но Фэй каким-то образом встряла и оказалась перед ней. Может, она не хотела сидеть с Адамом? Уж кто этого точно не хотел, так это Кэсси, хотя по совершенно иной причине.

Колено Адама упиралось в ее колено - Диана наказала им сидеть именно так. Влюбленная умирала от ощущения его тепла, силы и ни о чем другом не могла думать. С другого боку Фэй дурманила ее своими безумными тропическими ароматами, и от всего

этого голова у Кэсси шла кругом.

Затем погас свет.

Героиня не уследила, как это произошло: она была уверена, что никто не вставал со своего места в Круге. Но, так или иначе, лампы дневного света над ее головой неожиданно вырубилась. В гараже стало темно, хоть глаз выколи. Единственным светлым пятном оставалась горящая свеча в руках Дианы: она освещала только ее лицо. А больше не было видно ни зги.

- Итак, - промолвила предводительница, - мы просто посмотрим последние оставленные отпечатки. Ничего не предпринимаем, глубже не копаем, пока не поймем, с чем имеем дело. И я надеюсь, нет нужды напоминать вам, что Круг нельзя разрывать ни при каких обстоятельствах, что бы ни случилось. - Хотя Диана не смотрела при этом на Кэсси, нашлись такие, кто смотрел, как бы намекая, что некоторым напомнить все же следует.

Пламенем своей свечи Диана коснулась свечи Мелани, и пламя удвоилось. Затем Мелани потянулась, чтобы зажечь свечу Деборы, и желтых языков стало три. Огонь шел по кругу, пока, наконец, не добрался до Адама. Рука Кэсси преступно дрожала, готовясь принять пламя от рыжеволосого. Девушка надеялась, что это спишут на ее нервное состояние. Наконец, все двенадцать зажженных свечей заняли места на полу, приклеенные к нему расплавленным воском. Они давали свет - каждая в меру собственных сил - и отбрасывали на стены тени - огромные сумрачные двойники сидящих вокруг людей.

Диана протянула руку в круг свечей и стянула черную материю с предмета в центре. Кэсси резко вдохнула: череп устоялся прямо на нее своими пустыми глазницами. Но не это показалось ей самым страшным: он ярко светился. Пламя двенадцати свечей играло на хрустальных гранях; кристалл отражал его, преломляя свет. Череп как будто ожил.

В кругу все резко встрепенулись и напряглись.

- А теперь, - сказала Диана, - сосредоточьтесь на какой-нибудь точке внутри черепа. Вглядитесь в нее, выискивайте в ней детали. Затем взгляните еще внимательнее. Продолжайте всматриваться, пока не почувствуете, что вас затягивает в кристалл.

«На какой-нибудь точке внутри черепа?» - безучастно подумала Кэсси.

Но, внимательно присмотревшись к светящемуся черепу, она обнаружила, что кристалл не везде одинаково прозрачен. Внутри него были какие-то штуки, напоминающие дрожащую на ветру паутинку или легкий дымок. Там были трещины, разломы, в которых виднелись миниатюрные пейзажи. И чем внимательнее вглядывалась Кэсси, тем больше деталей она подмечала.

«Вон то выглядит как спираль или вихрь, - подумала девушка, - а это - почти как дверь. А вот лицо...»

Она резко отвела взгляд, чувствуя, как внутри нее все перевернулось.

«Не дури - это всего лишь дефекты камня... и освещения», - сказала она себе.

Она почти боялась опять смотреть в него. Однако остальные не выглядели испуганными: их тени мерцали-трепетали на стенах, а глаза были прикованы к черепу.

«Посмотри на него!» - скомандовала себе девушка.

Туманного лица она больше не видела.

«Вот, это еще раз доказывает, что тебе приглючилось», - подумала Кэсси.

Но к тому моменту у черепа появилось еще одно тревожное свойство: казалось, внутри него что-то движется. Как будто он состоял из воды, заключенной под тонкую кожицу, а в воде этой что-то медленно плавало.

«Ну прекрати ты. Выбери уже себе какую-нибудь деталь и сосредоточься на ней, - велела она себе. Дверь, например. Смотри на нее: она, во всяком случае, не двигается».

Кэсси уставилась на небольшую треугольную трещину в левой глазнице, как раз там, где мог бы находиться зрачок. Трещина походила на чуть приоткрытую дверь, из-за которой лился свет.

«Вглядывайся. Подмечай детали».

Тропический аромат Фэй пьянил и кружил голову. Кэсси смотрела, просто смотрела.

Она видела дверь. И чем тщательнее она всматривалась, тем дверь становилась... ближе. Или сама Кэсси приближалась к двери. Да, ближе... еще ближе... ближе некуда. Кэсси постепенно теряла чувство пространства. Череп рос и не имел уже ни границ, ни формы. Он окружил ее и стал ее миром. Дверь оказалась прямо перед ней. А сама она оказалась внутри черепа.

14

Дверь тоже выросла - она стала обыкновенной, достаточно большой, чтобы войти: она была приоткрыта, а из щели струился радужный свет.

Понимая, что она внутри черепа, Кэсси смотрела на дверь и размышляла. Нельзя сказать, чтобы она совсем не боялась - некоторые части ее тела все-таки покрылись мурашками.

«Если дверь открыта, могу ли я войти? - думала она. - А если нет, то как ее открыть?»

Может, если представить, что дверь открывается... нет, похоже, это не работает. Что там Мелани говорила?

«Кристаллы помогают взывать к Силам».

Какие силы ассоциируются у нас с чистым кварцем? Земля и вода? Как бы песок и море?

Это звучало прямо как начало стихотворения:

Море, песок, вода и земля,

Сделайте так, как требую я.

Она сконцентрировала все внимание на двери, мысленно приказывая ей открыться. Сразу же поток радужного света, струящийся через щель, увеличился. Он становился все сильнее и ярче... Ну же, продолжай в том же духе! Позволь ей притянуть тебя... Кэсси уже воспарила... А дверь стала огромной, как центральный вход кафедрального собора... Открывайся... открывайся же... Девушка тонула в радужном свете.

Готово! Заходи!

И тут в комнате раздался душераздирающий крик.

Полнейшую тишину прорезал вопль ужаса - пронзительный и необузданный. Дверь перестала открываться, и Кэсси почувствовала, что ее тянет назад. Дверь уменьшалась с космической скоростью. Затем, когда девушка уже почти вылетела из черепа, перед ее глазами промелькнуло лицо - то же туманное лицо, что и раньше. Только теперь оно не уменьшалось, а наоборот, двигалось на нее; росло ввысь и вширь, становилось все больше и больше, да так быстро, что еще немного, и оно бы разнесло кристалл на мелкие кусочки. Еще немного, и оно бы...

- Нет! - закричала Диана.

И в тот же самый миг Кэсси ощутила его - непомерное Зло: оно на дикой скорости несло ей навстречу. Нет, его нужно остановить!!!

Она так и не поняла, что произошло потом. Шон сидел рядом с Фэй: то ли он сдвинулся, то ли запаниковал и попытался вскочить с места, в любом случае, началась суматоха. Фэй вроде бы пыталась что-то предпринять, а Шон вроде бы пытался ее остановить, а может, и наоборот. Они дрались; Диана кричала: «Нет, нет!»

Кэсси не знала, что ей делать.

Она попыталась подавить инстинктивное желание отодвинуться от Фэй, но это уже не имело значения: Фэй бросилась вперед, и Кэсси почувствовала, что их колени больше не соприкасаются. Круг разорвался, свеча Фэй погасла.

Тут же будто порывом ветра задуло все свечи. И Кэсси немедленно почувствовала, что торопящаяся сущность достигла границ кристалла, вырвалась из него и промчалась на всех парах мимо погасших дымящихся свечей. Героиня не видела этого - в комнате было хоть глаз выколи - она просто почувствовала. Ощутила так же явно, как ощущала чернильно-черную черноту вокруг себя. Сущность пронеслась мимо нее, сдув в сторону прядь волос девушки. Кэсси выбросила вперед руки, чтобы защитить лицо, но сущность уже исчезла.

В темноте раздался слабый крик. Затем все стихло.

- Включите свет, - выдохнул кто-то.

Внезапно к Кэсси вернулось зрение: Адам стоял у выключателя; рядом с ним - побелевшая от испуга Диана. На лицах членов Круга читалась тревога и сосредоточенность - на всех, кроме Ника. Его лицо, как всегда, оставалось бесстрастным.

Фэй как раз усаживалась на свое место. Создавалось ощущение, что ее сбило мощной ударной волной. С глазами, пылающими яростью, она накинулась на Шона:

- Ты толкнул меня!

- Неправда! - Шон оглядел комнату в поисках поддержки. - Она пыталась схватить череп! Она бросилась к нему.

- Ты, лживый червячишка! Ты хотел бежать. Ты хотел разорвать Круг!

- Она...

- Неправда!

- Хватит! - прикрикнула Диана.

Адам встал рядом с ней.

- Неважно, кто и что сделал, - сказал он напряженным голосом. - Важно то, что энергия вырвалась на свободу.

- Какая энергия? - угрюмо спросила Фэй, изучая свои локти на предмет наличия телесных повреждений.

- Энергия, которая уложила тебя на лопатки, - мрачно ответила Диана.

- Я упала. Потому что этот сопляк толкнул меня.

- Нет, - сказала Кэсси, не успев сдержаться. У нее начиналась запоздалая трясучка. - Я тоже это почувствовала. Что-то вырвалось из черепа.

- О, ты-то почувствовала! Эксперт ты наш, - Фэй наградила ее взглядом, полным презрения. Кэсси взглянула на остальных и искренне удивилась, обнаружив на их лицах неуверенность. Не может быть, чтобы они этого не почувствовали!

- Я видела... что-то, - сказала Мелани. - Что-то темное в черепе, какую-то негативную энергию.

- Что бы это ни было, разорвав Круг, мы его выпустили, - промолвил Адам. Он посмотрел на Диану. - Это моя вина. Я не должен был позволить этому случиться.

- В смысле, ты должен был хранить череп в тайне от нас? - резко спросила Фэй. - Для личных нужд?

- Какая теперь разница?! - выкрикнула Лорел с противоположного конца комнаты. - Если что-то вырвалось из черепа, оно сейчас где-то там. Творит Бог знает что.

- Оно... плохое, - произнесла Кэсси.

Она хотела сказать «злонамеренное», но подумала, что это слово прозвучит слишком напыщенно. Хотя стремительная сущность, которую она почувствовала, была именно такой: злонамеренной, пытающейся уничтожить, навредить.

- Мы должны его остановить, - сказал Адам.

Сюзан теребила пуговицу на своей кофте.

- И как?

В комнате повисла неуютная тишина. Адам и Диана смотрели друг на друга и, казалось, вели безмолвный мрачный диалог; братья Хендерсоны тоже что-то обсуждали, но складывалось впечатление, будто они не сильно огорчены тем фактом, что что-то смертоносное и злонамеренное выбралось наружу и будет теперь свободно разгуливать по

планете. Честно говоря, казалось, что они этому даже рады.

- Может, оно уроет того, кто убил Кори, - пояснил Крис их общую точку зрения.

Диана уставилась на него.

- Так вот о чем ты думаешь? - потом переменялась в лице. - Так вот о чем все думали, когда пытались проникнуть в череп? Вот чего вы все хотели?!

- Задача сегодняшней церемонии состояла лишь в том, чтобы попытаться прочесть последние отпечатки, - отчеканила Мелани злым голосом.

Хендерсоны посмотрели друг на друга и пожали плечами; на лице Деборы возникло выражение, смахивающее на хмурую улыбку; Сюзан продолжала теребить пуговицу; Ник встал и собрался с ничего не выражающим лицом.

- Я так понимаю, на сегодня все, - сказал он.

Диана взорвалась.

- Да, черт возьми, все! - выкрикнула она, изумляя Кэсси. Обычно сдержанная златовласка схватила череп обеими руками. - А это отправляется в безопасное место, туда, где оно и должно находиться. Туда, куда его сразу следовало поместить. Я должна была понимать, что вы все слишком безответственные, чтобы вступать с ним в контакт. - Прижимая к себе череп, девушка быстро вышла из гаража.

Фэй тут же наострилась, как кошка, увидевшая мелькание мышиного хвоста.

- Зря ты с нами таким тоном разговариваешь, дорогуша, - произнесла она гортанным голосом. - По-моему, она нам не доверяет, а? Поднимите-ка руки: сколько здесь людей, желающих следовать за человеком, который им не доверяет?

Если бы взгляд мог калечить, то взгляд, брошенный Мелани, сделал бы из Фэй инвалида.

- Заткнись, Фэй, - сказала она со своим утонченным акцентом. - Пошли, Лорел, - добавила она, поднимаясь и следуя за Дианой.

Кэсси не знала, что делать, поэтому двинулась за ними. Уходя, она услышала, как Адам, едва сдерживаясь, сказал Фэй: «Ух, если бы ты была парнем...»

И потом хриплый, смеющийся ответ: «О, Адам, не знала я, что ты теперь у нас по мальчикам!»

Когда Адам вошел в дом вслед за Кэсси, Диана устанавливала череп обратно на блюдо. Он подошел к златовласке и обнял ее. Она на мгновение прижалась к нему и закрыла глаза. Но не обняла и почти сразу же отодвинулась.

- Все нормально. Просто я зла на них, и мне нужно подумать.

Адам сел на кровать и запустил руку в свою рыжую шевелюру.

- Я должен был держать его в секрете, - сказал он. - Это все мое дурацкое тщеславие...

- Не вини себя, - сказала Диана. - Неправильно держать в тайне от Круга то, что ему по праву при надлежит.

- А правильно, если Круг использует это со злой идиотской целью?

Диана отвернулась и облокотилась о тумбочку.

- Иногда, - тихо проговорил Адам, - я размышляю о том, что мы пытаемся сделать. Может, лучше оставить Старые Силы в покое? Может, пусть спят. Может, мы неправы, когда полагаем, что способны их контролировать?

- Сила - это всего лишь Сила, - устало промолвила Диана, не оборачиваясь. - Она ни злая, ни добрая. Ее можно использовать как для плохого, так и для хорошего.

- А что, если каждый, кто к ней прикасается, заканчивает тем, что использует ее во зло?

Кэсси стояла и слушала, мечтая оказаться в другом месте. Она догадывалась, что между Дианой и Адамом сейчас происходит какая-то чудовищно вежливая ссора. Повстречавшись глазами с Лорел она поняла, что та чувствует себя так же некомфортно.

- Я в это не верю, - наконец, произнесла Диана мягко. - Я не верю, что люди настолько безнадежны.

Лицо Адама выражало тоску и горячее желание разделить с Дианой ее веру в людей.

От взгляда на рыжеволосого Кэсси сделалось дурно. Ей захотелось присесть.

Диана мгновенно обернулась.

- Что с тобой? Ты белая, как привидение.

Кэсси кивнула и пожала плечами:

- Да так, голова немного закружилась; я, пожалуй, пойду.

Праведный гнев из глаз Дианы мгновенно улетучился.

- Хорошо, - сказала она, - только я не хочу, чтобы ты шла одна. Адам, проводишь ее?

По пляжу выйдет короче.

Кэсси в ужасе раскрыла рот, но Адам быстро кивнул.

- Конечно, - мгновенно согласился он. - Хотя и тебя в одиночестве оставлять не хочется...

- Со мной останутся Мелани и Лорел, - сказала Диана. - Я хочу очистить череп надлежащим способом - цветочными экстрактами, - она посмотрела на Лорел, - и кристаллами, - и она взглянула на Мелани. - Мне все равно, сколько это займет времени, пусть даже целую ночь. Я хочу, чтобы это было сделано, и начать хочу прямо сейчас. Сию же минуту.

Обе девушки кивнули. И Адам тоже.

- Хорошо, - сказал он.

Кэсси, так и стоявшая с открытым ртом, внезапно о чем-то подумала и тоже кивнула. Ее рука автоматически потянулась к карману джинсов и нащупала там бугорок.

Вот так она очутилась на берегу наедине с Адамом.

Этой ночью луна спряталась, звезды светили холодно и ярко, волны с ревом бились о берег. Неромантично. Грубо. Примитивно. Ничто, кроме слабого света, исходящего от домов на утесе, не выдавало близости цивилизации.

Они уже почти дошли до узкой тропки, бегущей вверх по скалам к дому номер двенадцать, когда он задал вопрос. В глубине души она знала, что вечно бегать от этого вопроса не получится.

- Почему ты не захотела, чтобы все узнали, что мы раньше встречались? - спросил он просто.

Кэсси сделала глубокий вдох, будто собиралась нырнуть. Сейчас мы увидим, какая из тебя актриса. Она держалась очень ровно, потому что знала: она должна кое-что сделать и найдет в себе силы сделать это. Ради Дианы... и ради него.

- Даже не знаю, - произнесла она и поразилась, насколько буднично прозвучал ее голос. - Я просто не хотела, чтобы какие-нибудь личности, типа Сюзан или Фэй, получили неверное представление о ситуации. Ты же не против? Мне казалось, это несущественно.

Адам посмотрел на нее странно, с сомнением, но затем кивнул.

- Если ты не хочешь, я не стану ничего рассказывать, - сказал он.

Кэсси возблагодарила Бога за такой подарок, но не подала виду.

- О'кей, спасибо. Да, кстати, - продолжила она, роясь в кармане. - Я должна тебе это вернуть. Держи.

Ее пальцы со странным неистовством вцепились в розу из халцедона, но ей удалось разжать их и положить камень в раскрытую ладонь Адама: кристаллы кварца так сияли, что казалось, звезды поделились с ними частичкой своего света.

- Спасибо, что дал попользоваться, - сказала она, - но теперь, когда я официально стала ведьмой, я найду собственные камни, с которыми буду работать. Кроме того... - ее губы изогнулись в дразнящей улыбке, - мы же не хотим, чтобы о нас из-за этого сложилось неверное представление, не так ли?

Она никогда в жизни не вела себя так с парнем: игриво, уверенно и беспечно. Практически флиртуя, в то же время давая понять, что это ничего не значит. Это оказалось очень просто: она бы в жизни не подумала, что это так легко, и решила, что у нее так хорошо получается, потому что она играет роль. Это не Кэсси - это кто-то другой, кто не боится, ибо самое страшное уже произошло и поводов бояться не осталось.

Кривая улыбка, как произвольная реакция на кривой тон Кэсси, тронула губы Адама

и тут же исчезла. Он посмотрел на нее тяжелым взглядом, а она заставила себя взглянуть на него прямо и невинно, так же, как тогда - в августе на пляже Кейп-Кода - она посмотрела на сомневающегося Джордана.

«Верь мне, - подумала девушка, только на этот раз она знала силу собственной мысли и силы, которую она могла призвать себе в помощь. - Море, песок, вода и земля. Сделайте так, как требую я... Верь мне, Адам. Верь мне. Верь мне».

Он неожиданно отвел взгляд и отвернулся к океану. К изумлению Кэсси, это напомнило ей о том, как она освободилась от гипнотизирующего взгляда Фэй.

- Ты изменилась, - промолвил Адам, и в голосе его звучало удивление. Затем он снова посмотрел на нее тяжелым, безжалостным взглядом. - Ты сильно изменилась.

- Конечно. Я же теперь ведьма, - здраво сказала она. - Ты мог бы с самого начала сказать мне об этом: избежали бы массы проблем, - произнесла она укоризненно.

- Я не знал. Я ощущал... что-то... в тебе, но у меня и в мыслях не было, что ты одна из нас.

- О, ну, в конце концов, все наладилось, - затараторила Кэсси. Ей не нравилось, когда он заговаривал о каких-то ощущениях - слишком опасно. - В общем, спасибо, что проводил меня. Мне сюда.

Бросив ему улыбку на прощание, она повернулась и начала взбираться по узкой тропинке. Она не могла поверить, что так лихо все провернула! Однако вместе с облегчением пришли боль и слабость: она еле доволокла ноги до вершины утеса.

«Спасибо», - подумала девушка и двинулась к дому.

- Постой, - раздался за спиной звонкий и властный голос.

«Ну, конечно, рассчитывала легко отделаться», - подумала Кэсси.

Медленно, сохраняя спокойствие, она обернулась и посмотрела на Адама.

Он стоял на краю обрыва, спиной к океану. На лицо его падал слабый свет и отражался от любимых черт: эти высокие скулы, эти смешливые, выразительные губы. Только сейчас они не смеялись. Глаза смотрели на нее с тем же выражением, с которым в тот день они смотрели вслед Джордану и Логану - жестко и проницательно: они излучали силу, пугающую силу, которую Кэсси тогда не понимала. Но пугали они и сейчас.

- А ты хороша, - сказал он. - Но я не настолько глуп. Ты что-то недоговариваешь, и мне нужно знать, что именно.

- Тебе не нужно, - слова слетели с ее губ прежде, чем она смогла их остановить, и прозвучали слишком искренне. - В смысле, нет ничего такого, о чем я тебе не сказала. Тебе показалось.

- Послушай, - сказал он и, к ее неудовольствию, подступил ближе, - когда я тебя впервые встретил, я понятия не имел, что ты одна из нас. Откуда мне было знать? Но я сразу понял, что ты отличаешься от той своей фальшивой подружки: не очередная симпатичная мордашка, а нечто особенное.

«Симпатичная? Он считает меня симпатичной?» - почва начала уходить из-под ног девушки; чистое, невозмутимое спокойствие покидало ее, и она отчаянно за него цеплялась. Выгляди спокойной и ровной; вежливо интересуйся; не дай ни малейшего повода.

Серо-голубые глаза Адама блеснули; на его странном, горделивом лице ясно читался гнев. Но больше всего Кэсси смутила обида, затаившаяся в глубине его глаз.

- Ты не походила на прочих девушек из внешнего мира: ты смогла принять загадочное, не боясь его и не пытаясь тут же уничтожить. Ты показалась мне... открытой, терпимой, не отвергающей и не презирающей то, что отличается от привычного.

- Но не настолько терпимой, как Диана. Диана самая...

- К Диане это не имеет никакого отношения! - воскликнул он, и Кэсси поняла, что это правда.

Он говорил так честно и прямо, что мысли о предательстве нельзя было и допустить.

- Я подумал, - продолжал он, - что ты человек, которому я могу довериться, доверить даже собственную жизнь. И когда я увидел, как ты выдержала столкновение с Джорданом - а

ведь он в два раза тебя выше, - то понял, что не ошибся. Ты вела себя очень отважно: я такого почти никогда в своей жизни не видел. Он сделал тебе больно, а ты улыбалась, и все это ради меня - незнакомого, чужого.

«Не реагируй, - обрабатывала себя Кэсси. - Никак».

- И после этого я почувствовал в тебе нечто особенное - особенное понимание. Это сложно объяснить, но я с тех пор все время думал об этом. Я много думал о тебе, Кэсси, и ждал, что смогу, наконец, рассказать о тебе Диане. Я хотел, чтобы она знала, что она права: да, существуют люди вне Круга, которые могут общаться с нами, которым можно доверять, те, кто может подружиться с магией. Она долгое время пыталась заставить Клуб поверить в это. Я хотел сказать ей, что ты мне раскрыла глаза - на многое. После того, как мы расстались, мне даже показалось, что я стал больше видеть. Я ведь ходил на рыболовецких судах, чтобы найти Инструменты Мастера. Так вот, когда, расставляя сети, я высматривал острова, то вдруг почувствовал, что стал яснее видеть или что океан начал раскрывать мне сокровище. Помогать мне. Я и это хотел рассказать Диане, может, она смогла бы объяснить.

- И за все это время, - продолжил Адам, устремив на Кэсси напряженный взгляд серо-голубых глаз, - я ни разу не пожалел, что отдал тебе халцедоновую розу, хотя мы никогда не делаем ничего подобного для людей вне Круга. Я, конечно, надеялся, что у тебя все будет хорошо, и она тебе не пригодится, но хотел помочь в том случае, если бы с тобой вдруг приключилась беда. И если бы ты когда-нибудь сделала то, что я тебе сказал, крепко сжала бы камень в руке и подумала обо мне, я бы почувствовал, я бы нашел тебя, где бы ты ни была. Потому что я решил, что ты необыкновенная.

«А ведь он прав», - думала Кэсси, и голова у нее шла кругом. Все это время, что камень жил у нее, она ни разу не сжала его в кулаке так, как он ей наказывал, а только думала о нем. Она ни разу не последовала его инструкции, потому что не верила в волшебство.

- А теперь я возвращаюсь, и что же? Оказывается, никакой ты не чужак. Ну, или только наполовину. Я обрадовался, увидев тебя здесь и узнав, что ты вошла в Круг. Диана, судя по ее словам, тоже сразу заметила, что ты особенная. Но я не мог сказать ей, что знаком с тобой, потому что по неким причинам ты не захотела, чтобы об этом знали. Я уважал это, держал рот на замке и предполагал, что ты все объяснишь, как только сможешь. А вместо этого... - он сделал красноречивый жест рукой, - вот что я получаю. Всю неделю ты меня отшиваешь, а теперь ведешь себя так, будто между нами никогда ничего не было. Ты даже прибегаешь к помощи Сил, чтобы заставить меня поверить в эту ложь. И сейчас я хочу знать, почему.

Повисла тишина. До Кэсси доносился шум волн, похожий на тихий размеренный бой часов, она вдыхала запах прозрачного холодного ночного воздуха. Наконец что-то будто заставило ее поднять глаза и посмотреть ему прямо в лицо. Он прав: она не имеет права врать ему. Даже если он будет смеяться, даже если он будет жалеть ее, она должна сказать ему правду.

- Потому что я люблю тебя, - сказала она тихо и просто.

И не отвела взгляда.

Он не смеялся.

Он продолжал напряженно вглядываться в нее, не веря собственным ушам. Не понимая, как может быть правдой то, что он услышал...

- В тот день на пляже я тоже почувствовала нечто особенное, - сказала она. - Только другое, большее. Я почувствовала, будто мы... связаны. Будто нас... притягивает друг к другу. И будто нам суждено быть вместе.

Она видела в глазах Адама такое же смятение, какое испытала сама, обнаружив тело Кори.

- Я знаю, это звучит глупо, - сказала девушка. - Я сама не верю, что говорю тебе все это, но ты просил правды. Все, что я тогда почувствовала на пляже, оказалось ошибкой, теперь я понимаю. У тебя есть Диана - никто в здравом уме большего и пожелать бы не мог. Но в тот день я напридумывала всякой чепухи: я увидела, что нас соединяет что-то типа серебряной нити. Ты показался мне таким близким, таким родным, как будто мы понимали

друг друга, как будто мы были рождены друг для друга. И какой был смысл сопротивляться?...

- Кэсси, - произнес Адам.

От волнения его глаза потемнели. В них застыло выражение... чего? Полного неверия? Отвращения?

- Сейчас я знаю, что все это не так, - беспомощно проговорила она, - но тогда я не понимала. А ты стоял ко мне так близко и так смотрел на меня, что я подумала, ты хочешь...

- Кэсси.

То ли ее слова сотворили волшебство, то ли просто обострилось восприятие, но, так или иначе, восторженным взором она опять увидела... серебряную нить, связывающую ее и Адама. Нить звенела и сверкала и казалась еще сильнее и радостнее, чем прежде. Она накрепко привязала их сердца друг к другу. Потрясенная, Кэсси перевела взгляд на юношу.

Их взгляды встретились, и только тут Кэсси поняла, отчего его серо-голубые глаза потемнели. В них таилось не неверие, а осознание - приходящее понимание, а вместе с ним и изумление. Кэсси стало не по себе.

«Он... он вспоминает, - подумала она. - И видит все, что произошло тогда, в новом свете. Только теперь понимая, что он на самом деле испытывал в тот день».

Она знала, что с ним происходит, слова не требовались: она знала его. Она могла почувствовать каждый удар его сердца; она могла увидеть мир его глазами. Она даже себя могла увидеть такой, какой ее видел он: хрупкое, застенчивое существо, наделенное полускрытой красотой - дикий цветок в тени дерева, но с сердцевинкой, выкованной из сияющей стали. И как только она увидела себя его глазами, она смогла прочувствовать его чувства к себе...

Боже, что происходит? Мир замер, и в нем остались только они вдвоем. Адам смотрел на нее широко распахнутым ошеломленным взором, зрачки расширились, и она чувствовала, что тонет в его глазах. Прядь волос упала ему на лоб, прядь его удивительных, спутанных вьющихся волос, вобравших в себя все цвета осени. Он выглядел, как лесной бог, вышедший из чащи на свет звезд, чтобы обольстить стеснительную древесную нимфу. Попробуй откажи такому!

- Адам, - произнесла она, - мы...

Но так и не закончила. Сейчас он находился слишком близко: она чувствовала его тепло, чувствовала, как их биополя перетекают друг в друга. Она чувствовала, как он взял ее за локти и начал медленно-медленно притягивать к себе, покуда руки его не сомкнулись у нее за спиной. Далее отрицать серебряную нить было невозможно.

15

Кэсси следовало его оттолкнуть, следовало убежать от него. Но вместо этого она, задыхаясь от счастья, уткнулась ему в плечо, в уютный толстый ирландский свитер. Ее окружило тепло, его тепло: оно поддерживало и защищало. Он так вкусно пах: осенними листьями, лесными пожарами, океанским ветром. Ее сердце билось как сумасшедшее.

Тут- то Кэсси и узнала, что значит запретная любовь. А значила она вот что: желать до невозможности сильно, чувствовать себя при этом прекрасно и знать, что это неправильно. Она почувствовала, как Адам слегка отстранился. Она посмотрела на него и поняла, что он ошеломлен не меньше, чем она.

- Мы не можем, - сказал он неожиданно сиплым голосом. - Мы не можем...

Героиня смотрела на него и видела только глаза: они были такого же цвета, как океан в ту страшную ночь, когда он заманивал девушку в свою пучину. Губы Кэсси раскрылись, чтобы произнести беззвучное «нет».

И тут Адам ее поцеловал.

В эту же секунду мысли улетучились у нее из головы. Ее унесла соленая волна ощущений; будто быстрина подхватила ее, накрыла с головой, швыряла вверх и вниз, не

останавливаясь; она погибала, но так сладко.

Она безвольно дрожала: если б он ее не держал, она бы рухнула. Ни с одним парнем она такого не чувствовала: в диком и мощном смятении она могла только подчиниться, отдать себя полностью.

Каждый прилив нежности был слаще предыдущего. Она не чувствовала уже ничего, кроме удовольствия, и не хотела больше сопротивляться. Ее не пугала его бешеная, необузданная энергия - она доверяла ему. Он вел ее, маленькую девочку с одичалым от изумления взором, в мир, о существовании которого она и не догадывалась.

И целовал, целовал ее: они как будто оба с ума сошли, одурманенные и потрясенные. Она знала, что щеки и шея ее безбожно горят; она чувствовала жар, исходящий от их тел.

Непонятно, сколько они так простояли в объятиях, способных растопить разбросанные вокруг камни.

Только через некоторое время Кэсси поняла, что Адам, не размыкая рук, усадил ее на кусок гранита. Ее дыхание стало замедляться, и она снова уткнулась ему в плечо.

И обрела там спокойствие. Бешеная страсть сменилась теплой и ленивой негой. Теперь она в безопасности - она нашла свое место. Это казалось так просто, так красиво.

- Кэсси, - произнес он голосом, которым никогда раньше с ней не говорил и от звуков которого душа ее растворилась и отделилась от тела, покидая его через ступни, ладони и кончики пальцев.

Она никогда больше не будет такой, как прежде.

- Я люблю тебя, - сказал он.

Она закрыла глаза, не произнеся ни слова. Она почувствовала, как он приоткрытыми губами коснулся ее волос.

Серебряная нить свила вокруг них светящийся кокон и стояла как неподвижная, наполненная лунным светом вода. Неистовству пришел конец - настало время тишины и умиротворения. Кэсси почувствовала, что может парить так целую вечность.

«Моя судьба, - подумала она, - ты, наконец, нашла меня. Каждый миг моей жизни вел меня именно сюда. Почему я так боялась, почему так хотела этого избежать? Здесь ведь только радость. Мне больше никогда не придется бояться...»

И вдруг она вспомнила.

Ударная волна чистого ужаса окатила ее.

«О боже, что мы наделали?!» - подумала девушка.

Она отшатнулась так резко, что ему пришлось подхватить ее, чтобы она не упала назад.

- О боже! - сказала она, чувствуя ужас, сметающий все на своем пути. - Господи, Адам, как мы могли? - прошептала она.

Еще мгновение его глаза оставались рассредоточенными, открытыми, но не видящими, будто бы он не мог понять, зачем ей понадобилось разрушать их красивый транс. Но затем она увидела, что к нему приходит осознание, и его серебряно-голубой взор разбился вдребезги. В глазах поселилась необузданная боль.

Все еще в его руках, все еще рядом с ним, Кэсси зарыдала.

Как они могли позволить этому случиться? Как она могла поступить так с Дианой? С Дианой, которая спасла, стала ее другом, доверяла ей. С Дианой, которую она любила.

Адам принадлежал Диане. Кэсси знала, что Диана не мыслит своей жизни без Адама, что все мечты и надежды Дианы включают его. Диана и Адам созданы друг для друга...

Кэсси внезапно вспомнила, каким светом загорелись обеспокоенные зеленые глаза Дианы, как только она увидела Адама; она вспомнила, какой нежностью и сиянием наполнялся Дианин взгляд каждый раз, когда она просто говорила о нем.

Адам все еще любил Диану. Это было ясно, как день. Адам идеализировал Диану: он поклонялся ей с той же чистой, сильной и нерушимой любовью, с какой Диана боготворила его.

Но Кэсси видела, что ее Адам тоже любит. Разве можно любить двоих? Разве можно быть влюбленным в двух людей одновременно? И, что бы она там себе ни говорила, нельзя

было отрицать ни стремительную химию, возникшую между ними, ни особенное взаимопонимание на грани взаимопроникновения, ни связь, соединившую их навеки. Так что, видимо, любить двоих возможно.

Но первенство принадлежало Диане.

- Ты все еще любишь ее, - прошептала Кэсси, зачем-то требуя подтверждения сей грустной истины.

Внутри зарождалась горечь.

Адам закрыл глаза.

- Да, - его голос стал резким. - Господи, Кэсси, прости.

- Нет, все хорошо, - сказала она. Она узнала эту горечь - то была боль потери, боль пустоты, и она усиливалась. - Потому что я тоже люблю ее. И не хочу, чтобы она страдала. Поэтому я пообещала себе, что никто из вас никогда не узнает...

- Это моя вина, - промолвил Адам, и она ощутила, как сильно он себя корит. - Мне следовало раньше понять, следовало самому разобраться с моими чувствами. Вместо этого я насильно втянул тебя в историю, которую ты так старательно пыталась предотвратить.

- Ты никуда не втягивал меня, - мягко и искренне сказала Кэсси. Она говорила тихо и спокойно. Все снова встало на свои места, и теперь она знала, что делать. - Будем считать, что ошибка была общей. Но, что было, то было, главное, чтобы это больше не повторилось. Вот над этим нам и нужно поработать.

- Но как? - обреченно спросил рыжеволосый. - Мы можем сколько угодно сожалеть, я могу ненавидеть себя, но если мы снова окажемся наедине, я не знаю, что случится.

- Значит, нам нельзя оставаться наедине. Никогда. И мы не должны сидеть рядом, касаться друг друга и даже позволять себе думать об этом, - она проговаривала все это и не боялась: она чувствовала, что это правильно.

Его глаза опять потемнели.

- Я восхищен твоим самоконтролем, - голос казался ей еще более удрученным.

- Адам, - проговорила она, чувствуя, как потоки нежности заливают все ее существо, когда она просто произносит вслух его имя, - понимаешь, мы должны. Когда ты вернулся во вторник ночью, сразу после моего посвящения, когда я поняла, что вы с Дианой... Той ночью я поклялась, что Диана никогда не будет страдать из-за моих чувств к тебе; я поклялась, что никогда не предаю ее. Ты хочешь предать ее?

Стояла такая тишина, что Кэсси слышала, как тяжело он дышит. Она чувствовала, что его разрывает на части. Затем Адам выровнял дыхание и снова прикрыл глаза.

Когда он открыл их, ответ уже не требовался: девушка почувствовала, как его руки освободили ее; как он сел чуть поодаль, и как холодный воздух, ринувшийся в пространство между их телами, наконец, разделил их.

- Нет, - сказал он.

И в голосе появилась новая сила. А на лице - новая решимость. Они снова взглянули друг на друга, но уже не как любовники, а как воины. Как товарищи по оружию, крайне решительно настроенные на достижение некой общей цели. Они подчинили свою страсть и спрятали так глубоко, что никто не смог бы ее найти. Они вышли на новый уровень близости, возможно, даже более сокровенный, чем тот, который обычно устанавливается между встречающимися парнем и девушкой. Что бы ни случилось, чего бы им это ни стоило, они не станут больше обманывать девушку, которую оба любят.

Глядя прямо ей в глаза, он спросил:

- Какую клятву ты принесла той ночью? Ты взяла ее из Книги Теней?

- Нет, - ответила Кэсси и задумалась. - Я не знаю, - заключила она. - Мне казалось, что я сама ее сочинила, но сейчас я думаю, что она является частью чего-то более длинного. Я произнесла: «Ни словом, ни взглядом, ни поступком».

Он кивнул:

- Я читал одну с такими словами. Она старая и сильная. С помощью этой клятвы ты взываешь ко всем четырем Силам, чтобы они стали твоими свидетелями, и, если ты хоть раз

нарушишь клятву, они могут подняться против тебя. Готова ли ты снова поклясться? Со мной?

От внезапности вопроса у нее перехватило дыхание. Но, гордая собой, она почти без тени промедления ответила:

- Да.

- Тогда понадобится кровь, - он встал и вынул из заднего кармана нож.

Кэсси удивилась было, а потом подумала, что удивляться нечему: каким бы милым парнем ни казался Адам, он бывал во всяких передрягах.

Без лишних слов он разрезал себе ладонь. Кровь казалась черной в полумраке серебристого света. Затем он протянул нож ей.

Кэсси втянула в себя воздух. Смелость не являлась ее сильной стороной, она ненавидела боль... Но она сжала зубы и приложила лезвие к ладони.

«Просто подумай о боли, которую ты могла бы причинить Диане», - утешила себя она и резким движением двинула нож вперед. Больно, но она не проронила ни звука.

Она посмотрела на Адама.

- Теперь повторяй за мной, - сказал он и поднял ладонь к звездному небу. - Огонь, Воздух, Земля, Вода.

- Огонь, Воздух, Земля, Вода...

- Внимайте и узрите...

- Внимайте и узрите, - несмотря на примитивность обращения, Кэсси почувствовала, что стихии проснулись и прислушиваются.

Ночь внезапно будто ожила от тысяч электрических разрядов, и звезды над головой, казалось, тоже включились и стали светить еще холоднее и ярче. Кожа девушки покрылась мурашками.

Адам повернул руку ребром к земле, и черные капли упали на чахлую траву и холодный песок. Кэсси смотрела как замороженная.

- Я, Адам, клянусь никогда не нарушать доверия, не предавать Диану, - отчеканил он.

- Я, Кэсси, клянусь никогда не нарушать доверия... - прошептала она и посмотрела, как ее собственная кровь стекает по ладони.

- Ни словом, ни взглядом, ни поступком, ни в ясном рассудке, ни во сне, ни разговором, ни молчанием...

Она шепотом повторяла слова.

- ...ни на этой земле, ни на любой другой. Если нарушу клятву, то пусть огонь сожжет меня, воздух задушит, земля поглотит, а вода покроет мою могилу.

Она повторила все в точности. Как только она произнесла последние слова «и вода покроет мою могилу», послышался едва уловимый треск, будто что-то зашевелилось. Будто бы пространственно-временное покрывало разорвалось на какое-то мгновение, а теперь опять сходится. Затаив дыхание, Кэсси еще раз прислушалась.

Затем взглянула на Адама.

- Все кончилось, - прошептала она, имея в виду не только клятву.

Его глаза светились темнотой, окаймленной серебром.

- Все кончилось, - подтвердил он, протягивая ей свою окровавленную ладонь.

После секундного замешательства она пожала его руку. И почувствовала, или ей только почудилось, что, падая на землю, их кровь смешивается. Символизируя то, что никогда не случится.

Затем, медленно, он отпустил ее.

- Ты отдашь розу Диане? - спросила она спокойно.

Он достал из кармана кусок халцедона и подержал его на все еще мокрой от крови ладони.

- Я отдам ей кристалл.

Кэсси кивнула. Она не могла сказать ему того, что подразумевала, а именно, что камню место там же, где и Адаму, - рядом с Дианой.

- Спокойной ночи, Адам, - вместо этого мягко сказала она.

Она посмотрела, как он стоит на краю обрыва, а за спиной его раскинулось звездное небо. Затем развернулась и пошла в направлении светящихся окон бабушкиного дома. И на этот раз он не окликнул ее.

- Ах да, - сказала бабушка Кэсси, - я нашла это утром в прихожей. Наверное, кто-то просунул сквозь почтовую щель, - и протянула Кэсси конверт.

Они завтракали, а в окно светило радостное воскресное солнце. Кэсси поразились, насколько все хорошо и спокойно.

Но одного взгляда на конверт хватило, чтобы разрушить идиллию. На нем крупным, размашистым почерком было написано ее имя. Естественно, красными чернилами.

Ожидая, пока хлопья наполнятся молоком, героиня разорвала конверт и уставилась на записку. И вот что она прочитала:

*«Кэсси,
видишь, на этот раз я использую свое собственное имя. Приходи ко мне домой (номер шесть) сегодня в любое время. Я хочу обсудить с тобой кое-что очень необычное. Поверь, это твой шанс.*

*Люблю, целую,
Р . S . Не говори никому из Клуба, что встречаешься со мной. Поймешь сама, когда придешь».*

Нельзя сказать, что Кэсси не всполошилась. Естественно, первым делом она решила позвонить Диане, но потом подумала, что если та не спала всю ночь, очищая череп, то, наверное, жутко измотана, и нечего ей в таком состоянии общаться с Фэй.

«Ладно, я не буду ее беспокоить, - мрачно подумала Кэсси, - сама пойду и посмотрю, что затеяла Фэй. Наверняка что-то, связанное с церемонией. А может, она хочет созвать голосование».

На фоне прочих развалюх Вороньей Слободки дом Фэй смотрелся очень изящно. Кэсси впустила домработница, и девушка вспомнила слова Дианы о том, что мать Фэй умерла. Здесь жило много неполных семей.

Спальня Фэй выглядела как комната богатой девчонки: беспроводной телефон, комп, телик и видик, куча CD дисков. Ее украшал орнамент из гигантских сочных раскидистых цветов; даже кровать и мягкие подушки были покрыты тканью, расшитой цветами. Дождавшись появления Фэй, Кэсси присела на диван у окна. На тумбочке стояли незажженные красные свечи.

Внезапно плед на кровати зашевелился, и из-под него высунулась мордочка маленького рыжего котенка. За ним тут же появился точно такой же, но серый.

- Ой, какая прелесть, - несмотря на специфику ситуации, Кэсси пришла в полный восторг от котят.

Она никогда бы не подумала, что Фэй кошатница. Девушка сидела спокойно, не дергаясь, поэтому крохотные создания бесстрашно вылезли из-под пледа. Забравшись на Кэссин диванчик, они стали ходить по нему, мурлыча, как маленькие моторные лодки.

Кэсси хихикнула и даже пискнула от счастья, когда один из котят храбро вскарабкался по ее свитеру и непрочно устроился на плече. Котята были обворожительные: рыжий - пушистый и всклопоченный, а серый - гладенький и опрятный. Когда они исследовали Кэсси, их малюсенькие коготочки покалывали ее кожу, как иголки. Рыжий забрался ей на голову, слепой мордашкой уткнулся в ухо, и она снова засмеялась.

Он пытался добыть мамино молочко, обнимая ее своими крохотными лапками за шею; девушка чувствовала, как посапывает холодный носик звереныша. Серый пытался проделать то же самое с другой стороны. «Ой, какие миленькие, какие маленькие...»

- Аи! - запричитала она. - Ой-ой-ой - не делай так! Слезь! Слезь ты!

Она потянула за маленькие тельца, пытаясь отодрать их от себя. Они запутались в ее волосах и повисли, цепляясь когтями... и зубами. Когда Кэсси, наконец, удалось от них освободиться, она чуть не бросила их на пол. Затем ее руки взметнулись к шее.

Пальцы нащупали что-то мокрое: она в шоке уставилась на капли крови.

Они укусили ее, маленькие монстры. А теперь они сидели на полу и сосредоточенно слизывали кровь с когтей. Кэсси охватило отвращение.

Фэй, незаметно вошедшая в комнату и наблюдавшая за сценой, ухмыльнулась.

- Может, в кошачьем корме недостаточно витаминов и минералов, - предположила она.

Этим утром она выглядела ошеломляюще красиво: ее спутанные чернящие волосы еще не высохли и струились вниз каскадами натуральных крупных локонов, влажная кожа блестела на фоне бордового халата.

«Ох, не нужно было приходить», - подумала Кэсси, чувствуя приближение безотчетного страха.

Но Фэй не посмеет навредить ей сейчас: узнает Диана, узнает Круг. Должна же Фэй понимать, что ей это так просто не сойдет.

Фэй уселась на кровать.

- Ну, как тебе понравилась церемония прошлой ночью? - обыденным тоном спросила она.

Ну вот, она так и знала.

- Все шло хорошо, пока не произошла какая-то фигня, - ответила Кэсси и снова взглянула на Фэй.

Та засмеялась глубоким, ленивым смехом.

- Да, Кэсси. Ты мне нравишься. Действительно нравишься. Я сразу заметила в тебе нечто особенное.

Я знаю, что мы не очень-то хорошо начали, но, думаю, все изменится. Сдается мне, мы станем добрыми друзьями.

Кэсси на мгновение потеряла дар речи. Затем выдавила:

- Вот уж не думаю, Фэй.

- Зато я так думаю, Кэсси. И важно именно это.

- Фэй... - Почему-то после прошлой ночи Кэсси обнаружила в себе смелость говорить в лицо такие вещи, которые до этого не смела и вымолвить. - Фэй, я не думаю, что у нас с тобой много общего. Я даже не уверена, что хочу с тобой дружить.

Фэй только улыбнулась.

- А жаль, - сказала она. - Потому что, видишь ли, мне кое-что известно. И, по-моему, это тот секрет, который ты хотела бы разделить только с очень близким другом.

Земля ушла у Кэсси из-под ног.

Только не это... откуда ей знать... только не это... Кэсси трепетала от испуга, но сомнений, увы, не оставалось. Она уставилась на старшую девушку, чувствуя, что вот-вот превратится в соляной столб.

- Видишь ли, - продолжила Фэй, - у меня полно всяких друзей. Они рассказывают мне много интересного о том, что видят и слышат в округе. И знаешь что? Прошлой ночью один из этих друзей заметил кое-что на утесе.

Кэсси сидела, почти ослепнув от потрясения.

- Он увидел двух людей на утесе рядом с домом номер двенадцать. И эти двое... ну, скажем так, они очень-очень сблизались. Произошла довольно горячая сцена, насколько я слышала.

Кэсси попыталась заговорить, но не смогла вымолвить ни слова.

- И ты ни за что не поверишь, кто были эти двое! Я сама бы этому не поверила, если бы не вспомнила стих, который однажды прочитала. Как же он звучал? *Лежу ночами, думаю о нем...*

- Фэй! - Кэсси вскочила на ноги.

Фэй улыбнулась.

- В общем, ты поняла. Диана не слышала тот маленький стихотворный экзерсис, верно? Скорее всего, нет. Что ж, Кэсси, если ты не хочешь, чтобы она его услышала, или узнала, что случилось вчера на утесе, я бы посоветовала тебе подружиться со мной, и быстро, чуешь?

- Все не так! - воскликнула Кэсси. Она пылала и горела от ярости и страха. - Ты совсем ничего не поняла...

- Конечно же, я поняла. Адам очень привлекательный. И я всегда подозревала, что эта их «верность друг другу до гроба» - всего лишь игра. Я не виню тебя, Кэсси. Это вполне естественно...

- Все не так. Между нами ничего нет...

Фэй ухмыльнулась:

- Прости, но из того немногого, что я слышала о вчерашней ночи, напрашиваются совсем другие выводы. Нет, честно, я хочу тебе верить, Кэсси, но задумайся, а поверит ли тебе Диана? Особенно после того, как узнает, что ты намеренно не упомянула, что встретила ее парня на каникулах этим летом - это когда он разбудил в тебе желание, я полагаю. Как там опять в этом стихотворении?

- Нет... - прошептала Кэсси.

- И потом, как ты на него посмотрела, когда он появился вдруг после твоего посвящения! Правда, Диана этого не видела, но я должна тебе сообщить, что у меня уже тогда возникли подозрения. Маленькая сценка на утесе гармонично вписалась в общий сценарий. Когда я расскажу Диане...

- Ты не расскажешь, - отчаянно проговорила Кэсси, - не сможешь сказать ей. Пожалуйста, Фэй. Она не поймет. Все совсем не так, но она не поймет.

Фэй цокнула языком.

- Но, Кэсси, Диана моя двоюродная сестра, кровный родственник. Я обязана ей рассказать.

Кэсси почувствовала себя крысой, лихорадочно бегающей по лабиринту в поисках выхода, которого не существует. Паника отстукивала барабанный бой у нее в висках: Фэй не должна сказать Диане; этого нельзя допустить. Как будет выглядеть Диана, если узнает, и каким взглядом она посмотрит на Кэсси.

И на Адама. Это еще хуже. Она подумает, что они оба предали ее, что Адам с Кэсси по-настоящему ее предали. И как она будет тогда выглядеть... как будет выглядеть Адам...

Кэсси могла выдержать что угодно, кроме этого.

- Ты не сделаешь этого, - прошептала она, - не сделаешь.

- Послушай, Кэсси, я уже тебе, кажется, говорила. Если мы станем друзьями, настоящими добрыми друзьями, я, возможно, сохраню этот секрет. Диана и я, конечно, сестры, но для друзей я готова пойти на что угодно. И, - акцентировала Фэй, а ее золотые глаза ни на секунду не покидали лица младшей девушки, - я, разумеется, ожидаю, что друзья пойдут на что угодно ради меня.

Только сейчас до Кэсси дошло, куда она клонит. Все вокруг нее замерло; сердце сделало один мощный удар и пошло ко дну, как какое-нибудь грузило. Ниже, ниже, еще ниже, а вот уже и дно.

Со дна она спросила Фэй безжизненным голосом:

- Что нужно сделать?

Фэй улыбнулась. Она откинулась на кровати, расслабилась; халат распахнулся, обнажив одну ногу.

- Таак, давай посмотрим, - произнесла она медленно, растягивая удовольствие от момента, купаясь в нем. - Я же знаю, было что-то... а, точно! Я очень хочу заполучить тот череп, который нашел Адам. Я уверена, ты знаешь, где Диана его хранит. А если не знаешь, то я уверена, для тебя не составит труда узнать это.

- Нет, - ужаснулась Кэсси.

- Да, - сказала Фэй и снова улыбнулась. - Я хочу этого, Кэсси. Чтобы ты доказала, какой из тебя хороший друг. А как ты хотела?!

- Фэй, ты же видела, что случилось прошлой ночью. Этот череп - зло. Из-за него на свободу вырвалась какая-то страшная сущность; если ты снова его разбудишь, кто знает, что может произойти? - Заторможенный мозг Кэсси неожиданно задался вопросом, а

действительно, кто знает, что Фэй планирует с ним делать? - Для чего он тебе? - выпалила она.

Фэй терпеливо покачала головой.

- А это мой маленький секрет. Может быть, если мы станем достаточно хорошими подругами, я покажу тебе позже.

- Я не стану этого делать. Не могу, не могу я, Фэй.

- Что ж, весьма грустно, - Фэй подняла брови и сжала свои пухлые губы. - Потому что это значит, что я должна позвонить Диане. Я думаю, моя кузина имеет право знать, чем в свободное время занимается ее парень. - Она достала телефон и стала тыкать в кнопки ухоженным пальцем, увенчанным красным ноготочком.

- Привет, Диана. Это ты?

- Нет! - закричала Кэсси и схватила Фэй за руку.

Фэй отключила микрофон.

- Это означает, что мы Договорились? - спросила она Кэсси.

Кэсси не могла выдать ни «да», ни «нет».

Фэй потянулась и взяла девушку за подбородок, как в самый первый день на ступеньках у школы. Кэсси ощутила крепость ее длинных ногтей, холод и силу ее пальцев. Фэй пристально смотрела на Кэсси своими странными глазами цвета меда.

«У соколов желтые глаза», - подумала Кэсси, ощущая всю дикость этого сравнения.

Пальцы Фэй схватили ее, как когти. Выхода не было - как у крысы в лабиринте. Ее поймали: так хищная птица ловит серую полевую мышку.

Золотые глаза продолжали пристально смотреть на нее, залезая прямо в душу. Она чувствовала страх, головокружение, и не было рядом камня с древним гулом внутри, на который можно было бы опереться. Она находилась в спальне Фэй, на втором этаже, вдали от помощи.

- Так мы договорились? - переспросила Фэй.

Выхода нет. Помощи нет, уже почти нет зрения - все расплылось в глазах Кэсси и поблекло. Она с трудом слышала голос Фэй, прорывающийся сквозь гул в ушах.

Она ощущала, как последний оплот сопротивления, воли рушится.

- Ну же? - пыталась Фэй своим хриплым фальшивым голосом.

С трудом понимая, что творит, Кэсси слегка кивнула. Фэй освободила ее и снова включила микрофон.

- Прости, Диана, я набрала не тот номер. Хотела позвонить в ремонт посудомоек. Пока-пока, - и с этими словами Фэй повесила трубку.

Она потянулась, как гигантская кошка, кладя телефон на тумбочку, и улеглась на спину. Затем положила руки под голову и, улыбаясь, посмотрела на Кэсси.

- Прекрасно, - сказала она. - Перво-наперво ты достанешь мне череп. А после... об этом я подумаю после. Ты поймешь, что отныне я владею тобой, Кэсси.

- Я думала, - прошептала Кэсси, все еще ничего не видя сквозь серый туман, - что мы стали друзьями.

- Это не более чем красивые слова. Правда в том, что отныне ты моя пленница. Я теперь владею тобой, Кэсси Блейк. Я владею твоим телом и душой.

14 Ядовитый сумах - некое подобие русской крапивы, только ядовитое и оставляющее долго не заживающие волдыри (Здесь и далее прим. пер.).

15 MIT (Massachusetts Institute of Technology) - один из лучших технических вузов мира.

16 Венус - вид океанической рыбы.

17 Строчка из известного американского хита 90-х. Означает «Не парься и радуйся жизни».

18 Профессиональный футбольный клуб, выступающий в Национальной футбольной лиге.

19 Dunkin' Donuts - сеть кофеен.

20 International House of Pancakes - сеть блинных.

21 Ларч, кузен Ит - персонажи комедийного фильма ужасов «Семейка Аддамс», снятого по мотивам одноименного сериала.

22 Известные американские треш-металл и хард-кор команды.

23 Пепперони - вид сырокопченой колбасы.

24 «Добро пожаловать в джунгли». Строчка из одноименной песни группы «Guns N'Roses».

25 Девушки, которые стоят на игровом поле и подбадривают спортивные команды. Обычно они размахивают жезлами, делают фигурные построения и произносят речевки.

26 Нью-эйдж (англ. New Age, «новая эра») - совокупность эзотерических направлений,

14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26

связанных с природой, в том числе с камнями и пр. В России это направление разрабатывалось Рерихом, Блаватской и др.